

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2023 Том 23 № 1

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2023 Volume 23 No. 1

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 28.02.2023. Выход в свет 10.03.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,2. Тираж 500 экз. Заказ № 27. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хазендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуумбаатор Г., доктор философских наук, профессор, академик и первый вице-президент Монгольской академии наук (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Diez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kurojatinik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluunbaatar G., D.Sc (Philosophy), Professor, Academician and First Vice-President of Mongolian Academy of Sciences (Mongolia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Кильдюшов О.В.** Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс 9
- Куропятник М.С.** Воспроизводство и изменение дискурсов культуры коренных народов: этнографические самоописания кольских саамов (на англ. яз.) 26

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А.** Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак 40
- Егорышев С.А.** Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности 61
- Мартиневич В.А.** Восприятие новых религиозных движений религиозными организациями Республики Беларусь 74
- Белоконев С.Ю., Иванов В.Г., Левина Е.В.** Византийское наследие в современной Турции: особенности изучения и политическое значение 89
- Нижников С.А., Фам Тиен Бак.** Гендерные проблемы конфуцианской этики в современном вьетнамском обществе (на англ. яз.) 100

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Ярская-Смирнова В.Н.** Социальная реальность в ключе темпорализма: поиск методологии (на англ. яз.) 112
- Чернозуб О.Л.** Графический ассоциативный тест отношения как удобный инструмент имплицитного измерения в массовых опросах (на англ. яз.) 122
- Шарков Ф.И., Гостенина В.И., Лоскутова И.М., Сычева Е.Ю.** Корпоративная культура организации: управление социальным капиталом в условиях вызовов и рисков 142
- Гусаков Т.Ю.** Развитие социального капитала сельской местности на Крымском полуострове (на примере села Новоалексеевка) 156

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

- Доброхотов Л.Н.** Наше травмированное общество: причины, следствия, пути преодоления 172
- Никулин А.М.** Олигархия и лидер — близнецы-братья 180

Бахтикиреева У.М., Сinyaкин В.П. Социокультурные особенности современного тувинского общества 188

Овчинцева Л.А. Самоубийства фермеров как индикатор аграрной трансформации в сельской Индии 196

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рязанцев С.В., Храмова М.Н. VIII Международный конгресс исследований Америки «200-летие Латинской Америки — глобализация, политические и социальные процессы во время пандемии» 207

НАШИ АВТОРЫ 217

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kildyushov O.V.** The categorical dichotomy Gemeinschaft/Gesellschaft in sociological classics: Tönnies — Weber — Freyer — Parsons 9
- Kuropatnik M.S.** Reproducing and shifting discourses on indigenous culture: Ethnographic self-descriptions of the Kola Sāmi 26

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A.** Russian student family: Determinants of marriage 40
- Egoryshev S.V.** Emotional burnout of teachers as a factor of their professional inefficiency 61
- Martinovich V.A.** Perception of new religious movements by the religious organizations of the Republic of Belarus 74
- Belokonev S.Yu., Ivanov V.G., Levina E.V.** Byzantine heritage in contemporary Turkey: Research features and political significance 89
- Nizhnikov S.A., Pham Tien Bac.** Gender issues in Confucian ethics in contemporary Vietnam 100

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Yarskaya-Smirnova V.N.** Social reality in the perspective of temporalism: In search of methodology 112
- Chernozub O.L.** Graphic associative test of attitudes as a convenient implicit measurement tool for mass polls 122
- Sharkov F.I., Gostenina V.I., Loskutova I.M., Sycheva E.Yu.** Corporate culture of organization: Social capital management under challenges and risks 142
- Gusakov T.Yu.** The development of social capital in rural areas of the Crimean Peninsula (on the example of the village of Novoalekseevka) 156

ESSAYS AND REVIEWS

- Dobrokhotov L.N.** Our traumatized society: Causes, consequences, and solutions 172
- Nikulin A.M.** Oligarchy and leader are twin brothers 180

Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P. Social-cultural features of the contemporary Tuvan society 188

Ovchintseva L.A. Farmers' suicides as an indicator of the agrarian transformation in rural India..... 196

SCIENTIFIC LIFE

Ryazantsev S.V., Khramova M.N. VIII International American Studies Congress “200th Anniversary of Latin America — Globalization, Political and Social Processes during the Pandemic” 207

AUTHORS..... 217

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-9-25

Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс*

О.В. Кильдюшов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена эвристической динамике в семантической истории понятий Gemeinschaft/Gesellschaft, которые активно использовали классики социологии в концептуализации качественного отличия современного общества от предшествующих форм социальной жизни. Автор отмечает широкую популярность представлений о стадийных коннотациях данных категорий, обычно понимаемых как сменяющие друг друга типы социальности: если Gemeinschaft рассматривается как изначальная форма традиционной органической общности, то Gesellschaft характерен для массового урбанизированного общества эпохи модерна. Показана структурная связь ранних социологических концептов с философией истории модерна как аналитическим (само)описанием современных обществ. Реконструируется динамика взглядов Ф. Тённиса, использовавшего понятийную пару не только для дескрипции исторически конкретных ситуаций культурного развития, но и в качестве идеально-типических абстракций — как эвристически ценных инструментов анализа. Показана попытка позднего Тённиса релятивировать противоположность двух типов обобществления человека путем указания на одновременность их присутствия в любых социальных взаимодействиях. Кратко обсуждается развитие тённисовских концептов М. Вебером в виде процессуальных понятий Vergemeinschaftung/Vergesellschaftung как социальных отношений, идеально-типически ориентированных на ценностную и целевую рациональность соответственно. Подчеркивается резкая политизация семантического поля понятия Gemeinschaft в Германии межвоенного периода, где оно стало одним из маркеров общественно-политической поляризации. Далее описана разработка дифференцированной теории Gemeinschaft в социологии

* © Кильдюшов О.В., 2023

Статья поступила 16.09.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

Х. Фрайера, а также попытка нацистов сделать понятие ключевым для своей теории гомогенного общества. Обсуждается активная рецепция тённисовских категорий в американской социологии, прежде всего Т. Парсонсом, и подчеркивается его вклад в развитие эвристики, связанной с проблематизацией способов социализации и интеграции в больших обществах типа американского посредством малых солидарных групп. В последней части статьи подчеркнута непреходящая значимость данной топика для позднего модерна, в структуре социального действия которого в смешанной и транзитивной форме присутствуют элементы как общности, так и общества.

Ключевые слова: Gemeinschaft; Gesellschaft; типы социальности; солидарные общности; общество модерна; социальная интеграция; Тённис; Вебер; Фрайер; Парсонс

В начале 1930-х годов Х. Фрайер отметил, что значительную часть истории социологии, особенно немецкой, несложно представить в виде истории понятий Gemeinschaft и Gesellschaft и их соотношения друг с другом, поскольку эта пара охватывает почти весь круг проблем любой социологической системы. Главной заслугой Ф. Тённиса он считал переформулировку давно известных категорий в современной форме и превращение их оппозиции в центральную ось понятийной конструкции социологии [20. С. 182]. Попытаемся в кратком экскурсе в историю немецкой социологии конца XIX — первой трети XX века реконструировать основания оценки Фрайера с точки зрения фундаментальной эвристики социального.

Традиционная версия истории понятия Gemeinschaft выглядит примерно так: классик социологии Тённис в своем главном труде «Gemeinschaft und Gesellschaft» (1887) впервые провел четкое различие между понятиями «общность» [13] (другие варианты перевода на русский язык: община [7. С. 164–179], сообщество [6]) и «общество» как двумя базовыми формами социальности в культурной истории человечества. Первый тип обобществления человека является исторически и структурно изначальным, характерным для большей части истории и проявляющимся в квазиприродных, «органических» «мы»-группах вроде семьи и народа. Этот исходный вид совместной жизни считается аутентичным и полноценным, так как соответствует «сущностной воле» к реальному единству во множестве. Модельной для Тённиса формой здесь выступали семья и брак как «совершенная жизненная общность» (*communio totius vitae*), однако в более слабом виде к общностям относились и другие виды первичных групп, например, соседство и товарищество.

В соответствии с канонической версией истории понятия в процессе развития Gemeinschaft в виде различных органических сообществ судьбы постепенно, но неумолимо вытесняется обществом как механической конструкцией межчеловеческого взаимодействия, например, в больших городах и огромных политических образованиях типа государств современного типа. Здесь уже проявляется «избирательная воля» (1) к абстрактной множественности в единстве, основанная на более или менее свободном выборе человеком своей «мы»-группы на основании общности интересов, а не в силу тради-

ции или совместного прошлого. Для этого типа обобществления характерны эгоизм как ведущий мотив социального поведения рациональных акторов, их взаимное отчуждение внутри большой «мы»-группы, доминирование материальных, прежде всего экономических, интересов (стремление к личной выгоде), готовность к эксплуатации ближнего в погоне за прибылью и т.д. В данной оптике модерное общество предстает как продукт социального разложения или вырождения, наступающего по мере неуклонного исчезновения различных форм жизни в традиционных общностях.

Подобную историко-эволюционную интерпретацию концепции Тённиса можно найти во многих философских [17] и социологических [8] словарях: если под *Gemeinschaft* понимается естественно (органическая) или спонтанно складывающаяся совместная жизнь людей в солидарной «мы»-группе, конституированной общностью происхождения, судьбы и базовых ценностей, то для сменяющего ее *Gesellschaft* характерны рациональные формы организации, прагматически ориентированные на достижение определенных целей и связанные общностью интересов. В качестве идеально-типических для *Gemeinschaft* предстают семья как общность любви, имущества и личной судьбы и народ как общность языка, культуры и коллективной судьбы. *Gesellschaft* как принципиально иной тип социальности лучше всего репрезентируется целенаправленно и целерационально организованными формами совместной жизни, труда и взаимодействия, основанными на формальном договоре или конвенциях взаимно отчужденных и эгоистически мотивированных акторов модерного типа.

Данная контрастная эволюционная схема смены изначальной социальности *Gemeinschaft*, которая была основана на естественной, инстинктивной воле и внутренне мотивированных действиях акторов (например, на родственных чувствах или дружеской эмпатии), исторически более поздней формой *Gesellschaft* на базе рассудочной воли и возможности рационального выбора целей и средств их достижения (прежде всего в хозяйственной деятельности современного типа) имеет вполне конкретный социально-исторический денотат. Она опирается на идею фундаментальной социальной трансформации — постоянно усиливающегося перехода в Новое время от традиционных связей (патриархальных, феодальных или иных форм личной зависимости) к современным общественным отношениям контрактного типа на основе баланса интересов (например, в рамках капиталистической экономики, прежде всего в торговле). С точки зрения истории идей очевидно, что тённисовская модель структурно была очередной вариацией устойчивого в тогдашней социально-теоретической мысли топоса о принципиально новом качестве модерного общества в сравнении с досовременными формами человеческого общежития. Известный польский историк социологии Е. Шацкий приводит несколько примеров такого рода парных концепций, относя их к одной «теоретической семье»: оппозиция военного и промышленного общества

у Сен-Симона, Конта и Спенсера, ранние общественно-экономические формации и капитализм у Маркса, механическая и органическая солидарность у Дюркгейма и многие другие категориальные дихотомии, не получившие столь широкой известности в истории мысли [18. С. 588–589].

В этом историко-теоретическом контексте для современников и последующих поколений социологов была очевидна дискурсивная связь концепции Тённиса с популярным в модерной мысли жанром аналитической философии истории, пусть и в заметно консервативном изводе, альтернативном большинству известных просвещенческих историософий. Так, представитель следующего поколения социологической классики Т. Гейгер отмечал логическую связь концепции *Gesellschaft* у Тённиса с контрактуализмом и естественным правом эпохи раннего модерна: «его чистая теория *Gemeinschaft* есть не что иное, как признание в приверженности органическому понятию общества, тогда как чистая теория *Gesellschaft* — в тесной взаимосвязи с понятиями естественного права и договора — есть обновление идеи *contrat social*» [21. С. 359]. Для К. Мангейма романтически окрашенное различие естественной привязанности и искусственного, сознательного освобождения служило очередным подтверждением традиции консервативного понимания свободы, альтернативного либеральному и восходящего к специфическим идеям В. фон Гумбольдта, который также синтезировал романтические мотивы с рационализмом просвещенческого типа [26. С. 89–92].

Применительно к развитию модерной социальности в *opus magnum* классика прямо говорится о возникновении из соответствующей *Gemeinschaft* «культуры народности» соответствующей *Gesellschaft* «цивилизации государственности» [13. С. 367]. Позже Тённис объяснял выбор подзаголовка первого издания «Общности и общества» — «Исследования коммунизма и социализма как эмпирических форм культуры» [37] — следующим образом: «Я стремился придать этим понятиям научную форму... При этом в первую очередь меня интересовали реальные явления, “эмпирические формы культуры”. Я пытался определить коммунизм как культурную систему *Gemeinschaft*, а социализм — как культурную систему *Gesellschaft*» [42. С. 59].

При всей доходчивости реконструируемой таким образом объяснительной схемы, тем не менее, было бы большим упрощением противопоставлять *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* как исторически сменяющие одна другую формы социальности. Хотя у Тённиса речь идет об отражающих социальную жизнь исторических понятиях, пусть уже социологизированных в высоко абстрагированном виде, с точки зрения фундаментальной социальной теории основной эвристический интерес представляет идеально-типический анализ феноменов обобществления. В условиях высокоорганизованного модерна на рубеже XIX — XX веков для социального действия были характерны разнообразные сочетания инстинкта и расчета, чувств и интересов, симпатии и отчуждения, разделяемых убеждений и принуждения. Поэтому в статье для «Справочника

по социологии» под редакцией А. Фиркандта (1931), в которой Тённис кратко систематизировал свою концепцию, он поясняет эвристический статус понятий «сущностная воля» и «избирательная воля», определяющих общность и общество как модальности социального. Как бы отвечая критикам, он пишет: «масса волений и действий расположена ближе или склоняется либо к одному, либо к другому случаю. Я называю их нормальными понятиями или понятиями, указывающими направление; они представляют собой идеальные типы, призванные служить масштабом для познания и описания реалий» [12. С. 217].

Данное методологическое пояснение в отношении «социологического волюнтаризма» применимо и к центральной категориальной дихотомии *Gemeinschaft* — *Gesellschaft*, поскольку «сущностная воля заключает в себе условия общности, а избирательная воля порождает общество» [13. С. 241]. Попытки истолковывать эти понятия не (с)только как идеальные, но и как конкретные исторические типы с определенным социальным содержанием — методологически ошибочная, хотя и широко распространенная интерпретация классической концепции. Для такого рода заключений серьезные поводы, в том числе текстологического свойства, давал сам Тённис, который лишь в поздние годы жизни эксплицитно позиционировал свои ключевые понятия не только как средство описания фактической эволюции обществ, но и как инструмент их социологического анализа. Таким образом, общность как идеальный тип не тождественна фактически существовавшим в прошлом общинам — крестьянским, религиозным и т.д. То же верно и для понятия общества, как бы обозначающего определенную стадию культурного развития человечества, на которой в значительной мере исключены или дискриминированы традиционные общности, например, семейного, соседского или дружеского типа. Однако до сих пор невозможно представить ни одно общество позднего модерна без ключевых общностей, начиная с семьи, по-прежнему обеспечивающей физическое воспроизводство человечества, и заканчивая организованной преступностью с ее специфическими формами *Vergemeinschaftung* (банды, кланы и мафии) [9. С. 203–204]. В статье 1931 года «Мое отношение к социологии» Тённис утверждал, что не знает ни одного этапа развития человеческой культуры, в котором не присутствовали бы одновременно элементы как *Gemeinschaft*, так и *Gesellschaft* [43].

Поэтому необходимо постоянно иметь в виду двойственное применение им ключевых понятий *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*: с одной стороны, это исторически нагруженные термины, описывающие определенные стадии культурного развития и отражающие переход от патриархально-сословных к модерно-капиталистическим социальным формам (2), а с другой — это абстрактно-типологические категории, с помощью которых можно анализировать любые отношения в социальных группах независимо от конкретно-исторического контекста. В этой социологически

комплексной ситуации «столь соблазнительным кажется рассуждение, что *Gemeinschaft* уходит, уступая не только историческое, но и собственно территориальное место *Gesellschaft*. На самом же деле проблема состоит в том, может ли *Gesellschaft* вообще держаться самим собой: рациональностью, контрактом, а в дополнение — если кому-то будет недостаточно соображений выгоды и вытекающих из контракта обязательств — государственным насилием» [15. С. 417]. О центральном значении данной топике для фундаментальной социальной теории, связанной в дальнейшем прежде всего с творчеством Т. Парсонса и его оксюмороном «общественная общность» (3), будет сказано ниже.

Впервые понятийная пара *Gemeinschaft/Gesellschaft* в эксплицитной форме встречается, видимо, у Ф. Шлейермахера, причем в ранней традиции они употреблялись почти как синонимы. Тённис, будучи философски блестяще образованным автором и знатоком нововременной мысли (4), опирался на традицию употребления *Gemeinschaft* в европейской метафизике (например, у Лейбница и Канта). В свою очередь, она была связана с западной правовой традицией с ее ключевым понятием *commercium* («правоспособность заключать сделки») — совместное бытие или лежащие в его основе взаимодействия. Так, М. Вебер указывал в этой связи, что *commercium* в смысле устойчивых «общественных» отношений (вместе с *connubium* — «правоспособность вступать в брак») — типичный признак принципиального равенства статусов акторов, например, в рамках определенной сословной группы, объединенной как способом ведения жизни, так и специфическими конвенциональными понятиями чести и экономическими шансами, монополизированными посредством права [3. С. 67].

Применительно к *Gesellschaft* П.Б. Струве показывает, что в немецком и латинском его аналоге *societas* это слово изначально означало некую совокупность лиц и единство воли, а затем произошел перенос значения на объективное, не связанное с индивидуальными волями взаимодействие. Эта смена значения подтверждается и во французском эквиваленте *société*: если изначально латинское *societas* значило лишь связанность договором, т.е. относительно длительное обязательство [22. С. 624–631], то со временем происходит уплотнение смысла до более устойчивого образования. В результате французское *société* как социологическое понятие стало обозначать объективное взаимодействие, образованное волей людей, но не зависящее от индивидуальных волей. Тем самым значение радикально сдвигается с волюнтаристски-субъективистского «общества» (волевое единство или «одушевленное общество» Гербарта) на объективистское «общество» как социальное взаимодействие волений («система всесторонней зависимости» Гегеля (5)). В этом смысле прагматика ключевой для Тённиса категории *Gesellschaft* в рамках дальнейшего социологического образования понятий разошлась с волюнтаристской версией вплоть до полного отказа многих теоретиков использовать

термин «общество» как слишком абстрактный и не операционализируемый (Л. фон Визе) [36. С. 57–58].

Бинарная концепция Тённиса, как и вся возникшая тогда социология как форма саморефлексии обществ модерна, пытается зафиксировать новую социальную феноменологию в понятиях, пусть и не всегда совершенных и стилистически удачных. Поэтому неудивительно, что, несмотря на романтическую идеализацию отношений в рамках *Gemeinschaft* (6), при желании двум аналитически выявленным Тённисом базовым формам социальности можно найти в истории социологии функциональные аналоги: органическая и механическая солидарность, естественность — искусственность, закрытое и открытое общество, короткие и длинные социальные связи; формальные и неформальные группы, спонтанный и навязанный социальный порядок, жизненный мир — система и т.д. В этом контексте особый интерес представляет своеобразный подход к данной проблематике младшего современника Тённиса и основателя социологии Вебера. В отличие от третьего немецкого классика Г. Зиммеля, сделавшего центральной категорией *Vergesellschaftung* (родовой термин для процессов обобществления человека во всех видах социального взаимодействия (7), Вебер использовал пару процессуальных понятий, производных от *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (8). Так, в девятом параграфе «Основных социологических понятий» он определяет *Vergemeinschaftung* как «социальное отношение, если и поскольку установка социального действия (в конкретном случае, в среднем или в чистом типе) базируется на имеющем аффективное или традиционное происхождение субъективном чувстве взаимопринадлежности участников»; а *Vergesellschaftung* — как «социальное отношение, если и поскольку установка социального действия базируется на рационально (ценностно- или целерационально) мотивированном компромиссе интересов или на точно так же мотивированном объединении интересов» [2. С. 98].

Далее Вебер подтверждает схожесть его парных понятий с тённисовскими, но подчеркивает различную исследовательскую прагматику: если Тённис придал паре «гораздо более специфическое содержание», то целью Вебера было построение «самых чистых типов». Типологически он относит к *Vergesellschaftung*-обобществлению такие виды отношений, как рыночный обмен на основе свободного договора в результате компромисса между противоположными, но взаимодополнительными интересами партнеров; целевое объединение в результате соглашения для преследования конкретных интересов участников; особый случай рациональной секты — ценностно-рационально мотивированное объединение единомышленников ради служения своему делу. Напротив, *Vergemeinschaftung*-обобществление опирается на аффективное, эмоциональное или традиционное основание и может принимать вид духовного братства, любовной связи, национального единства

или боевого товарищества, хотя и для Вебера в наиболее полной мере этот тип явлен в семейной связи [2. С. 99].

Во «Введении в социологию» 1931 года, написанном после смерти Вебера, Тённис отметил, что в знаменитой веберовской типологии социального действия только целерациональный тип соответствует социальности *Gesellschaft*, а ценностно-рациональный, аффективный и традиционный типы ближе к социальности *Gemeinschaft* [44. С. 6].

Согласно Веберу большая часть социальных отношений имеет признаки как *Vergemeinschaftung*, так и *Vergesellschaftung*. Так, самое рациональное и целенаправленное социальное отношение может порождать эмоциональные привязанности, выходящие за пределы первоначальной прагматики даже в случае торговца и его клиентов. Более того, любое *Vergesellschaftung*, ориентированное на долгосрочное совместное действие, в той или иной мере стремится к этому. Примерами подобных аффекто-генерирующих обобществлений у Вебера выступают даже такие формализованные учреждения, как воинское подразделение, школьный класс, контора и т.п., где взаимодействия не сводятся к сиюминутному достижению одного конкретного результата. И, наоборот, социальное отношение типа *Vergemeinschaftung* может получить целерациональное осмысление у своих участников. Вебер приводит все тот же пример семьи, членство в которой может в той или иной степени переживаться ее членами как общность, но при этом использоваться ими как обобществление типа *Vergesellschaftung* [2. С. 98].

Следует отметить, что отклик научной и широкой общественности нашло не первое издание «Общности и общества» 1887 года с коммунизмом и социализмом в подзаголовке, как можно было бы ожидать, а вышедшее спустя 25 лет второе издание 1912 года с понятиями чистой социологии в названии (9). При этом значительная часть успеха обусловлена не столько академическими, сколько общественно-политическими импликациями — в контексте общественно-политической борьбы в Германии понятие *Gemeinschaft* стало для многих неоромантических по стилю и антимодерных по направленности движений своего рода паролем. При этом многие немецкие (по)читатели Тённиса игнорировали аналитический статус его центральной категории, которая по сути реифицировалась в качестве наглядного образа или модели концептуально-практической альтернативы модерным формам социальности, вызывавшим отторжение у консервативной части интеллектуалов. В этом контексте в 1924 году вышла и малоизвестная книга Х. Плеснера «Границы *Gemeinschaft*. Критика социального радикализма»: он показал, что политизированное понятие *Gemeinschaft* превратилось в идол, т.е. ложный идеал эпохи. Возникший из ностальгии по утраченной целостности жизни социальный радикализм антибуржуазно настроенных интеллектуалов пытался выстроить духовную альтернативу жесткой и пресной общественной жизни модерна. Из идеи романтически-добродетельного сообщества исклю-

чались такие реальные его черты, как постоянное давление, авторитарность и необходимость самоотречения ради группы, наличие исключенных и отвергнутых и т.д. В результате вместо недостижимой праформы солидарности предлагался суррогат, в котором холодность межлических отношений в деловитой машинерии капиталистического общества заменялось фиктивной пламенностью жизни сообщества, переполняющей всех ее членов. Тем самым Плеснер пытается релятивировать преимущества общности как узкого пространства личного взаимодействия указанием на непреходящие ценности личной свободы, которые возможны лишь в большом обществе современного типа [34].

Другим крупным немецким социальным теоретиком, активно использовавшим понятие *Gemeinschaft* в 1920-е — 1930-е годы, был Х. Фрайер, видный представитель консервативной «революции справа» (10). Неожиданно для пламенного «консервативного революционера» он во многом соглашается с критическими оценками Плеснера высокой рыночной конъюнктуры понятия *Gemeinschaft* у правых интеллектуалов межвоенного периода. Более того, он обвиняет социологию в том, что она превратила вполне определенное, психологически наполненное и исторически насыщенное понятие в выхолощенный бессодержательный конструкт, применяемый без разбору ко всем социальным образованиям, в которых в той или иной мере между людьми прослеживается внутренняя взаимосвязь, лишенная эксплицитно выраженной рациональной цели. Для Фрайера это «не дефиниция, а разбазаривание понятия *Gemeinschaft*. Тем безотлагательнее для социологии становится задача понимания *Gemeinschaft* в качестве конкретного структурного закона общественной жизни. Общность возникает не везде, где преодолевается дистанция, сливаются души и бьются в такт сердца. *Gemeinschaft* — это не бесцельная, интенсивная, счастливая и загадочно проистекающая человеческая совместность, скорее это вполне определенный структурный принцип социального мира, имеющее свои нерушимые предпосылки» [20. С. 241].

Фрайер предлагает рассматривать *Gemeinschaft* как укорененное в ряде конкретно-исторических форм образование, опирающееся на определенную констелляцию человеческих сил, и выделяет ряд его структурных признаков: все сообщества привязаны к пространству и являются реально телесным взаимодействием, так как не существует сообществ на дистанции или через опосредование; постоянное телесное соприкосновение — не внешний, а сущностный признак общности, поэтому не может быть дистанционного брака или воспитания детей; сообщества несводимы к сумме своих членов и имеют черты природных, доисторических образований, в которых поколения сменяются независимо от эпох; эти доисторические образования предшествуют государству, с которого и начинается культурная история человечества (Гегель); для членов сообщества характерно значительное духовно-душевное совпадение волеи в силу общего жизненного опыта и судьбы; в отношении

чужаков они предстают как когнитивное и эмоциональное единство, разделяющее совместное знание о мире; членство в сообществе носит закрытый, неиндивидуальный характер; здесь нет частного интереса и свободы выбора в современном смысле; в культурном отношении *Gemeinschaft* всегда предполагает единство языка как средства конституирования общего мира; внутренняя структура общности как целостной «мы»-группы не предполагает усреднения или нивелировки членов — единство не означает равенства, индивидуальное не подавляется, а входит посредством синтеза в «мы»; в отличие от индивидуализации современного типа, в *Gemeinschaft* действует принцип индивидуации через авторитет; его носители не выделяются из общности, а репрезентируют ее в качестве образца или ориентира; в *Gemeinschaft* нет господства в строгом смысле, так как нет различия между господствующими и подданными в смысле разной жизненной судьбы представителей разных духовных миров с отличающимися понятиями чести, дружбы и долга; переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft* внутри общности невозможен, это всегда влияние извне; распад сообщества происходит одновременно с установлением господства в результате столкновения этнических групп, победы одной и подчинения другой или в антропологически более общем виде узурпации, навязывания и фиксации права, дифференцирующего членов группы по их статусу; как только появляется такого рода симптомы, в социальной действительности возникает историческое *Gesellschaft*» [20. С. 240–249].

Отмечая верность выявленного Тённисом направления развития конкретно-исторических форм социальности, Фрайер настаивал, что *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* — не просто две возможности человеческого общежития, а фактические этапы эволюции социальной действительности, следующие во времени в строго указанном порядке: структурно общность может стать только обществом, а общество всегда возникает из общности; реальный исторический процесс невозможен в обратную сторону [20. С. 182]. В рамках такого понимания природы и сущности общности задача систематической социологии состоит в выявлении промежуточных форм, в которых принципы *Gemeinschaft* проявляются в «нечистых» социальных образованиях, выступают как частичные феномены в общественных корпорациях или становятся одним из действующих мотивов во всех социальных ситуациях. Внутри рамочной социологической систематики Фрайер указывает на особую роль общностей как частичных образований с узким кругом членов во всех общественных порядках и на их уникальную способность возникать в условиях гетерогенности [20. С. 250–251].

После прихода нацистов к власти в Германии понятие (*Volks*)*gemeinschaft* стало основополагающим для построения расово ориентированной социологии в духе журнала «*Volksspiegel*». В результате классическая дихотомия надолго получила коричневый оттенок, а Тённис — несмотря на умеренно просвещенческий пафос и недолгое членство в социал-демократической пар-

тии — ретроспективно оказался чуть ли теоретиком фашизма. Наследию Тённиса не повезло из-за множества внетеоретически индуцированных недопонимания и заблуждений относительно его социологических интенций, не говоря уже об отчасти сознательных ложных интерпретациях жанра его *opus magnum* и эпистемологического статуса его категорий некоторыми реорганизаторами социологии в послевоенной Германии вроде Р. Кёнига [27. С. 27–52]. Другим источником антитённисовских предубеждений в интеллектуальной культуре молодой федеративной республики стал Плеснер, который пафосом неприятия *Gemeinschaft* оказал значительное влияние на немецкую социологию второй половины XX века. В результате базовая для классической социальной теории проблематизация разных типов социальности на десятилетия была дискредитирована как сомнительная попытка легитимации нерациональных, домодерных форм совместной жизни, как бы чреватых рецидивами нацизма [25].

Напротив, в США книга Тённиса активно изучалась ведущими социальными учеными, прежде всего в рамках Чикагской школы во главе с Р. Парком, а также Парсонсом, расширившим изначальную категориальную пару до *pattern variables*. В Америке интерес к данной проблематике был вызван нарастающими вызовами интеграции в растущих городских агломерациях, требовавшими и социально-теоретического решения. В качестве подходящей концептуальной рамки выступил *Gemeinschaft* — как социальная подсистема со специфическими модальностями/ожиданиями действия. Она получила новую релевантность как эффективный способ интеграции и стабилизации поведения атомизированных акторов в современных обществах. Таким образом, из (отчасти) ложно понятой формулы Тённиса «*Gemeinschaft vs Gesellschaft*» на американской почве возникла эвристически (более) продуктивная формула «*Gemeinschaft in Gesellschaft*», прежде всего усилиями Парсонса [28–32]. Создатель теоретически изощренной конструкции структурного функционализма выступил в роли посредника между европейским идейным наследием и американской социологией (11).

Во второй половине XX века возрождение социально-теоретического интереса к наследию Тённиса (и ряда других социологов) было связано с так называемыми дебатами о коммунитаризме [24]. В этом контексте классики социологии — прежде всего Тённис с его *Gemeinschaft* — как бы предугадали в своих понятийных конструкциях коммунитаристские дискурсивные элементы, предупреждая об угрозе отчуждения людей в современных массовых обществах. Несмотря на содержательную близость пафоса Тённиса к коммунитаристам, очевидно и различие: он считал неизбежным переход от ограничивающего, но поддерживающего *Gemeinschaft* к освобождающему, но обезличивающему *Gesellschaft*, а некоторые его современные последователи стремятся обнаружить противоположные тенденции («больше общности, меньше общества») (10), оценивая их позитивно — как новый шанс на уко-

рение людей в сообществах доверия в результате переосмысления потребности в близких или «коротких» взаимосвязях. Впрочем, в своем последнем труде «Дух нового времени» (1935) Тённис также настаивал на структурной необходимости общности как условия воспроизводства человеческой жизни, поэтому даже в рамках организованного модерна *Gemeinschaft* не исчезает, а постоянно возникает в том или ином виде, возрождая свою интегрирующую жизненную силу [45].

В любом случае элементы *Gemeinschaft* отчасти сохраняются внутри *Gesellschaft* как доминирующем в модерне типе социальности, пусть и в ограниченных или распадающихся формах. Следовательно, «в социальной жизни, как она есть, всегда есть смесь того и другого, но прежде было больше одного, а сейчас больше другого» [16. С. 101]. Поэтому ключевой вопрос для социальной теории — не преждевременное прощание с общностями, например, в связи с ослаблением семейных связей или с декларируемыми успехами секуляризации, а поиск адекватного для понимания феноменологии поздней современности аналитического инструмента, позволяющего эвристически продуктивно описывать и интерпретировать разнонаправленные тенденции и констелляции. Речь идет в том числе и о фиксации процессов сохранения и возникновения все новых способов обобществления в рамках обратного движения — от общества к общности, а не только о банальной констатации дальнейшего разложения и деградации первичных «мы»-групп под натиском больших организационных форм в духе известного тезиса Ю. Хабермаса о колонизации жизненного мира со стороны системы [16. С. 293].

Здесь мы возвращаемся к вопросу о судьбе *Gemeinschaft* в условиях модерна, ставшему центральным в немецкой социологии 1920-х — 1930-х годов и сохраняющему эвристически универсальную значимость благодаря рецепции Парсонса. В рамках его попытки решить проблему социального порядка (гоббсовской проблемы) посредством разделяемых норм и ценностей эта, казалось бы, историко-социологическая топика стала ключевой для социолого-теоретической реконструкции интеграции обществ современного типа. Изобретенный им оксюморон *societal community*, обычно переводимый как «социетальное сообщество», является словом-гибридом или понятием-кентавром (А.Ф. Филиппов), странным образом объединяющим оба типа социальности, эксплицированных Тённисом. Ведь в обратном переводе мы получаем контринтуитивное понятие *gesellschaftliche Gemeinschaft*, которое обозначает у Парсонса коммуникативно-экспрессивное ядро общества в роли его интегративной подсистемы. В ней сохраняется приоритет ценностно-рациональных и эмоционально-аффективных действий и осуществляется непрерывное согласование, казалось бы, непримиримых интересов. Парсонс до конца жизни развивал идею конститутивности для современных обществ системы общности в аспекте интеграции. Эту тему он развивает и в своей

последней работе об американском социетальном сообществе, опубликованной уже после его смерти [33].

В развитии проблематики *Gemeinschaft* от Тённиса через Вебера к Парсонсу заметна тенденция к семантической динамике: общность рассматривается уже не как целостная форма социальности, а скорее как один из случаев *pattern variables* — ценностная определенность целей действия или релевантных для него принципов. *Gemeinschaft* отождествляется с определенным качеством социальных отношений или с лежащими в их основе мотивами действия. В ходе теоретической эволюции исходные парные понятия *Gemeinschaft/Gesellschaft* все больше выступают как абстрактные полюса континуума социального действия. В социальной реальности речь всегда идет о смешанных, т.е. о комплексных и многообразных формах, состоящих как из общностных, так и общественных компонентов. Так, сегодня анализ ситуации действия осложняется проникновением элементов общественного в исторически ранние общностные формы совместной жизни. Для них всех характерны как социальная связанность, так и дистанция — в разной мере и в разных констелляциях. При этом центральной темой социологии культурного пессимиста Тённиса было единство исторической действительности, несмотря на все более тотализирующую угрозу для ценностей *Gemeinschaft* со стороны императивов *Gesellschaft* в процессе утверждения в Новое время в качестве системно доминирующей рационально-капиталистической формы социальности.

Попыткой образования парных понятий — во многом эвристически неудавшейся — Тённис стремился обосновать общностные условия возможности общественных отношений. В этом смысле для всех последующих поколений социологов сохраняется задача поиска адекватного концептуального и категориального решения тённисовского парадокса одновременности и переходности *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* в эпоху модерна: «Как и в общности, в обществе конструируется круг людей, которые мирно уживаются и соседствуют, но не связаны сущностно, а разделены. И если там они связаны, несмотря на все разделения, то здесь они разделены, несмотря на все связи» [40. С. 34].

Информация о финансировании

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Стратегии нормализации повседневности в чрезвычайных ситуациях: инерция аффекта и открытость вызовам», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2023 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Примечания

- (1) Известный русский политический деятель и мыслитель П.Б. Струве, специально учававший идейное наследие Тённиса, указывал на метафизичность такого социологического волюнтаризма, эпистемологически осмысленного лишь в том случае, если за «волей» предполагается наличие субъекта: «Если тённисовское *Gemeinschaft* еще

можно помыслить как наделенное волей, то никак не *Gesellschaft*... Согласно логике самого Тённиса, *Gesellschaft* должно мыслиться бессубъектным и тем самым эмпирически не обладающим волей. *Ex hypothesi* у него не может быть ни “сущностной воли”, ни “избирательной”» [36. Р. 56; 11].

- (2) Ср.: «В своей концепции Тённис создает систему чистых формальных категорий. Он не описывает реальность как таковую при помощи категорий “*Gemeinschaft/Gesellschaft*”, а конструирует чистые понятия, идеальные типы. При этом, как и обычно в таких случаях, описание идеального типа нередко оказывается в опасной близости — вплоть до полной неразличимости — от описания реальности как таковой» [14. С. 244].
- (3) Примечательно, что Парсонс признавал странность своей конструкции «социетальное сообщество» (*societal community*), придуманной им в развитие AGIL-схемы для обозначения интегративной подсистемы, которая отвечает за воспроизводство нормативного порядка путем сочленения системы норм с коллективной организацией [См.: 10. С. 23–32].
- (4) Помимо работ о Т. Гоббсе и К. Марксе ему принадлежит труд по философской терминологии [38; 39; 41].
- (5) Ср.: «Эгоистическая цель, обусловленная таким образом в своем осуществлении всеобщностью, обосновывает систему всеобщей зависимости, так что средства к существованию и благо единичного и его правовое наличное бытие переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены» [4. С. 228].
- (6) Критики неоднократно обращали внимание на метафизический стиль Тённиса, напоминающий скорее пафос пессимистической философии истории, нежели трезвый социально-научный анализ «основных понятий чистой социологии». Так, Т. Гайгер, отмечая усилия классика по разработке идеальных типов и классификации групп, точно подметил жанровое несоответствие его главного труда: «При всем стремлении Тённиса-ученого к холодной объективности, все же часто в нем говорит горячий и страстный человек. Разве не чувствуется в каждой строчке теории *Gemeinschaft* укорененного северного человека любовной привязанности ко всему, что кровно вызрело и возникло, тогда как в теории *Gesellschaft* тут и там отчетливо звучат звуки недовольства, обвинения и даже отвращения?» [21. С. 338–374].
- (7) «Большая социология» Зиммеля 1908 года носит подзаголовок «Исследования форм обобществления» [35].
- (8) Еще в рубежной для генезиса веберовского учения статье 1913 года «О некоторых категориях понимающей социологии», говоря о *Vergesellschaftung* и *Vergemeinschaftung*, он сконструировал другую пару понятий — общественно-ориентированного действия (*Gesellschaftshandeln*) и общностно-ориентированного действия (*Gemeinschaftshandeln*) [1. С. 509–522].
- (9) Ситуация отчасти напоминает современную российскую: за двадцать лет после выхода русского перевода «Общности и общества» в 2002 году практически не было содержательных откликов профессионального сообщества на книгу [5. С. 144].
- (10) Когда в 1934 году Фрайер сменил Тённиса на посту председателя Немецкого социологического общества, Л. фон Визе иронически назвал его «фюрером социологии» [19].
- (11) По иронии судьбы Парсонс умер 8 мая 1979 года в Мюнхене, спустя несколько дней после торжественной церемонии в честь пятидесятилетия присвоения ему докторской степени Университетом Гельдельберга.
- (12) Ср.: «Если в трактовке многих социологов современность представляла как торжество рациональности и расчета, то Тённис стремился выявить в ней противоположную тенденцию: от разобщенности к единству, от экономики — к политике, от договора — к этической общности, от рационального союза — к народу как носителю государства-корпорации» [16. С. 122–123].

Библиографический список / References

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990 / Weber M. O nekotoryh kategoriyah ponimayushchej sotsiologii [On some categories of interpretative sociology]. *Selected Works*. Moscow; 1990. (In Russ.).
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология. М., 2016 / Weber M. *Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sotsiologii. T. 1. Sotsiologiya* [Economy and Society: Essays on Interpretative Sociology: In 4 vols. Vol. 1. Sociology]. Moscow; 2016. (In Russ.).
3. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб., 2017 / Weber M. *Khozyajstvennaya etika mirovyh religij: Opyty sravnitelnoj sotsiologii religii. Konfutsianstvo i daosizm* [The Economic Ethic of the World Religions: Essays on Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism]. Saint Petersburg; 2017. (In Russ.).
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990 / Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Головин Н.А. Заметки к публикации «Предисловия П.А. Сорокина» // Социологический журнал. 2019. № 1 / Golovin N.A. *Zametki k publikatsii Predisloviya P.A. Sorokina* [Notes to the publication «Preface by P.A. Sorokin»]. *Russian Sociological Journal*. 2019; 25 (1). (In Russ.).
6. Давыдов Ю.Н., Филиппов А.Ф. Сообщество и общество // Современная западная социология. Словарь. М., 1990 / Davydov Yu.N., Filippov A.F. *Soobshchestvo i obshchestvo* [Community and society]. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya. Slovar*. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Ионин Л.Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса // История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979 / Ionin L.G. *Sotsiologicheskaya konceptsiya Ferdinanda Tönniesa* [Sociological concept of Ferdinand Tönnies]. *Istoriya burzhuaznoj sotsiologii XIX — nachala XX veka*. Moscow; 1979. (In Russ.).
8. Кулыгин В.П. Тённис Фердинанд // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 2003 / Kulygin V.P. *Tönnies Ferdinand*. *Sotsiologicheskaya Entsiklopediya*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow; 2003. (In Russ.).
9. Малинкин А.Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тённиса // Социологический журнал. 1998. № 3–4 / Malinkin A.N. O zhizni i tvorchestve Ferdinanda Tönniesa [On the life and work of Ferdinand Tönnies]. *Russian Sociological Journal*. 1998; 3–4. (In Russ.).
10. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997 / Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1997. (In Russ.).
11. Струве П.Б. Фердинанд Тённис (1855–1936). К оценке его социально-философского и социологического творчества // Избранные сочинения. М., 1999 / Struve P.B. Ferdinand Tönnies (1855–1936). K otsenke ego sotsialno-filosofskogo i sotsiologicheskogo tvorchestva [On his social-philosophical and sociological works]. *Selected Works*. Moscow; 1999. (In Russ.).
12. Тённис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3–4 / Tönnies F. *Obshchnost i obshchestvo* [Community and society]. *Russian Sociological Journal*. 1998; 3–4. (In Russ.).
13. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002 / Tönnies F. *Obshchnost i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sotsiologii* [Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
14. Филиппов А.Ф.Ф. Тённис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии. Социология 19 века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М., 2010 / Filippov A.F.F. *Tönnies kak osnovopolozhnik nemetskoj sotsiologii* [Tönnies as the founder of German sociology]. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. Sotsiologiya 19 veka: ot poyavleniya novoy nauki do predvestnikov ee pervogo krizisa*. Moscow; 2010. (In Russ.).

15. Филиппов А.Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тённиса // Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002 / Filippov A.F. *Mezhdu sotsiologiej i sotsializmom: vvedenie v kontseptsiyu Ferdinanda Tönnies* [Between sociology and socialism: An introduction to the concept of Ferdinand Tönnies]. Tönnies F. *Obshchnost i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii*. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
16. Филиппов А.Ф. Элементарная социология. Введение в историю дисциплины. М., 2019 / Filippov A.F. *Elementarnaya sotsiologiya. Vvedenie v istoriyu discipliny* [Elementary Sociology. An Introduction to the History of the Discipline]. Moscow; 2019. (In Russ.).
17. Философский словарь. М., 2003 / Filososfsky Slovar [Philosophical Dictionary]. Moscow; 2003. (In Russ.).
18. Щацкий Е. История социологической мысли. Т. 1. М., 2018 / Szacki J. *Istoriya sotsiologicheskoy mysli. T. 1* [History of Sociological Thought. Vol. 1.]. Moscow; 2018. (In Russ.).
19. Clingemann C. *Soziologie im Dritten Reich*. Baden-Baden; 1996.
20. Freyer H. *Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft: Logische Grundlegung des Systems der Soziologie*. Leipzig–Berlin; 1930.
21. Geiger Th. Die Gruppe und die Kategorien Gemeinschaft und Gesellschaft. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1927; 58 (2).
22. Girard P.F. *Geschichte und System des römischen Rechtes*. Berlin; 1908.
23. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Band 2. Frankfurt am Main; 1981.
24. Honneth A. (Hrsg.). *Kommunitarismus. Eine Debatte über die moralischen Grundlagen moderner Gesellschaften*. Frankfurt–New York; 1993.
25. Lepenies W. *Kultur und Politik — Deutsche Geschichten*. München; 2006.
26. Mannheim K. Das konservative Denken. Soziologische Beiträge zum Werden des politisch-historischen Denkens in Deutschland. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1927; 57.
27. Merz-Benz P.-U. Die Überwindung des Individualismus und das Theorem von Gemeinschaft und Gesellschaft — Ferdinand Tönnies und der Kommunitarismus. *Schweizerische Zeitschrift für Soziologie*. 2006; 32 (1).
28. Parsons T. *The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York–London; 1937.
29. Parsons T. *The Social System*. New York; 1951.
30. Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs; 1966.
31. Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs; 1971.
32. Parsons T. Some afterthoughts on “Gemeinschaft and Gesellschaft”. Cahnmann W.J. (Ed.). *Ferdinand Tönnies: A New Evaluation. Essays and Documents*. Leiden; 1973.
33. Parsons T. *American Society. A Theory of the Societal Community*. Boulder–London; 2007.
34. Plessner H. *Grenzen der Gemeinschaft: eine Kritik des sozialen Radikalismus*. Bonn; 1924.
35. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. *Georg Simmel Gesamtausgabe*. Band 11. Frankfurt am Main; 1992.
36. Struve P. Ferdinand Tönnies (1855–1936). Zur Würdigung seines sozialphilosophischen und soziologischen Schaffens. *Zeitschrift für Nationalökonomie*. 1937; 8 (1).
37. Tönnies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Abhandlungen des Communismus und des Socialismus als empirischer Culturformen*. Leipzig; 1887.
38. Tönnies F. *Thomas Hobbes — Leben und Lehre*. Stuttgart; 1896.
39. Tönnies F. *Philosophische Terminologie in psychologisch-soziologischer Ansicht*. Leipzig; 1906.
40. Tönnies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*. Berlin; 1912.
41. Tönnies F. *Marx. Leben und Lehre*. Jena; 1921.
42. Tönnies F. *Soziologische Studien und Kritiken*. Jena; 1925.

43. Tönnies F. Mein Verhältnis zur Soziologie. *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*. 1931; 2.
44. Tönnies F. *Einführung in die Soziologie*. Stuttgart; 1931.
45. Tönnies F. *Geist der Neuzeit*. Leipzig; 1935.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-9-25

The categorical dichotomy Gemeinschaft/Gesellschaft in sociological classics: Tönnies — Weber — Freyer — Parsons*

O.V. Kildyushov

National Research University Higher School of Economics,
Myasnitckaya St., 20, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Abstract. The article considers the history of the conceptual pair Gemeinschaft/Gesellschaft (community/society) used by classics of sociology to explain the fundamental difference of modern society from the previous forms of social life. The author emphasizes the popularity of these categories as identifying the temporally successive types of sociality: Gemeinschaft refers to the original form of traditional organic community, and Gesellschaft — to the mass urbanized society of the modern age. The article shows the structural relationship between the early sociological concepts and the philosophy of modern history as an analytical (self)description of modern societies. The article reconstructs the development of Ferdinand Tönnies' views, who introduced the pair Gemeinschaft/Gesellschaft as an analytical tool for social theory and challenged the opposition of these two types of social integration by emphasizing their presence in every social interaction. The author briefly outlines Max Weber's perception of this conceptual pair in the form of Vergemeinschaftung/Vergesellschaftung social relations as ideally-typically value-oriented and instrumentally rational. The article explains the drastic politicization of the Gemeinschaft semantics in inter-war Germany — the term became a marker of the social-political polarization. Then the author focuses on the differentiated theory of Gemeinschaft developed in Hans Freyer's sociology and on the Nazis' attempt to make this term a basis of their theory of homogeneous society. The article considers the reception of Tönnies' categories in American sociology, especially by Talcott Parsons, and highlights his contribution to the theory of socialization and integration of large societies with small solidarity groups. The last part of the article emphasizes the significance of the conceptual pair for the theory of late modernity — its structure of social action consists of elements of both community and society.

Key words: Gemeinschaft; Gesellschaft; sociality types; communities of solidarity; modern society; social integration; Tönnies; Weber; Freyer; Parsons

Funding

The publication was prepared within the research project of the Center for Fundamental Sociology of the National Research University — Higher School of Economics «Strategies for normalizing everyday life in emergency situations: Inertia of affect and openness to challenges» as a part of the Basic Research Program of the HSE in 2023.

* © O.V. Kildyushov, 2023

The article was submitted on 16.09.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-26-39

Reproducing and shifting discourses on indigenous culture: Ethnographic self-descriptions of the Kola Sámi*

M.S. Kuropjatnik

Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: kuropjatnik@bk.ru)

Abstract. The article considers ethnographic self-descriptions as a cultural form in which indigenous authors conceptualise their culture in the shifting social contexts. Ethnographic self-descriptions present (a) the transformation of the oral-discursive practices of indigenous culture into text; (b) the interpretation of the scientific versions of culture by indigenous authors. The author focuses on how Sámi culture is conceptualized in the text and as the written text by Sámi authors, taking into account the scientific descriptions of their culture and non-discursive cultural forms (such as ethnographic collections). In the texts of indigenous authors, anthropological versions of culture become a source for reproducing some patterns of culture's conceptualization as relevant to a particular tradition in social sciences. Thus, ethnographic self-descriptions are interpreted in terms of intertextuality with an emphasis on relations between oral and written discourse, academic and indigenous discourse, discursive and non-discursive practices. Texts as a part of cultural reality or as elements of social events have causal effects which contribute to changes in the perception of Sámi culture and in the ways it is represented in the indigenous perspective, i.e., texts participate in the reproduction, creation and modification of numerous discourses on the Kola Sámi culture. In the ethnographic self-description of many Kola Sámi, 'culture' can be recontextualized by actors. Moreover, positions and identity of the observer (the author) and the observed (indigenous people) are partly connected, which implies a change in the epistemological status of the indigenous discourse. The processual approach to the cultural conceptualization and the focus on indigenous insights presented in the ethnographic self-descriptions constitute the methodological basis for examining some contemporary cultural trends of the Kola Sámi (Russia). The author analyses the published texts of the contemporary Kola Sámi authors, who are not professional anthropologists.

Key words: indigenous culture; Kola Sámi; discourse; ethnographic self-description; text; partial connections

In recent decades, the research focus of social anthropology has shifted from the idea of differentiating cultures (traditional and modern) to the conceptualisation of all cultures as 'hybrid' [29]. According to the processual approach, the major patterns of culture are the result of specific social processes [5. P. 123, 133] and their interpretations by various actors. Since the idea of authenticity is embedded in the

*© M.S. Kuropjatnik, 2023

The article was submitted on 19.09.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

Western project of modernity [19. P. 15–16; 20. P. 2], the patterns for conceptualizing culture as ‘traditional’, ‘genuine’ or ‘pristine’ are seen as the modern sociocultural interpretations in which the past or models for describing and explaining cultural diversity in social sciences and humanities gain relevance. Thus, “‘traditional’ is not an objective property of phenomena but an assigned meaning” [21. P. 286]. The focus on the indigenous and non-indigenous actors’ role in the permanent production of cultural meanings allows to understand how they constitute the projects of ‘tradition’ and ‘modernity’ [17. P. 3–4, 11].

However, the problem is that “hybridity is a genealogy, not a structure... It is an analytic construal of people’s history, not an ethnographic description of their way of life. In their way of life, externalities are indigenized, engaged in local configurations, and become different from what they were” [42. P. 412]. Such cultural forms as ethnographic self-descriptions of the indigenous peoples show how cultural patterns and social practices of different origin, including those related to the past or a particular tradition, are reinterpreted and recontextualized in the present. Ethnographic self-descriptions reflect “a joint production of meanings” [16. P. 88], in which local communities and indigenous authors are always involved. On the one hand, ethnographic self-descriptions imply “the process of self-understanding, the way the community explains itself to itself” [16. P. 88]. On the other hand, they are a reflection by indigenous authors of their culture in the wider historical, cultural and social contexts. In many cases, culture is conceptualized by indigenous authors in terms of cultural authenticity.

Some methodological approaches to the study of indigenous cultures

Today, many indigenous peoples express desire to define their culture, its boundaries and ways it is represented in local, national and global contexts. The desire to define “their own cultural space in the global scheme of things” [42. P. 410] not only constitutes one of the key cultural problems of our time, but also implies a revision of methodological approaches and concepts of social anthropology for the study of indigenous peoples.

Until the 1980s, indigenous peoples were conceptualized as primitive and radical Others in Western countries [20; 41. P. 448–449]. Their involvement in self-determination and self-description leads to a change in the epistemological status of the indigenous discourse. Overcoming the reification of the ethnographic Other is associated with the transformation of the “epistemo-political organization of the discourse of the discipline... in the terms of polarities us/them, self/other, subject/object” [8. P. 32]. This shift in the social-anthropological focus becomes more evident as we realize “the increased interconnectedness of objects and subjects” [39. P.135] in the contemporary. Dichotomous holistic cultures, including those categorized as ‘modern’ and ‘traditional’, can no longer serve as adequate analytical models, which explains why the definition of indigenous

peoples as an object of the study is revised in social anthropology. Today, the epistemological and moral foundations of the conceptualization of indigenous peoples as Others no longer resonate with “our own culture’s most pressing concerns” [41. P. 450].

Indigenous anthropology considers those cultural, political and ethical issues that are central to indigenous peoples [22. P. 210], with a particular regard to epistemology and methodology. M. Strathern notes the increasing reflexivity of those conducting ‘anthropology at home’ and writing texts from the indigenous perspective [43. P. 17–19]. But this perspective of the researcher or ‘tradition bearers’ does not refer to authentic culture, rather to its representations in the context of intercultural and power relations, and can only be partial [23. P. 40; 38. P. 671]. Therefore, the question of “how native is a ‘native’” remains relevant as implying the possibility of consistent representation of the groups with which one is associated [15. P. 8; 38. P. 676–678]. K. Narayan showed the essentializing effect of identification of non-western people as ‘native’ anthropologists, which is possible only if ignoring their complex background. The German-American origin of Narayan’s mother is irrelevant for those who portray her as Indian — ‘native’ — anthropologist [38. P. 671–678]. Moreover, the “narrative transforms ‘informants’ whose chief role is to spew cultural data for the anthropologist into subjects with complex lives and a range of opinions” [38. P. 681].

This trend is relevant in the Sámi research affiliated with indigenous studies [23. P. 210]. For instance, the Kola Sámi researcher A. Afanasieva defines her position as ‘indigenous insider’ or ‘native-born Sámi from Russia’ [2. P. 56], belonging to ‘the same ethnicity’ and sharing ‘the same culture and language’ with her informants. She argues that ethnic identity matters as a way to get a privileged access to data and insights required for the study of her ‘own community’ [2. P. 56]. However, such an ‘anthropology at home’, when the researcher is represented as Sámi, has certain limitations [23. P. 4; 43. P. 31]. While acknowledging her education background as related to ‘both classical Russian and Western academic traditions’, Afanasieva notes that this analytical approach cannot be unambiguously defined in terms of outsider/insider [2. P. 58].

The use of ethnographic self-descriptions as a way for understanding one’s culture, which cannot be reduced to dual structures, is even more interesting — when ethnography is conducted in the social context that produced it. The idea of ‘partial relations’ [45] between different people or groups and inside the same person seems promising. Partial relations imply “that any part of one thing may be also part of something else”; this term also refers “to relations through partition, through cutting out obvious connecting material” [45. P. XXIX]. The subject and the object are also connected by multiple partial relations. Ethnographic self-descriptions imply that the positions and the identity of the observer (the author who describes) and the observed (indigenous people described) are partly connected. Thus, the late 20th century witnessed the transition of anthropology from the plural perception of the

world to a postplural approach [45. P. XVI, XX], implying a new understanding of cultural diversity. Like other ‘post’ concepts (such as postmodern, postnational, postcolonial, postcultural), the term ‘postplural’ introduced by Strathern articulates both continuity and changes. The former image of ‘cultural islands’ with clear borders on ethnographic maps and genealogical schemas representing social forms no longer correspond to a new cultural diversity [45. P. XVI, XX]. “The relativizing effect of multiple perspectives will make everything seem partial; the recurrence of similar propositions and bits of information will make everything seem connected” [45. P. XX]. Strathern introduces the notion ‘multiple perspectives’ to reveal the connections of the “discourses of the ‘observer’ and the ‘observed’” [8. P. 31]. Thus, the postplural perception of diversity implies a shift to the concepts ‘partial relations’ [45. P. XVI, XX].

Ethnographic self-descriptions of the Kola Sámi

Ethnographic self-description is a cultural form in which indigenous authors conceptualize their culture in the shifting social contexts. M.-R. Trouillot argues that “they enter the debate not as academics — or not only as academics — but as situated individuals with rights to historicity. They speak in the first person, signing the argument with an ‘I’ and ‘we’” [50. P. 10]. Texts as a part of cultural reality or elements of social events have causal effects [18. P. 8–9] which contribute to changes in the perception of Sámi culture and in the ways it is represented from the indigenous perspective. According to N. Luhmann, the description in self-description is always a part of what it describes and changes it by the very fact of observation [30. P. 25]. In the ethnographic self-description and self-promotion, in which many Kola Sámi are involved, ‘culture’ can be recontextualized by actors [39. P. 130; 44. P. 3].

In the article, the term ‘text’ refers to written works that present the oral-discursive experience of indigenous culture. In the Sámi contexts, J. Turi (1910) was the first to write in his mother tongue about Sámi life in the native perspective, transforming the oral tradition of storytelling to a written form [12. P. 19, 42; 51]. Critical discourse analysis [18] with the focus on the text as an expression of discourse and as an element of social event [18. P. 8–22] is applied as the methodological approach to the study of the Kola Sámi self-descriptions. Following Fairclough’s approach, the texts are considered in the relation to both the context and the authors producing and publishing them [18. P. 10, 27]. Thereby, such aspects of the cultural context as the relation of the analysed texts to other texts (including scientific) and to ethnographic collections in museums are examined. Intertextuality as the presence of elements of other texts in the text [18. P.39] and relationships of discursive and non-discursive practices [18. P. 25] contributes to the construction and modification of discourses about the Kola Sámi culture. Understanding discourse as a process for production and representation of social reality [42. P. 410; 18. P. 26] implies an active role of the Sámi author expressing a personal interpretation of the indigenous

culture. Therefore, texts can be seen as one of the arenas for conceptualizing culture by the Kola Sámi.

Producing and publishing texts that articulate an indigenous worldview and insights have played a special role in cultural revitalization both in Russia [27. P. 92–95] and Fennoscandia [6. P. 30–31; 2014. P. 79–81] from the mid-1990s. For instance, this process is manifested in the desire to preserve the native language, including the involvement of some educated Sámi people in language studies and teaching [1; 7. P. 173–180], in the revival of handicrafts and the Sámi costume, in the ‘revoicing’ of the Sámi folklore texts and in the development of the Sámi literature. The inclusion of the Kola Sámi in the transnational cultural field is accompanied by the transfer of new ideas and concepts into Russian discourses, including the idea of the Sámi as “one people in four countries” [3. P. 9; 27. P. 92; 53; 54]. As C. Cocq argues, successful cultural revitalization requires changing community’s attitudes towards tradition and place [14. P. 81]. In the cities of the Kola Peninsula, the status of the Sámi culture as authentic and indigenous is associated not only with its rethinking in new contexts [27. P. 106; 32; 46], but also with a dialogue with authorities [26. P. 254]. “People or groups are ‘called’ and ‘hailed’ to act as authentic cultural subjects” [11. P. 47]. Thus, the contemporary patterns of social and cultural diversification of the Sámi can hardly be presented by just one vision of culture, even if this is an indigenous perspective [23. P. 8].

Recently, a new figure, the indigenous author — not a professional anthropologist or historian — has started to conceptualize the Kola Sámi culture. Many such authors graduated from the Institute of the Peoples of the North (Herzen Pedagogical Institute) in Leningrad (Saint Petersburg) and were schoolteachers in the Murmansk Region. In one way or another, the Sámi authors invest their social and cultural capital in the development of the Sámi language and culture, being involved in social practices of recontextualizing culture [44. P. 3, 5]. In addition to the professional career in education, they write books, translate texts from Sámi into Russian and from Russian into Sámi, participate in the creation of local museums, also as curators. Some of the Sámi authors were participants or leaders of public organizations of the Kola Sámi. With rare exceptions, Sámi authors are not involved in the economic activity based on the traditional Sámi way of life. However, their parents were engaged in reindeer husbandry and fishing. The authors are perceived and identify themselves as Sámi regardless of their mixed origin (for instance, mother is Sámi, father is from a family of Pomors). In addition, most of the Sámi authors, who spent childhood in the Sámi villages of the Kola Peninsula, lived in Murmansk or other cities of the Murmansk Region when writing their texts. Thus, their position, defined in terms of the origin, place of residence and education, cannot be reduced to the worldview of an informant presenting authentic and unproblematic data about Sámi culture. Rather the position of the Sámi authors implies partially positions

of the object (described and observed) and the subject (observer of one's culture), and at the same time contributes to the hybridity in their texts.

The fact that all authors of the texts are women raises the question of how these descriptions express women's experiences. In recent decades, the Kola Sámi women have become particularly visible in the public and cultural space. At the same time, they tend to be dissociated from traditional economic activities (for example, reindeer-breeding) and places of residence [3. P. 9; 26. P. 219; 27. P. 94]. The indigenous reflection of these processes as incorporated in the published texts present the gender aspects of the Kola Sámi cultural revitalization. Publishing texts in both Sámi and Russian [33; 37] implies that the context for representing the indigenous culture by the Kola Sámi has significantly expanded.

The contemporary texts by the Sámi authors, which provide ethnographic descriptions of their native culture and are analysed, consist of six books — by Nadezhda Bolshakova, Ekaterina Mechkina, Nina Mironova and Anastasiya Mozolevskaya — published in the last two decades. Several short articles by the Sámi authors on specific cultural events, such as the celebration of the National Sámi day, and the discourse on preserving the Sámi language were also studied. Several ways of self-description are presented in the texts by the Sámi authors: a) a comprehensive description of culture in the ethnographic and historical perspectives; b) a focus on topics in the field of the author's competence; c) an autobiographic project within the history of the author's native settlement.

For example, the canonical scheme of ethnographic records typical for the Russian (Soviet) science of the late 19th and most of the 20th century (until the 1980s) is reproduced in the book by the Sámi writer Bolshakova *Life, Customs and Myths of the Kola Sámi in the Past and Present* [7]. This is a research approach in which culture is divided into spiritual (immaterial) and material, and the descriptions focus on ethnic culture. Following this approach, Bolshakova describes 'Sámi settlements', 'Sámi family', 'Sámi food', 'gods and heroes in Sámi myths', 'Sámi songs', 'Sámi drums', 'Sámi games', 'Sámi folklore', implying "the idea that cultural elements belong to people" [48. P. 88]. The description of the Sámi culture "in the past and present" refers to the ideas of evolutionism but does not reproduce its conceptual schemas.

According to Bolshakova, the desire to correct information about the Sámi that is "far from the truth" and to avoid such inaccuracies in the future motivated her to write this work [7. P. 8]. Perhaps, the author sees her position as an expression of an unproblematic, authentic perception of the Sámi culture, while this position can be more accurately defined in terms of partial relations, including the author's scientific and indigenous knowledge. At the same time, Bolshakova's text refers to the multiple contemporary discourses on the Sámi culture as produced and transcribed in its context. This text includes transcripts of interviews, fragments of local residents' memories, and stories of Sámi families and settlements as recorded by the author [7. P. 40–42, 47, 58, 289–290]. Moreover, Bolshakova cites folklore

texts and diverse information about the Sámi culture, which was written by other indigenous people [7. P. 332–334, 368–369]. Thus, the author transforms the oral discourse into a text and combines it with versions of the Sámi culture from the texts of Russian and foreign researchers. In other words, Bolshakova reproduces, reassembles and reinterprets previous discursive practices which both shape the object under the study and are shaped by being incorporated into the new text.

Another example of the textualization of the oral discourse is Mechkina's book [33] with proverbs and short folklore texts recorded by the author and translated from Sámi into Russian. There are no comments or references to other texts on Sámi culture — only the author's observations are systematized. Such narratives recorded by an indigenous author in the context of one's culture can be considered a manifestation of the intra-cultural transcription, transforming the oral into the written.

The self-reflection and personal cultural experience of the author, for example in arts and handicrafts [37] or the Sámi costume [36], can be represented in the form of self-description. Such texts focus on a specific topic, namely material objects and non-discursive practices like Sámi handicrafts. All descriptions of cultural objects contain information about the masters who made them. The master is identified as affiliated with the Sámi culture with such criteria as ethnic origin, living in Sámi settlements or traditional activities (reindeer herding, fishing, clothing manufacture). It seems that some material objects are perceived and represented by the authors as diacritics. Thus, the Sámi costume belongs to those idioms that, according to T. Thuen, unambiguously signal Sámi identity [48. P. 96]. In the same way, the Sámi costume and its elements are articulated in the ethnographic self-descriptions.

Many objects considered as traditional or authentic are no longer used in everyday life but are still preserved in Sámi families as 'relics' [37. P. 26, 106]. This text provides data on such practices as creating family 'archives', collecting items of one's culture or transferring items from their owners to local museums [37. P. 106, 146]. Such cultural practices are associated not only with the recognition of the symbolic significance of material objects and giving them new meanings, but also with the emergence of such configurations of the Sámi culture that cannot be reduced to the concept of traditional culture.

As a Sámi handicraft master, Mozolevskaya not only textualized her personal knowledge of how to create objects traditional for the Sámi, but also recorded the stories of people who were skilled at the Sámi handicrafts, and published the results of her observations. She was a collector and curator of the Sámi culture 'archives'. Multiple partial relations and inclusions connect the authors of the text (indigenous people who preserve native culture, craftswomen and those who describe what is happening here and now), local residents (informants, craftsmen, owners or curators of cultural objects) and the objects represented in the shifting social contexts. These texts focus on the relationships between discursive and non-discursive aspects through which the Sámi culture is rendered and objectified.

Ethnographic self-description can be focused on the history of the author's family or the history of one's native settlement. For instance, Mironova reproduces the history of Yokanga village located in the eastern part of the Kola Peninsula through the history of her family and personal life story [34; 35]. Memories and personal experiences are constantly included in these emotionally coloured texts and are combined with the recorded memories of relatives and other residents of Yokanga village. Unlike other authors, Mironova's narrative is less based on scientific texts and focuses on the description and interpretation of the events she observes or participates in. The text has individual and group photographs in family life, economic practices, culture and education. Since the book has photographs from the family archives of Yokanga residents (personal documents), we can assume that they visualise important aspects and events of everyday life in the perspective of the local people.

Two parts of this narrative are interconnected by a common topic and form a dual structure. In the first part, changes in the lifestyle and cultural practices of Yokanga residents are presented in the context of such social transformations of the 20th century as collectivization, development of the education system and the Second World War [34]. These changes are shown through the life stories of the Yokanga Sámi as recorded and published by Mironova. In the second part, the author describes several generations of her family, the Danilovs, focusing on kinship relations and daily life events [35]. The search for 'roots' is based on the pattern of retrospection [10. P. 113] and allows the author to connect the past with the present: "The history of our family which belongs to the ancient Sámi family of the Danilovs dates back to 1593. Our family has lived in this region from time immemorial" [35. P. 6]. The author's reflection on her studies in Leningrad and life in the big city is presented as "the path of the Sámi girl to the temple of science" [35. P. 24]. Hence, within the contexts of mobility and education, the self-perception of an individual goes beyond the local cultural tradition and is presented in an autobiographical perspective.

Patterns of conceptualizing the Kola Sámi culture: From scientific research to ethnographic self-description

Recently, the indigenous peoples' perception of the anthropological research has become one of the significant factors affecting the ideas about their native culture. Ethnographic and anthropological texts have become the object of interpretation and criticism by indigenous authors involved in the self-description of their culture. In some cases, the indigenous people perceive the anthropologist as a curator of 'cultural heritage' and even as "a repository of... older people's knowledge about the country" [40. P. 235–237]. Mamontova drew attention to the fact that when discussing issues of their culture, the Evenks of Eastern Siberia constantly refer to the works of the famous Soviet ethnographer Vasilevich and now also to the Internet [31. P. 105]. The Kola Sámi also refer to the texts of ethnographers, travellers, missionaries and local officials as a data source for describing and explaining aspects

of their culture. That is, the data is transferred “from the text to text” [10. P. 116]: “The old Sámi wedding ceremony is known only from the monograph by Kharuzin and some other researchers, from the old Sámi residents” [7. P. 85]. “Certainly, only those few fragments of the wonderful world of myths, legends, stories, religious ideas of the ancient Sámi survived — they were saved by the scientists who studied Lapland” [7. P. 259].

However, there is a more important possible perspective for studying a new phenomenon in the context of indigenous peoples. Anthropological versions of culture become a source not only of the return of ‘lost knowledge’ to the contemporary social contexts, but also of the reproduction of patterns for the conceptualisation of culture as a research object embodied in various scientific traditions in the indigenous authors’ texts. For instance, culture can be perceived as bounded, monolithic, homogenous or essentialized. M. Sahlins’ statement about “transferring to the people’s own consciousness of their culture all the defects that used to be attributed to anthropological descriptions thereof” [42. P. 402–403] seems somewhat exaggerated but generally fair. What impact does the cultural image of the Sámi “in the texts and as the texts” [8. P. 25] as an analytical construct have on the today’s understanding of their culture by the indigenous authors?

Thus, the cultural forms described by the researcher or traveller as local or specific in some respects can be given a general cultural status in ethnographic self-descriptions. The methodological approach, according to which various local traditions observed by the researcher were represented as the Sámi culture, was also inherent in Russian ethnography and determined an idea of the monolithic and homogenous Sámi culture. In the summer of 1887, N. Kharuzin made a trip to the Kola Peninsula on the Kandalaksha–Kola route. His work *Russian Lapps* [25] presents not so much the results of personal observations and research as a generalisation of both the ethnographic information accumulated by that time and ideas about the Sámi people. Kharuzin’s text became the starting point for ‘writing culture’ by the Sámi authors, and the effect of such generalizations was further enhanced. On the other hand, the inclusion of the Kola Sámi in the transnational cultural field at the end of the 20th century contributes to the fact that through textualization local versions are gradually replaced by a universal model of culture, reassembling from ‘patches’ of different origin. However, “the origin of cultural practices is largely irrelevant to the experience of tradition: authenticity is always defined in the present” [21. P. 286].

Kharuzin reproduces the evolutionist interpretation of the Sámi way of life, “as partly reminiscent of previous cultural stages and being a kind of anachronism in modern Europe” [4. P. 208]. The aura of scientific ethnographic descriptions, invariably ‘resurrecting’ cultural forms as unique, exotic and disappearing, is now enshrined in the texts of contemporary Sámi authors. For instance, they define their culture as “unique, distinctive” [54. P. 120] and “ancient” [7. P. 350]. Bolshakova, referring to the opinion of the ethnographer Lukyanchenko, describes the Sámi

as a people with “an extremely distinctive culture, whose originality is difficult to explain, which created a peculiar ethnographic riddle” [7. P. 23]. Thus, the interpretation of the Sámi culture as distinct, internally homogenous, territorially localized on the Kola Peninsula becomes a common ground for some Russian and Soviet ethnographers, on the one hand, and for the Sámi authors on the other.

In the ethnographic self-descriptions, culture is often understood in terms of ethnicity, which implies a distinction between the Sámi and non-Sámi culture. In a broader social context, Vladimirova draws attention to the “new visibility of the Sámi ethnicity” on the Kola Peninsula [53. P. 48]. Despite the reflection of the complex cultural transformations of the 20th century by local residents, the essentialist understanding of tradition prevails [53. P. 48]. It focuses on the limited list of cultural elements that evoke associations with the authentic Sámi tradition. However, there is the marked contrast between daily practices and the representation of culture as the basis of belonging [26. P. 219; 53. P. 48–49], which has been rearticulated and performed in new contexts for different audiences [11. P. 16]. Indigenous peoples’ appeals to the antiquity and authenticity of their traditions are rather important when articulated in external contexts, including the global. For instance, the imagined homogeneity and uniqueness of the Sámi culture are articulated by indigenous people online [13. P. 10]. However, such practices often contribute to the ‘freezing’ [47] of cultural differences and to essentializing the idea of culture as the property of an ethnic group [52. P. 412]. But this is not a one-sided issue: indigenous peoples are encouraged to promote a particular kind of traditionalism or to rely on essentialized criteria [49. P. 24–25] seen as their features in the discourses of indigeneity by the majority. Moreover, multiple cultural narratives constructed when the Sámi were non-literate and recorded by ‘outsiders’ are integrated into texts by indigenous authors, which is also a matter of intertextuality [18. P. 17]. In a broader sense, these practices of reintegration mean the transfer of the forms and ideas initially formed outside into the context of the Sámi culture [28. P. 773].

Let us consider a case that demonstrates how the ideas about the Sámi deities are assembled and returned into the contemporary culture. When describing the Sámi mythology, Bolshakova [7. P. 241–281] combines information from Kharuzin’s work [25. P. 135–235] with fragments of the Sámi fairy tales recorded and published in the 20th century [9; 24]. The list of sources cited by Bolshakova is wider, but another circumstance seems more important: ‘reassembling’ and interpreting numerous fragments of the Sámi mythological descriptions originated from different temporal and cultural contexts become the pattern of rethinking and representing their culture in the text of the indigenous author. The names of the Sámi deities, recorded and transcribed by Russian and Western scientists for several centuries when the Sámi were non-literate, were now translated into Sámi, i.e., into the original language.

Today, the ethnographic collections of the Murmansk Regional Museum of Local History and the Russian Ethnographic Museum (Saint Petersburg)

are used by Sámi masters to recreate and attribute objects in accordance with museum items. These collections are considered cultural heritage. It should be noted that such cultural practices also become objects of self-description. For example, Mozolevskaya and Kulinchenko highlight those elements of the Sámi costume that were reconstructed by indigenous craftswomen in the 21st century, based on the collections of the Russian Ethnographic Museum, especially on the collections of the ethnographers D. Zolotarev and V. Charnoluskiy of the 1920s–1930s [36. P. 14, 20].

Mozolevskaya reconstructed the traditional Kola Sámi clothing (*jupa*) based on the collections from the early 20th century stored in the museums of Gothenburg (Sweden), Helsinki (Finland) and Murmansk (Russia) [36. P. 39]. However, collectors and curators of ethnographic collections also represent different methodological approaches and national traditions, i.e., they are involved in the production of cultural meanings. In this perspective, the practices of reconstructing objects by Sámi craftswomen imply assembling them from elements from different temporal and local contexts, and their recontextualization in the present. It should be noted that objects created in accordance with museum samples are usually perceived by indigenous craftswoman as traditional. But the reconstruction becomes possible provided the partial connections of the master's social competencies acquired in various educational, professional and cultural contexts with the hand-to-hand skills associated with tradition. Such practices do not mean replication of cultural forms but imply the continuous creation of cultural hybrids.

Thus, ethnographic-self descriptions of the Kola Sámi are both a product and a production of discourse. In the article, they are interpreted in terms of intertextuality focusing on the relations between oral and written, academic and indigenous discourse. Transferring and enacting ideas from outside and reassembling culture from 'patches' of different origin in the texts of indigenous authors — all contribute to the production of new cultural meanings. The choice of texts to comment by indigenous authors and the patterns of their interpretation lead to the modification of the object — the Sámi culture. Moreover, the anthropological patterns of presenting the Sámi culture as essentialized and homogenous are reproduced by indigenous authors, introducing ambivalent complexity into their understanding and representation of culture. The question is mainly the unintended consequences of the drift of ideas and the use of the anthropological research results based on them. Accordingly, ethnographic self-descriptions contribute to the reproduction, creation, and modification of numerous discourses on the Kola Sámi culture. The texts by indigenous authors not only determine changes in the knowledge and perception of the Sami culture but also imply that 'culture' is recontextualized in the self-description. Moreover, the subject who describes and the object described are partly connected. Therefore,

the boundaries between the internal and external, local and global, traditional and modern, and anthropological versions of culture and indigenous culture are constantly shifting and becoming permeable.

Acknowledgement

I would like to thank all researchers in the SoDi-Sámi research project (Tromsø University Museum, UIT — Arctic University of Norway) for their useful comments on the manuscript.

References

1. Afanaseva N. The current state of the Sámi language. Saprykin V.P., Smirnova L.M. (Eds.). *Indigenous Peoples of the European Arctic Region*. Murmansk; 2012. (In Russ.).
2. Afanasieva A. Boarding School Education of the Sámi People in Soviet Union (1935–1989): Experiences of Three Generations. Arctic University of Norway; 2018.
3. Allemann L. Yesterday's memories, today's discourses: The struggle of the Russian Sámi to construct a meaningful past. *Arctic Anthropology*. 2017; 54 (1).
4. Anuchin D.N.N. Kharuzin's *Russian Lapps*. *Ethnographic Review*. 1890; 4 (1). (In Russ.).
5. Barth F. The analysis of culture in complex societies. *Ethnos*. 1989; 54 (3–4).
6. Bjørclund I. *Sápmi: Becoming a Nation. The Emergence of a Sámi National Community*. Tromsø; 2000.
7. Bolshakova N. *Life, Customs and Myths of Kola Sámi in the Past and Present*. Murmansk; 2005. (In Russ.).
8. de Castro E.V., Goldman M., Lebner A. Slow motions. Comments on a few texts by Marilyn Strathern. *Cambridge Journal of Anthropology*. 2008–2009; 28 (3).
9. Charnolusky V.V. *In the Land of the Flying Stone*. Moscow; 1972. (In Russ.).
10. Clifford J. On ethnographic allegory. Clifford J., Marcus G.E. (Eds.). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley; 1986.
11. Clifford J. *Returns: Becoming Indigenous in the Twenty-First Century*. Cambridge; 2013.
12. Cocq C. *Revoicing Sámi Narratives. North Sámi Storytelling at the Turn of the 20th Century*. Umeå; 2008.
13. Cocq C. Anthropological places, digital spaces and imaginary scapes: Packaging a digital Sámiland. *Folklore*. 2013; 124 (1).
14. Cocq C. Traditionalization for revitalization: Tradition as a concept and practice in contemporary Sámi contexts. *Folklore*. 2014; 57.
15. Collins P., Gallinat A. Introduction. Collins P., Gallinat A. (Eds.). *The Ethnographic Self as a Resource: Writing Memory and Experience into Ethnography*. New York; 2010.
16. Douglas M. Traditional culture — let's hear no more about it. Rao V., Walton M. (Eds.). *Culture and Public Action*. Stanford; 2004.
17. Dussart F., Poirier S. Knowing and managing the land: The conundrum of coexistence and entanglement. Dussart F., Poirier S. (Eds.). *Entangled Territorialities. Negotiating Indigenous Lands in Australia and Canada*. Toronto; 2017.
18. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London; 2003.
19. Fillitz T., Saris A.J. Introduction: Authenticity aujourd'hui. Fillitz T., Saris A.J. (Eds.). *Debating Authenticity. Concepts of Modernity in Anthropological Perspective*. New York; 2013.
20. Handler R. Authenticity. *Anthropology Today*. 1986; 2 (1).
21. Handler R., Linnekin J. Tradition, genuine or spurious. *Journal of American Folklore*. 1984; 97.
22. Junka-Aikio L. Can the Sámi speak now? Deconstructive research ethos and the debate on who is a Sámi in Finland. *Cultural Studies*. 2016; 30 (2).
23. Junka-Aikio L. Institutionalization, neo-politization and the politics defining Sámi research. *Acta Borealia*. 2019; 36 (1).
24. Kert G.M. (Ed.) *Sámi Fairy Tales*. Murmansk; 1980. (In Russ.).

25. Kharuzin N. *Russian Lapps. Essays on the Past and Contemporary Life*. Moscow; 1890. (In Russ.).
26. Konstantinov Yu. *Conversations with Powers: Soviet and Post-Soviet Developments in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala; 2015.
27. Konstantinov Yu., Ryzhkova I. 'Empty space' vs. 'full place': Gender asymmetry as an expression of 'folk binarism' in the reindeer husbandry part of the Kola Peninsula (Northwest Russia). *Anthropological Forum*. 2019; 40. (In Russ.).
28. Kuroijatnik M.S. Indigenous peoples in the context of cultural continuity. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; (16) 4. (In Russ.).
29. Latour B. *We Have Never Been Modern. Essays on Symmetrical Anthropology*. Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.).
30. Luhmann N. *Self-Descriptions*. Moscow; 2009. (In Russ.).
31. Mamontova N. Nomadizing in the online space. Representation of the Evenk culture in VKontakte. *Siberian Historical Studies*. 2014; 2. (In Russ.).
32. Mankova P. Heterogeneity and spontaneity: Reindeer races, bureaucratic designs and indigenous transformations at the Festival of the North in Murmansk. *Acta Borealia*. 2017; 34 (2).
33. Mechkina E. *Folklore Traditions in the Culture of the Sámi Family*. Apatity; 2010. (In Russ.).
34. Mironova N.N. *Yokanga*. Murmansk; 2009. (In Russ.).
35. Mironova N.N. *Yokanga. Part 2*. Murmansk; 2017. (In Russ.).
36. Mozolevskaya A., Kulichenko G. (Eds.) *Sámi Costume*. Murmansk; 2009. (In Russ.).
37. Mozolevskaya A., Mechkina. E. *Sámi Patterns*. Murmansk; 2011. (In Russ.).
38. Narayan K. How native is a 'native' anthropologist? *American Anthropologist*. 1993; 95 (3).
39. Nustad K.G. Considering global/local relations: Beyond dualism. Eriksen T.H. (Ed.). *Globalization. Studies in Anthropology*. London; 2003.
40. Peterson N. Is there a role for anthropology in cultural reproduction? Maps, mining and the 'cultural future' in Central Australia. Dussart F., Poirier S. (Eds.). *Entangled Territorialities. Negotiating Indigenous Lands in Australia and Canada*. Toronto; 2017.
41. Robbins J. Beyond the suffering subject: Toward an anthropology of the good. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2013; 19 (3).
42. Sahlins M. Two or three things that I know about culture. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1999; 5 (3).
43. Strathern M. The limits of auto-anthropology. In: *Anthropology at home*, ed by Jackson A. London: Tavistock Publications; 1987; p.16–37.
44. Strathern M. Foreword. Shifting contexts. Strathern M. (Ed.) *Shifting Contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. London; 1995.
45. Strathern M. *Partial Connections*. Walnut Creek; 2004.
46. Suleymanova O., Patsiya E. Daily and households' aspects of the adaptation to the urban way of life of the Sami. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2016; 8–10. (In Russ.).
47. Thuen T. When cultural idioms 'freeze'. Some consequences of objectification of Sámi culture. Holtedahl L., Gerard S., Njeuma M.Z., Boutrais J. (Eds.). *The Power of Knowledge. From the Arctic to the Tropics*. Paris; 1999.
48. Thuen T. Culture as property? Some Saami dilemmas. Kasten E. (Ed.). *Properties of Culture — Culture as Property. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin; 2004.
49. Thuen T. The concept of indigeneity. *Social Anthropology*. 2006; 14 (1).
50. Trouillot M.R. *Global Transformations. Anthropology and the Modern World*. New York; 2003.
51. Turi J. *Muittalus Samid Birra*. Stockholm; 1910.
52. Turner T. Anthropology and multiculturalism: What is anthropology that multiculturalists should be mindful of it? *Cultural Anthropology*. 1993; 8 (4).

53. Vladimirova V. Transnational indigenous structures, liberal multiculturalism, and narratives of ‘indigenous separatism’ in Russia’s North. *Siberian Historical Studies*. 2015; 1. (In Russ.).
54. Yakovleva E. Sámi National Day — February 6. Saprykin V.P, Smirnova L.M. (Eds.). *Indigenous Peoples of the European Arctic Region*. Murmansk; 2012. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-26-39

Воспроизводство и изменение дискурсов культуры коренных народов: этнографические самоописания кольских саамов*

М.С. Куропятник

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: kuropyatnik@bk.ru)

Аннотация. В статье этнографическое самописание рассматривается как культурная форма, в которой индигенные авторы концептуализируют свою культуру в смещающихся социальных контекстах. Этнографические самоописания подразумевают: (а) трансформацию коренными народами устно-дискурсивного опыта своей культуры в текст; (б) интерпретации научных версий культуры индигенными авторами. Вопрос заключается в том, как саамская культура концептуализируется в тексте и как письменный текст — саамскими авторами, принимающими во внимание как научные описания своей культуры, так и недискурсивные культурные формы (этнографические коллекции)? В текстах индигенных авторов антропологические версии культуры могут выступать источником воспроизводства некоторых паттернов концептуализации их культуры, релевантных ряду подходов в социальных науках. Этнографические самоописания интерпретируются автором в терминах интертекстуальности, при этом в фокусе внимания — отношения между устным и письменным, академическим и индигенным дискурсом, а также между дискурсивными и недискурсивными практиками. Тексты как часть культурной реальности и как элемент социальных событий имеют каузальный эффект, способствуя изменению видения и способов репрезентации саамской культуры с точки зрения коренных народов. Таким образом, они вовлечены в воспроизводство, создание и модификацию множественных дискурсов саамской культуры. В процессе самоописания «культура» может быть реконтекстуализирована акторами. При этом позиции и идентичность наблюдателя (автора) и коренного народа, чья культура выступает объектом описания, связаны множественными частичными отношениями, что подразумевает изменение эпистемологического статуса индигенного дискурса. Процессуальный подход к концептуализации культуры и фокус на точке зрения коренных народов, представленной в этнографических самоописаниях, составляют методологическую основу изучения ряда культурных тенденций у кольских саамов (Россия). В статье анализируются опубликованные тексты саамских авторов, не являющихся профессиональными антропологами.

Ключевые слова: культура коренных народов; кольские саамы; дискурс; этнографическое самописание; текст; частичные отношения

* © Куропятник М.С., 2023

Статья поступила 19.09.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60

Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак*

Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, О.А. Золотарева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,

ул. Фотиевой, 6, стр. 1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru;

kuchmaeva@yandex.ru; OAMahova@yandex.ru)

Аннотация. Снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего даже простое воспроизводство населения, что приводит к проблемам в экономике и социальной сфере, порождает миграционные кризисы, — проблема для многих развитых стран. На ее решение направлены меры демографической и семейной политики, что нашло отражение, в частности, в Стратегии национальной безопасности, утвержденной 2 июля 2021 года Указом Президента России: повышение рождаемости становится обязательным условием увеличения численности населения страны. В современной России трансформировалась возрастная модель рождаемости: распространение практики откладывания деторождений за пятнадцать лет привело к увеличению модального возраста матерей более чем на пять лет, что является фактором снижения рождаемости. Одним из механизмов, позволяющих изменить данный тренд, но развитию которого не уделяется должного внимания, является институт студенческой семьи. Цель исследования — оценка факторов, определяющих брачные намерения студенческой молодежи. В работе применялись количественные методы анализа данных выборочных обследований Росстата и авторского социологического исследования, включая логистические модели и метод дерева решений, что позволило провести моделирование и отобрать факторы для выявления детерминант вероятности вступления в брак студентов. Результаты моделирования выявили роль структуры системы ценностей студентов и родительской семьи в мотивации вступления в брак и созда-

*© Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А., 2023

Статья поступила 14.04.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

ния собственной семьи. Среди основных выводов исследования практической значимостью обладает подтвержденная важность для молодежи брака как такового и вступления в брак как ключевого этапа жизненного пути, что в условиях тренда откладывания деторождений и дефицита рождаемости определяет необходимость государственной заботы о студенческой семье. Результаты исследования могут быть использованы при решении сложной демографической проблемы — снижения и старения рождаемости, что требует системной работы по формированию образа благополучной студенческой семьи и внедрению механизмов ее поддержки.

Ключевые слова: студенты; брак; брачное поведение; студенческая семья; рождение первых детей; семейно-демографическая политика; благополучная молодая семья

Сложившаяся в России демографическая ситуация и демографическая структура — следствие долгосрочной тенденции снижения рождаемости. Значительную роль в формировании современного уровня рождаемости играет численность и структура молодого населения, лиц репродуктивного возраста. Сокращение численности молодежи по сравнению с 2010 годом (предыдущей российской переписью), если использовать границы молодого возраста с учетом принятого в 2020 году закона о молодежной политике, повышающего возраст молодежи с 30 до 35 лет включительно, составило 31,6 %. В перспективе негативные демографические тенденции продолжатся. По среднему варианту прогноза Росстата, в 2030 году численность молодежи в возрасте 25–29 лет, одном из наиболее благоприятных интервалов для реализации репродуктивной функции, составит лишь 7,6 млн человек, сокращение в сравнении с 2021 годом — практически 900 тысяч человек, в сравнении с 2010 годом — 4,6 млн. Столь значительное сокращение численности населения молодых возрастов не может не вызывать опасений по поводу репродуктивного и трудового потенциала страны.

Наряду с этим увеличивается возраст вступления в брак, в том числе в первый брак, что влияет на старение рождаемости: в 2019 году он составил 25,6 лет у женщин и 27,8 лет у мужчин (1). В период с 1991 по 2008 годы наибольшее число родившихся детей приходилось на женщин 20–24 лет (в 2008 году — 32,8 % родившихся детей). С 2009 по 2018 годы наибольшее число детей рожали женщины 25–29 лет, с 2019 года максимальное число рождений приходится на женщин 30–34 лет (30,5 % в 2019 году). Рисунок 1 демонстрирует снижение числа родившихся детей у женщин в возрастной группе 20–24 лет, рост рождаемости после 30 лет и смещение пика числа родившихся детей к возрастной группе матерей 25–29 лет. Анализ возрастных коэффициентов рождаемости подтверждает тенденцию ее смещения к более старшим возрастам. В 2020 году максимальное значение возрастного коэффициента рождаемости приходилось на интервал 25–29 лет — 92,6%, следующее по величине значение приходится на группу 20–24 лет — 73,6%, и средний возраст матери при рождении ребенка составил в 2020 году 28,8 лет (2).

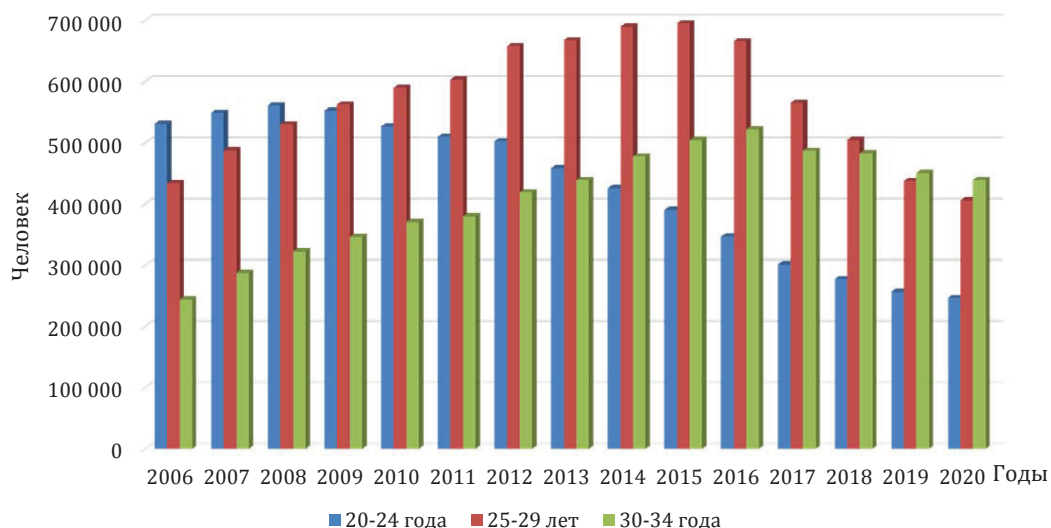

Рис. 1. Динамика численности родившихся у матерей в возрасте от 20 до 34 лет

Исследователи отмечают и увеличение модального возраста матерей по очередности родившихся [9]. В фертильном возрасте женщины выделяется поздний репродуктивный период — после 35 лет [24]. Фертильность снижается с возрастом как у женщин, так и у мужчин, но наиболее выражена эта тенденция у женщин: после 40 лет шансы наступления беременности не превышают 5 %, а риск потери беременности на ранних сроках составляет от 34 % до 52 % [18]. Кроме того, откладываемые «на потом» рождения могут так и не реализоваться. Тенденция откладывания деторождения на старшие возраста, бездетность и, как следствие, суженный режим воспроизводства населения и замещения поколений наблюдается во многих странах мира [20; 23; 31–32].

В значительной степени старение рождаемости связано с увеличением периода социализации, продолжением получения образования до достижения возраста 25 лет, а подчас и 30 лет. Наиболее репродуктивные возраста и возраст получения профессионального образования — это, по сути, один и тот же период в жизни молодого человека, что обуславливает внимание к институту молодой студенческой семьи и ее проблемам. По данным на 2021 год, численность студентов в России (совокупно бакалавриат, магистратура и специалитет) составляет внушительную долю — 32,5 % населения в возрасте 17–25 лет. Именно эти группы в значительной степени определяют результаты демографического поведения молодого поколения. Увеличение уровня брачности и, как следствие, рождаемости в студенческих семьях может положительным образом повлиять на демографическую ситуацию и рост рождаемости в стране.

Студенческая семья представляет собой сложный социокультурный феномен, обладающий специфическим набором ценностных приоритетов

и жизненных стратегий, и является одним из стратегических демографических ресурсов государства [15]. Цель нашего исследования — анализ жизненных стратегий молодых россиян, получающих профессиональное образование, в контексте их отношения к вступлению в брак и созданию семьи; выявление факторов, определяющих их брачные намерения, для оценки мер семейной и демографической политики. Результаты исследования могут лечь в основу модели государственной поддержки молодой семьи, основанной на реализации узконаправленных, возможно, персонифицированных мер, позволяющих более полно использовать репродуктивный потенциал молодежи, что даст возможность повысить рождаемость за счет реализации репродуктивных намерений молодежи, нацеленной на вступление в брак в достаточно молодом возрасте. Кроме того, действенная модель поддержки студенческой семьи будет служить важным инструментом повышения ценности семьи, что, возможно, позволит переломить тенденцию откладывания на потом вступления в брак и рождения первых детей. Оказание качественной социальной поддержки студенческим семьям представляется важнейшим направлением социальной политики, и одна из первостепенных задач — определение факторов, которые бы реально способствовали росту брачности в студенчестве, нормализации жизнедеятельности семьи и росту рождений в студенческих семьях.

В связи с тем, что в федеральном законодательстве не закреплена социально-правовой статус студенческой семьи, остается нерешенным вопрос реализации на разных уровнях мер ее поддержки. 19 февраля 2019 года в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О социальной поддержке семей, имеющих детей», в котором было предложено определение студенческой семьи — семья, в которой оба родителя либо одинокий родитель являются студентами (курсантами) государственных организаций профессионального или высшего образования, проходят очное обучение, проживают в России и имеют одного или несколько несовершеннолетних детей. В качестве мер социальной поддержки таких семей предлагалось предоставление следующих видов помощи: единовременная выплата при рождении ребенка в размере 57438 рублей; ежемесячная выплата в размере величины регионального прожиточного минимума для детей на каждого ребенка; ежемесячная выплата материальных средств студенческим семьям с уровнем доходов, не превышающем величины регионального прожиточного минимума (на оплату жилого помещения, коммунальных услуг, утилизацию бытовых отходов, топлива и транспортных услуг по его доставке). Комитет по вопросам семьи, женщин и детей рекомендовал Государственной Думе отклонить проект закона на том основании, что он нуждается в существенной юридико-технической и лингвистической доработке, и проект был отклонен постановлением Государственной Думы от 16 октября 2019 года.

Во многих странах мира наблюдается распространение такого социально-демографического явления, как малодетность, которая сочетается с высокой разводимостью и внебрачной рождаемостью. Супружество и родительство становятся все менее связанными сферами жизни, и их ценность неравнозначна. Подтверждением служит признание легитимности и распространение таких практик семейной жизни, как незарегистрированные союзы, сознательная бездетность, рождение ребенка вне брака и воспитание его одним из родителей [27]. Увеличивается количество разводов супругов, имеющих детей, т.е. дети перестают играть сдерживающую роль в сохранении семьи. Эти тенденции затрагивают брачное и репродуктивное поведение молодых россиян [3], поэтому необходимы исследования студенческой молодежи в контексте поиска путей повышения эффективности мер демографической политики в интересах молодой семьи [5].

Несмотря на то, что в значительной части зарубежных исследований студенческая семья не является объектом анализа, целый ряд работ посвящен брачной стратегии, брачно-семейным отношениям молодых людей и факторам их семейного благополучия [21–22; 26; 28–30]. Например, подтверждена взаимосвязь признаков семейного благополучия — полноты семьи (нуклеарная семья, в которой воспитываются дети) и материальной обеспеченности [21]. Показано, что отложенное родительство воспринимается современным обществом как рациональная адаптация к изменениям, и преодолению негативного отношения к рождению ребенка в молодости должны способствовать мероприятия, направленные на доведение до молодежи информации об ограничениях репродукции человека с возрастом и на увеличение мер социальной поддержки молодых родителей [22]. Особое внимание уделяется поиску баланса между работой и выполнением семейных обязанностей в интересах благополучия семей [28]: проблема совмещения профессиональных и семейных обязанностей для супружеских пар с детьми может быть решена участием бабушек и дедушек (общение с внуками и присмотр за ними). Применение этих выводов к студенческой семье, для членов которой важно получение образования на данном этапе жизни, позволяет сформулировать одну из гипотез исследования: о влиянии на вероятность вступления в брак возможности достижения баланса семьи, образования и занятости.

В России интерес к исследованиям студенческих семей зародился довольно давно, в частности, в 1913 году была издана работа Е.П. Радина на основе «анкет о душевном настроении учащихся в высших учебных заведениях Петербурга» [13]. Анкетирование проводилось для выяснения причин разочарований молодежи и потери веры в себя, психологической оценки молодежью своего настроения, ее идеалов. Вопросы анкеты были сформулированы таким образом, чтобы выявить различия в воззрениях молодежи в зависимости от семейного положения (холостые, женатые церковным и гражданским браком, девицы, вдовцы и вдовы) и наличия детей.

Полученные результаты показали гендерные различия в отношении к браку в студенчестве: девушки брак воспринимали положительно, в то время как юноши, наоборот, считали, что брак ограничивает деятельность человека домашним бытом, является преградой для развития и самореализации. В качестве препятствий для создания семьи были определены: бедность студентов, граничащая с нищетой; отсутствие приемлемых жилищных условий; низкий уровень медицины, способствующий безответственному отношению к репродуктивному здоровью.

До 1980 года подобные исследования носили редкий, единичный характер. В 1980-е годы в социальной политике государства выделилось самостоятельное направление, посвященное заботе о молодой семье, что стало основанием для проведения более глубоких и полных обследований студенчества и молодежной семьи. Так, результаты исследования В.А. Сысенко, отраженные в труде «Молодежь вступает в брак», показали, что вступление в брак у большинства молодежи происходит в период между половым созреванием и переходом к экономической самостоятельности — в период получения среднего и высшего образования. При этом важнейшим условием благополучия молодой семьи является наличие достойных жилищных условий, поскольку неудовлетворенная потребность в комфортном проживании приводит к внутрисемейным конфликтам у каждой третьей молодой семьи [19].

В современной отечественной науке интерес к ценностно-нравственным ориентирам в молодежной, студенческой среде, детерминантам и факторам создания семей студентами, особенностям брачно-семейных отношений в студенческих семьях нарастает, что связано как с неблагоприятными демографическими тенденциями, так и с осознанием возможностей демографической политики [1; 5; 7; 10; 16]. Большинство из довольно немногочисленных исследований студенческой семьи сводится к попыткам наглядного представления эмпирической информации посредством элементарных группировки, табличного и графического представления данных, что позволяет получить образы ценностных ориентиров и семейных стратегий студенческой молодежи. Например, был сделан вывод, что «лишь 13 % респондентов хотели бы воспроизвести модель поведения родителей в собственных семьях; примером для многих студентов является семья не предыдущего поколения (родителей), но пра-родителей — студенческие семьи бабушек и дедушек» [1]. Выводы, безусловно, интересные, но построены они на основе опроса 90 студентов, что заставляет сомневаться в достоверности полученных оценок для всех студентов. В целом исследования студенческой семьи локальны, проведены в разных регионах, на основе разных технологий формирования выборки, что объясняет трудности при сопоставлении результатов разных исследований.

Так, под руководством Т.А. Гурко в 2005–2007 и 2018 году были проведены обследования студентов в Москве и Ставрополе, показавшие увеличение желаемого возраста вступления в брак и изменение предпочтений в отношении достижений будущих супругов до заключения брака. С течением времени все больше студентов полагают, что до вступления в брак супруг(а) должны завершить образование, и установки московских и ставропольских студентов сближаются [7]. В исследовании представлений тувинской студенческой молодежи о семье и браке было установлено: «почти половина респондентов (46,2 %) относятся к вступлению в брак во время учебы в вузе лояльно», категорически негативно — 31,5 %; «главной причиной вступления в брак как для юношей, так и для девушек является любовь (78 %)» [12]. Оба примера акцентируют ценностную ориентацию студенческой молодежи, что, вне всякого сомнения, важно, но не учитывают бихевиористскую методологию, которая играет не менее существенную роль в анализе брачно-семейного поведения студенческой молодежи.

В основу методологии нашего исследования положены две противоположные стратегии воздействия на поведение молодых людей в сфере брака и семьи — бихевиористская и ценностная. Положения бихевиористского подхода позволяют на основе проведенного исследования разработать систему стимулов для вступления в брак, создания семьи теми группами студентов, для которых высока значимость создания семьи в молодом возрасте, но жизненные обстоятельства, те или иные барьеры мешают им реализовать эту стратегию. Ликвидация или снижение этих барьеров, формирование стимулов мерами социальной политики позволит увеличить уровень брачности среди тех студентов, кто ориентирован на сочетание брачной и образовательной карьеры. Важные аспекты ценностного подхода — выявление и воздействие на мотивы вступления в брак, создания семьи и рождения детей. В процессе становления личность воспринимает и формирует систему ценностных ориентиров, и перспективная социальная политика в отношении молодежи должна включать меры, воздействующие на систему ценностей и помогающую в реализации конкретных целей. Изменение репродуктивных и матримониальных ценностей нашло отражение в теории демографического перехода: «помыслы человека сосредоточены на самореализации... и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства» [8]. Формируется модель демографического поведения, для которой характерны гибкий подход к выбору жизненного пути и множество стилей жизни [25].

Для решения поставленных задач в работе использованы данные исследований жизненных стратегий молодых россиян, факторов, определяющих их брачные намерения, особенностей студенческих семей,

возникающих у них трудностей и проблем. В частности, это материалы Комплексного наблюдения условий жизни населения, регулярно проводимого Росстатом (раунд 2020 года) (3) на репрезентативной общероссийской выборке в 127,5 тысяч человек. Подвыборка студентов в возрасте 18–30 лет, получающих среднее и высшее профессиональное образование, составила 3227 человек, из них 420 человек состоят в браке. Данные Обследования доходов населения и участия в социальных программах (2020) (4) позволяют получить представление о размере и структуре доходов студенческих семей (132 тысячи человек, в том числе 5307 студентов), материалы Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения (2021) (5) — о трудовой занятости студентов, имеющих семьи (4051 студент в возрасте 18–30 лет). Однако программы обследований Росстата, отвечая на вопрос об особенностях жизнедеятельности студенческих семей и проблемах, которые сопровождают их жизнь и могут служить барьером для создания семьи в ходе обучения, не дают возможность исследовать мотивы молодых респондентов в сфере создания семьи и вступления в брак. Эту информационную лакуну позволяют заполнить данные авторского социологического исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений», проведенного в 2019 году ИДИ ФНИСЦ РАН (6) в России, Белоруссии и Таджикистане. В России выборка охватывает пять субъектов: Москву, Свердловскую, Волгоградскую и Нижегородскую области, Республику Саха (Якутию). Из общей совокупности респондентов выделены люди в возрасте 18–25 лет — студенты, состоящие и не состоящие в браке. Таковых оказалось 338 человек (53,1 % женщин и 46,9 % мужчин).

Социально-экономические характеристики студенческой семьи (по данным выборочных обследований Росстата)

Данные выборочных обследований Росстата свидетельствуют, что масштабы брачности среди российского студенчества можно охарактеризовать как весьма скромные: доля состоящих в браке в возрасте до 30 лет колеблется от 3,6 % до 5,6 % (очное обучение). Молодые люди в возрасте до 30 лет порой сочетают профессиональную занятость и получение образования (вечерняя, очно-заочная форма). В любом случае показатели брачности значительно ниже, чем в целом для молодых россиян этого возраста. По данным Микрорепериси населения 2015 года в городских и сельских населенных пунктах (репрезентативная выборка в 2,2 млн человек, или 1,5 % населения частных домохозяйств) на 1000 человек в возрасте 16–17 лет 19 человек состоят в браке (супружеском союзе), в возрасте 18–19 лет — 88 человек, 20–24 лет — 325, 25–29 лет — 600 (7).

Вступление студентов в брак возможно, если у молодой семьи есть дополнительные источники дохода, помимо стипендии. Чаще всего это происходит в том случае, если молодые люди обучаются по очно-заочной форме обучения либо студентом является один из супругов. Данные обследования доходов населения свидетельствуют, что основной источник дохода у студенческой молодежи (очная форма) — это стипендии, гранты на обучение и социальные выплаты. Это приводит к тому, что уровень бедности среди студентов очной формы, состоящих в браке, выше, чем у тех, кто в браке не состоит (16,6 % и 14 %, различия статистически значимы, $p < 0,000$). При этом лишь 16,9% студенческих семей (очной формы) отметили в качестве доходов подарки и помощь от близких родственников, родителей. Согласно данным Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, в 2021 году лишь 7,6% мужчин и 8,9% женщин (студентов очной формы) были заняты в экономике (работали по найму).

Экономические проблемы, с которыми сталкиваются студенты, решившие создать семью в процессе получения образования, сложности, возникающие при необходимости сочетать семью, образование и работу, в значительной степени влияют на распространенность студенческих семей. Однако вряд ли можно говорить об этом явлении только с позиций экономического детерминизма: система ценностей молодежи, привлекательные модели брачной, семейной и профессиональной карьеры приводят к откладыванию вступления в брак на период после завершения образования и обретения социально-профессионального статуса, и как следствие, к откладыванию рождения детей на более поздний возраст.

Регрессионная модель вероятности вступления студентов в брак

Регрессионная модель (на основе логистической регрессии, позволяющей определить вероятность вступления в брак в зависимости от влияния тех или иных факторов) была построена на данных исследования «Семья и семейная политика: взгляд поколений», проведенного авторами в 2019 году. Согласно его данным, среди респондентов в возрасте 18–25 лет, студентов учреждений профессионального образования, 14,2% состоят в браке (зарегистрированном или нет). Важность регистрации первого брака студенческая молодежь оценивает одинаково, независимо от брачного статуса: нет статистически значимых различий в ответах студентов, состоящих и не состоящих в браке. Треть студентов (35,8%) отмечает, что регистрация первого брака желательна (Рис. 2), другая треть (30,3%) – что обязательна. При этом среди тех, кто считает, что первый брак обязательно нужно регистрировать, значительна доля тех, кто опирается на положительный пример своих родителей в качестве идеала супружеской жизни (Табл. 1, Рис. 3).

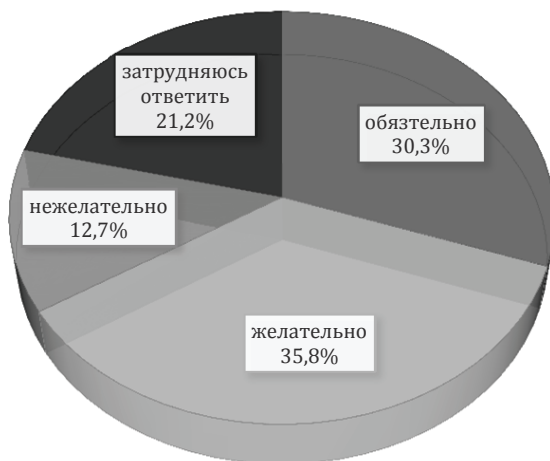

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Нужно ли, по Вашему мнению, регистрировать первый брак?», в %

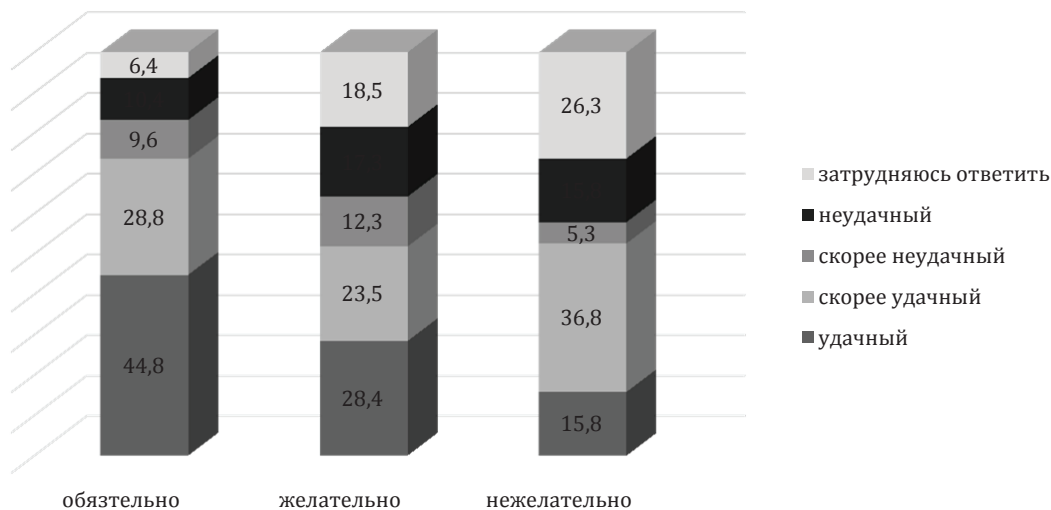

Рис. 3. Распределение оценок брака родителей в группах, ответивших на вопрос о значимости регистрации первого брака, в %

Среди респондентов, считающих, что первый брак желательно регистрировать, доля тех, кто полагает, что брак их родителей удачен, больше, чем ответов, что брак родителей скорее удачный, в то время как среди респондентов, считающих, что первый брак регистрировать нежелательно, наоборот, больше усомнившихся в том, что брак родителей удачен. Расчет критерия χ^2 подтвердил различие в распределениях ответов студентов, по-разному оценивших успешность брака своих родителей, на вопрос о собственных намерениях вступить в брак.

Распределение ответов на вопрос «Нужно ли, по Вашему мнению, регистрировать первый брак?» и «Как Вы оцениваете брак ваших родителей?», в %

Как Вы оцениваете брак ваших родителей?	Нужно ли, по Вашему мнению, регистрировать первый брак?			
	обязательно	желательно	нежелательно	затрудняюсь ответить
удачный	21,21	8,71	1,14	4,92
скорее удачный	13,64	7,2	2,65	2,65
скорее неудачный	4,55	3,79	0,38	2,65
неудачный	4,92	5,3	1,14	0,38
затрудняюсь ответить	3,03	5,68	1,89	4,17

Таким образом, успешность брака родителей влияет на представления молодых людей об обязательности и желательности регистрации первого брака, а также выступает детерминантой более раннего вступления в брак. Анализ данных опроса и Росстата позволил уточнить основные гипотезы для моделирования и отобрать факторы для определения детерминант вероятности вступления в брак студентов на основе логистической модели. В качестве зависимой переменной выступила вероятность вступления в брак в период студенчества (вероятность вступления в брак по совокупности опрошенных составила 14,2 %); она носит дихотомический характер: 1 — состоит в браке; 0 — нет. В ходе моделирования проверке подлежали гипотезы о влиянии на вероятность вступления в брак ценностных ориентаций студентов и места семьи и детей в системе ценностей, отношений с родителями, репродуктивных ориентаций, роли родительской семьи в формировании модели брачного поведения, а также пола и возраста респондента. Результатом стала логит-модель, построенная на основе метода включения (отношение правдоподобия) на седьмом шаге. Приемлемое качество модели подтверждается значением коэффициентов Кокса и Снелла (0,397) и Нэйджелкерка (0,631). Критерий Хеснера—Лемешева подтверждает значимость модели (0,035). Количество корректно предсказанных случаев на основе модели составляет 93,3 %, что говорит о ее хорошем качестве.

Вероятность вступления в брак студентов определяют следующие детерминанты (Табл. 2): отношения с родителями и число детей в родительской семье, ценность детей, любви, профессиональной состоятельности и материального благополучия, возможности путешествовать, дружеского и семейного общения, безопасности, наличие семейных традиций. В модель не вошли такие факторы, как возраст респондентов (видимо, в силу небольшого интервала — 18–25 лет), отношение к обязательности регистрации брака, желаемое число детей (в силу сходства у состоящих и не состоящих в браке).

Таблица 2

Детерминанты вступления в брак студентов в возрасте 18–25 лет

	В	Стд. ош.	Вальд	Ст. св.	Знч.	Exp (В)
Пол	2,911	1,016	8,204	1	0,004	18,377
Сколько детей (считая Вас) в Вашей семье (родителей)?			5,382	3	0,146	
1 ребенок	0,288	0,822	0,122	1	0,727	1,333
2 детей	3,199	1,446	4,891	1	0,027	24,504
3 детей	-19,580	7507,682	0,000	1	0,998	0,000
Удовлетворены ли Вы взаимоотношениями с отцом?			10,684	3	0,014	
да, полностью	-2,648	1,163	5,187	1	0,023	0,071
да, отчасти	-4,363	1,391	9,839	1	0,002	0,013
нет	-3,506	2,524	1,929	1	0,165	0,030
Удовлетворены ли Вы взаимоотношениями с матерью?			11,130	3	0,011	
да, полностью	0,011	1,125	0,000	1	0,992	1,011
да, отчасти	5,709	1,722	10,991	1	0,001	301,532
нет	-21,691	11903,960	0,000	1	0,999	0,000
Существуют ли в вашей семье семейные традиции, обычаи?			6,339	2	0,042	
да	-0,809	0,957	0,714	1	0,398	0,446
нет	-2,952	1,173	6,336	1	0,012	0,052
Что для Вас самое важное в будущем?						
иметь ребенка	2,598	1,011	6,603	1	0,010	13,441
материальное благополучие	1,767	0,936	3,567	1	0,059	5,853
иметь любимую работу	2,340	0,891	6,892	1	0,009	10,377
поездить по миру	2,241	0,905	6,128	1	0,013	9,406
любить	2,302	1,007	5,222	1	0,022	9,992
быть любимым(ой)	2,304	,964	5,709	1	0,017	10,015
сделать карьеру	4,555	1,563	8,489	1	0,004	95,080
иметь друзей	-15,844	4,112	14,847	1	0,000	0,000
иметь несколько детей	-4,725	1,704	7,692	1	0,006	0,009
быть хорошей хозяйкой (хозяйном)	3,992	2,568	2,417	1	0,120	54,148
иметь возможность не работать	-6,603	2,196	9,040	1	0,003	0,001
чувство безопасности	5,915	1,904	9,651	1	0,002	370,702
поддерживать отношения с родственниками	4,444	1,867	5,664	1	0,017	85,106
иметь сбережения;	14,531	5,024	8,366	1	0,004	2045250,028
иметь свое дело, бизнес	-7,033	3,480	4,086	1	0,043	0,001
иметь высшее образование	-12,855	4,615	7,761	1	0,005	0,000
жить по правде, совести, справедливости	3,299	1,330	6,155	1	0,013	27,097
Константа	-19,296	6,705	8,281	1	0,004	0,000

Вероятность вступления в брак выше у девушек: среди них доля состоящих в браке — 17,7 % (против 9,7 %). Интересным оказалось влияние родительской семьи на вероятность вступления в брак у студентов: большее число детей в родительской семье увеличивает вероятность создания семьи в процессе получения образования (особенно наличие трех детей). Также повышают вероятность вступления в брак плохие отношения с матерью (выше для тех, кто не удовлетворен отношениями с матерью) и не очень хорошие отношения с отцом (варианты «нет» и «отчасти»). Вероятность вступления в брак ниже у студентов, у кого в родительской семье не было семейных традиций. В целом роль родительской семьи противоречива: с одной стороны, наличие семейных традиций и нескольких детей определяет значимость вступления в брак и сочетания семейной и образовательной карьеры; с другой стороны, неудовлетворенность отношениями с родителями, отсутствие взаимопонимания провоцирует относительно ранний уход из родительской семьи и вступление в брак.

Значимую роль в мотивации создания семьи играет система ценностей молодых людей. Согласно модели повышает вероятность вступления в брак значимость в будущем иметь ребенка, материального благополучия, наличия любимой работы, поездок по миру, взаимной любви, карьеры, чувства безопасности, отношений с родственниками, сбережений и честной жизни. По сути, семейная жизнь вписывается в контекст счастливой жизни, сочетается с материальным благополучием, карьерой, теплыми отношениями с любимым человеком и семьей. Снижает вероятность создать студенческую семью, наряду с ценностью друзей, собственного бизнеса и высшего образования, значимость наличия нескольких детей. Вступление в брак в период обучения связано с реализацией желания любить и быть любимым и не противоречит таким личным целям, как карьерный успех и путешествия. Однако если для респондента значительную ценность (на фоне семьи и детей) составляют общение с друзьями, организация собственного бизнеса и высшее образование (видимо, в карьере), вероятность вступления в брак в этот период снижается, как и в случае значимости нескольких детей (молодые люди ориентированы на создание большой семьи, которая не кажется совместимой с получением образования). Не оказывает влияния на вероятность вступления в брак ценность хорошего здоровья, независимости и уверенности в завтрашнем дне, желание быть хорошей хозяйкой (хозяйином) — эти ценности одинаково значимы для тех, кто вступил в брак или нет.

Уточнить результаты моделирования позволяет метод построения дерева решений — выявление ведущих детерминант распределения ответов на вопрос. В качестве целевой выступала переменная «Состоите ли Вы в браке?». В качестве предикторов были отобраны переменные, выступающие факторами в логистической модели, но в итоговую модель вошли лишь

возраст и значимость для респондента в будущем состоять в браке. После проведенного анализа была выбрана модель, полученная с помощью метода CHAID: прежде всего на вероятность вступления в брак в студенчестве влияет значимость брака как такового, как важнейшего этапа жизненного пути. С помощью кросс-проверки, позволяющей оценить классификационное дерево на более крупной совокупности, была доказана устойчивость модели: значения риска без проверки и с ней практически не различались. Матрица, содержащая процент корректно предсказанных значений, обусловила вывод об устойчивости построенной модели (классификационного дерева) и ее приемлемой точности (оценка риска — 0,142). О приемлемом качестве модели свидетельствует достаточно высокая доля респондентов, классифицированных верно (85,8 % отнесены к одной из выделенных групп правильно). Проверка различий в распределениях ответов осуществлялась с помощью критерия Хи-квадрат ($p \leq 0,021$).

На Рисунке 4 представлено построенное дерево решений: корневой узел включает 338 наблюдений, из них 290 — респонденты, которые не состоят в браке, 48 — состоят.

Вероятность вступления в брак возрастает для тех респондентов, у кого высоко значение брака в системе ценностей: среди тех, кто ответил на вопрос «Что для Вас самое важное в будущем?» «состоять в браке», доля состоящих в браке — 23,7 %. Однако это не единственный значимый фактор: среди студентов, для кого брак не является жизненным приоритетом, уровень фактической брачности зависит от возраста. У студентов моложе 19 лет он снижается до 6,5 %, у тех, кто старше 19 лет, повышается до 17,7 %. Обратим внимание, что в группу состоящих в браке включены состоящие в зарегистрированном и незарегистрированном браке. Можно предположить наличие разных стратегий: по отношению к вступлению в брак: те, у кого ценность брака сформировалась в процессе социализации до поступления в институт, не видят ничего зазорного в том, чтобы создать семью на этапе получения профессионального образования. С другой стороны, по мере взросления (после 19 лет) молодые люди вступают в фактические брачные отношения, которые могут перерасти в зарегистрированный брак, семью с детьми. И в этом случае принять решение о создании семьи может помочь грамотная политика поддержки студенческой семьи, реализуемая в том числе и силами образовательных организаций.

Таким образом, исследование показало различающуюся ценность семьи и брака для молодых россиян, получающих профессиональное образование. Значительную роль в формировании брачной стратегии молодых людей играет система социализации — пример родительской семьи: на вступление в брак в годы студенчества влияет число детей в родительской семье, характер отношений с родителями, наличие семейных тради-

ций. Брачное поведение студентов определяется и тем, насколько сформирована ценность вступления в брак, т.е. она может повысить вероятность вступления в брак во время получения профессионального образования: среди тех, для кого брак не слишком важен, выше вероятность вступления в брак после 19 лет.

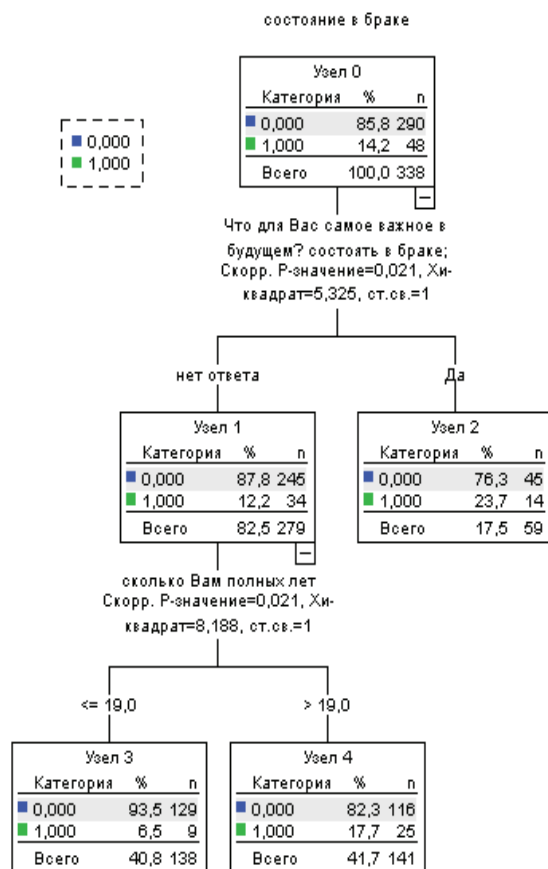

Рис. 4. Дерево решения для переменной «состояние в браке»

Формирование системы ценностей, ориентированной на вступление в брак и рождение одного ребенка, не противоречит иным жизненным устремлениям студентов. Семейно-брачная карьера сочетается с профессиональной и насыщенным досугом, общением с родственниками. Однако если для респондента значимо рождение нескольких детей и создание большой семьи, требующей значительного внимания и затрат времени, это приводит к откладыванию вступления в брак на период после завершения образования. Аналогичное влияние оказывает значимость создания собственного бизнеса, профессионального роста и общения с друзьями.

Соответственно, эффективная демографическая политика, направленная на стимулирование создания семьи в молодом возрасте, должна различаться в отношении разных групп молодежи. Во-первых, речь может идти о формировании ценности семьи и семейного образа жизни — это долгосрочная и финансово затратная стратегия, не сводящаяся только к пропагандистским мерам: значимость семейного образа жизни подтверждается мерами государственной поддержки, престижностью создания семьи в молодом возрасте для будущей социальной и профессиональной карьеры; важна воспитательная роль родительской семьи в формировании будущего семьянина. Во-вторых, необходимо поддерживать тех молодых людей, для кого значимость брака и семьи в молодом возрасте весьма высока, но они сталкиваются с проблемами, сочетая получение профессионального образования с созданием семьи и ее материальным обеспечением, что вынуждает их отложить вступление в брак. Важную роль здесь могут сыграть субъекты демографической политики, в том числе образовательные учреждения.

Результаты регрессионного анализа значимы в условиях снижения уровня брачности в молодых возрастах и дефицита рождаемости, подтверждают полезность заботы государства о развитии института студенческой семьи. Демографическая политика должна включать в себя не только комплекс общих мер стимулирования рождаемости, но и узконаправленные, избирательные меры многосторонней поддержки студенческих семей — от дополнительных выплат до расширения самоорганизации и самореализации членов студенческих семей (на основе баланса триады — семьи, образования и занятости). Важным направлением семейной и демографической политики должно стать обеспечение социально-психологической значимости образа молодой семьи как обладающей характеристиками благополучной семьи, указанными в Концепции государственной политики: юридическое оформление (регистрация) брака; полная семья (родители и дети); экономическая самостоятельность (материальная обеспеченность); социальная активность (способность самостоятельно решать свои проблемы с применением законодательных норм и мер государственной политики); социальная направленность (деятельность семьи совпадает с системой и ценностями общества, моральными нормами) [2; 4; 11; 17].

Правовой статус студенческой семьи в России все еще не установлен, поэтому целесообразно дополнить Статью 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» следующим определением: «Студенческая семья — это семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для студенческой семьи

с детьми возраст супругов может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования)».

Примечания

- (1) *Архангельский В.Н.* Тенденции брачности и рождаемости российской молодежи // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2020 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М., 2020. С. 67.
- (2) Демографический ежегодник России. 2021. М., 2021.
- (3) Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения. 2020 // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKSKOUZH-2020/index.html.
- (4) Данные Обследования доходов населения и участия в социальных программах. 2020 // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2020/index.html.
- (5) Данные Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения. 2021 // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html.
- (6) Международное социологическое исследование «Семья и семейная политика: взгляд поколений» было проведено в 2019 году в Москве, Свердловской, Волгоградской, Нижегородской и Якутской областях, а также в Белоруссии и Таджикистане. N = 1652 в возрасте от 14 до 50 лет. Руководители — Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева.
- (7) Данные Микрорепериси населения. 2015 // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

Библиографический список

1. *Адрюшина Е.В., Панова Е.А.* Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // Искусство управления. 2019. Т. 11. № 2.
2. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М., 1996.
3. *Артамонова А.В., Митрофанова Е.С.* Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1.
4. *Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.* Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. № 5.
5. *Багирова А.П., Шубат О.М.* Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. 2017. № 7.
6. *Волков В.Н.* Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2.
7. *Гурко Т.А., Тарченко В.С.* Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7.
8. *Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России. Второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3.
9. *Землянова Е.В., Чумарина В.Ж.* Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 6.
10. *Калачикова О.Н., Груздева М.А.* Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе 2019. № 1.

11. Климантова Г.И., Петрова Е.А. Примерная образовательно-просветительская программа «Подготовка молодежи к семейной жизни» // Межведомственные технологии взаимодействия молодой семьи, государства и общества: региональный опыт. М., 2019.
12. Ондар Л.М., Доспан-оол Д.В. Представления тувинской студенческой молодежи о семье и браке // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 1.
13. Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года: Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. СПб., 1913.
14. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2.
15. Ростовская Т.К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4.
16. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. № 3.
17. Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4.
18. Сыркашева А.Г., Ильина Е.О., Долгушина Н.В. Бесплодие у женщин старшего репродуктивного возраста: причины, тактика ведения, перспективы использования преимплантационного генетического скрининга (обзор литературы) // Гинекология. 2016. № 3.
19. Сысенко В.А. Молодежь вступает в брак. М., 1986.
20. Bergnehr D. Social influence and the timing of parenthood // *Interpersona*. 2009. No. 3.
21. Brown S.L., Manning W.D., Stykes J.B. Family structure and child well-being: Integrating family complexity // *Journal of Marriage and Family*. 2015. Vol. 77. No. 1.
22. Eriksson C., Larsson M., Skoog Svanberg A., Tydén T. Reflections on fertility and postponed parenthood — interviews with highly educated women and men without children in Sweden // *Upsala Journal of Medical Sciences*. 2013. Vol. 118. No. 2.
23. Frejka T. Parity distribution and completed family size in Europe: Incipient decline of the two-child family model? // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. No. 4.
24. Leridon H. Can assisted reproduction technology compensate for the natural decline in fertility with age? A model assessment // *Human Reproduction*. 2004. Vol. 19. No. 7.
25. Lesthaeghe R. Second Demographic Transition // URL: http://dmo.econ.msu.ru/teaching/L2/TrDemo/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.pdf.
26. Michielin F., Mulder C.H. Geographical distances between adult children and their parents in the Netherlands // *Demographic Research*. 2007. Vol. 17. No. 22.
27. Mills M. The Transformation of Partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the Age of Modernity. Amsterdam, 2000.
28. Mustillo S., Li M., Wang W. Parent work-to-family conflict and child psychological well-being: Moderating role of grandparent coresidence // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 83.
29. Öztürk S., Hazer O. Youth perspectives on intergenerational solidarity in families // *Turkish Journal of Family Medicine and Primary Care*. 2016. Vol. 10. No. 4.
30. Shelton N., Grundy E. Proximity of adult children to their parents in Great Britain // *International Journal of Population Geography*. 2000. Vol. 6. No. 3.
31. Sobotka T. Postponement of childbearing and low fertility in Europe // *Population*. 2004. Vol. 59. No. 5.
32. Waldenstrom U. Postponing parenthood to advanced age // *Upsala Journal of Medical Sciences*. 2016. Vol. 121. No. 4.

Russian student family: Determinants of marriage*

T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva, O.A. Zolotareva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS,
Fotievoy St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; kuchmaeva@yandex.ru; OAMahova@yandex.ru)

Abstract. The birth rate reducing to the level that does not ensure even the simple reproduction of the population, which leads to problems in the economy and social sphere and to migration crises, is a challenge for many developed countries. The demographic and family policy measures aim at solving this problem, which is reflected, for instance, in the Russian National Security Strategy approved on July 2, 2021 by the Decree of the President: the increasing birth rate is declared a required condition for increasing the country's population. In contemporary Russia, the age model of fertility has transformed: the spreading practice of postponing childbirth in the last fifteen years has led to an increase in the modal age of mothers by more than five years, which is a factor in the decline in fertility. One of the mechanisms that can change this trend but lacks the due attention is the institution of the student family. The study aims at identifying those factors that determine the marriage intentions of the student youth. The article is based on the quantitative analysis of the surveys data of the Rosstat and authors' sociological research, including logistic models and the decision tree method, which allowed to conduct modeling and select factors to identify the determinants of student marriage. The modeling results revealed the role of the value-system structure of students and their parental family in the motivation for marriage and starting family life. One of the main conclusions of practical significance is the confirmed importance for the youth of marriage as such and as a key stage in the life path, which under the postponing childbirth and reducing birth rate determines the need for the state support for the student family. The results of the study can help to solve a complex demographic problem of the decline and aging of the birth rate, which requires systematic work to create an image of the happy student family and to introduce mechanisms for supporting it.

Key words: students; marriage; marital behavior; student family; birth of first children; family-demographic policy; happy young family

References

1. Adryushina E.V., Panova E.A. Vliyanie gosudarstvennoj politiki na semejnye strategii studencheskoj molodezhi [Influence of the state policy on the student family strategies]. *Ars Administrandi*. 2019; 11 (2). (In Russ.).
2. Antonov A.I., Medkov V.M. *Sotsiologiya semyi* [Sociology of Family]. Moscow; 1996. (In Russ.).
3. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Sozhitelstva v Rossii: promezhutochnoe zveno ili legitimny institut [Cohabitation in Russia: An intermediate link or a legitimate institution]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016; 1. (In Russ.).
4. Arkhangelsky V.N., Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. Vliyanie urovnya zhizni na reproduktivnoe povedenie rossiyan: genderny aspekt [Influence of the standard of living on the Russian's reproductive behavior: A gender aspect]. *Woman in Russian Society*. 2021; 5. (In Russ.).

*© T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva, O.A. Zolotareva, 2023

The article was submitted on 14.04.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

5. Bagirova A.P., Shubat O.M. Semya i roditelstvo skvoz prizmu mnenij studentok [Family and parenthood in the female students' perspective]. *Sociological Research*. 2017; 7 (In Russ.).
6. Volkov V.N. Postmodern i ego osnovnye kharakteristiki [Postmodern and its main characteristics] *Cultural Heritage of Russia*. 2014; 2. (In Russ.).
7. Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dinamika brachnyh ustanovok i planov studentov [Dynamics of the student marriage attitudes and plans]. *Sociological Research*. 2019; 7. (In Russ.).
8. Zakharov S.V. Perspektivy rozhdaiemosti v Rossii. Vtoroj demografichesky perekhod [Prospects for fertility in Russia. Second demographic transition]. *Otechestvennye Zapiski*. 2005; 3. (In Russ.).
9. Zemlyanova E.V., Chumarina V.Zh. Otkladyvanie detorozhdeniya rossijskimi zhenshchinami v sovremennyh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyah [Postponing of childbirth by Russian women in the contemporary social-economic conditions]. *Social Aspects of Public Health*. 2018; 6. (In Russ.).
10. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Gendernye stereotipy v sovremennoj semie: zhenshchiny i muzhchiny (na materialah sotsiologicheskogo issledovaniya) [Gender stereotypes in the contemporary family: Women and men (On the materials of the sociological study)]. *Woman in Russian Society*. 2019; 1. (In Russ.).
11. Klimantova G.I., Petrova E.A. Primernaya obrazovatelno-prosvetitel'skaya programma "Podgotovka molodezhi k semejnoy zhizni" [An exemplary educational program "Preparing the youth for family life]. *Mezhvedomstvennye tekhnologii vzaimodeystviya molodoy semyi, gosudarstva i obshchestva: regionalnyy opyt*. Moscow; 2019. (In Russ.).
12. Ondar L.M., Dospan-ool D.V. Predstavleniya tuvinskoj studencheskoj molodezhi o semie i brake [Representations of the Tuvan student youth about family and marriage]. *Scientific-Pedagogical Review*. 2017; 1. (In Russ.).
13. Radin E.P. *Dushevnoe nastroyenie sovremennoy uchashchey'sya molodezhi, po dannym Peterburgskoy obshchestvencheskoj ankety 1912 goda: Psikhologicheskaya i sotsiologicheskaya samoocenka. Razocharovannost* [Mental State of the Contemporary Student Youth according to the Saint Petersburg General Student Survey of 1912: Psychological and Sociological Self-Assessment. Disappointment]. Saint Petersburg; 1913. (In Russ.).
14. Rasskazova E.I., Leontiev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub`ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a challenge to the subjective well-being: Anxiety and Coping]. *Consultative Psychology and Psychotherapy*. 2020; 28 (2). (In Russ.).
15. Rostovskaya T.K. Sozdanie studencheskoj semyi: motivatsiya i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskikh semej (itogi vserossijskogo mezhvuzovskogo issledovaniya) [Starting a student family life: Motivation and life strategies of the members of young student families (results of the all-Russian interuniversity study)]. *Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*. 2015; 4. (In Russ.).
16. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Predstavleniya molodyh rossiyan o semejnoy zhizni: sotsiologicheskyy rakurs [Representations of the young Russians about family life: A sociological perspective]. *Issues of Management*. 2015; 3. (In Russ.).
17. Sinelnikov A.B. Supruzhestvo, ottsovstvo i materinstvo v rossijskom obshchestve [Marriage, fatherhood and motherhood in the Russian society]. *Russian Sociological Journal*. 2015; 21 (4). (In Russ.).
18. Syrkasheva A.G., Ilyina E.O., Dolgushina N.V. Besplodie u zhenshchin starshego reproduktivnogo vozrasta: prichiny, taktika vedeniya, perspektivy ispolzovaniya preimplantatsionnogo geneticheskogo skrininga (obzor literatury) [Infertility of women of the older reproductive age: Causes, management tactics, prospects for the use of epy preimplantation genetic screening (a literature review)]. *Gynecology*. 2016; 18 (3). (In Russ.).
19. Sysenko V.A. *Molodezh vstupaet v brak* [Youth Starts Family Life]. Moscow; 1986. (In Russ.).
20. Bergnehr D. Social influence and the timing of parenthood. *Interpersona*. 2009; 3.

21. Brown S.L., Manning W.D., Stykes J.B. Family structure and child well-being: Integrating family complexity. *Journal of Marriage and Family*. 2015; 77 (1).
22. Eriksson C., Larsson M., Skoog Svanberg A., Tydén T. Reflections on fertility and postponed parenthood — interviews with highly educated women and men without children in Sweden. *Uppsala Journal of Medical Sciences*. 2013; 118 (2).
23. Frejka T. Parity distribution and completed family size in Europe: Incipient decline of the two-child family model? *Demographic Research*. 2008; 19 (4).
24. Leridon, H. Can assisted reproduction technology compensate for the natural decline in fertility with age? A model assessment. *Human Reproduction*. 2004; 19 (7).
25. Lesthaeghe R. Second Demographic Transition. URL: http://dmo.econ.msu.ru/teaching/L2/TrDemo/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.pdf.
26. Michielin F., Mulder C.H. Geographical distances between adult children and their parents in the Netherlands. *Demographic Research*. 2007; 17 (22).
27. Mills M. *The Transformation of Partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the Age of Modernity*. Amsterdam; 2000.
28. Mustillo S., Li M., Wang W. Parent work-to-family conflict and child psychological well-being: Moderating role of grandparent coresidence. *Journal of Marriage and Family*. 2020; 83.
29. Öztürk S., Hazer O. Youth perspectives on intergenerational solidarity in families. *Turkish Journal of Family Medicine and Primary Care*. 2016; 10 (4).
30. Shelton N., Grundy E. Proximity of adult children to their parents in Great Britain. *International Journal of Population Geography*. 2000; 6 (3).
31. Sobotka T. Postponement of childbearing and low fertility in Europe. *Population*. 2004; 59 (5).
32. Waldenstrom U. Postponing parenthood to advanced age. *Uppsala Journal of Medical Sciences*. 2016; 121 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-61-73

Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности*

С.В. Егорышев

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
ул. Кирова, 15, Уфа, 450008, Россия
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Аннотация. Проблема эмоционального выгорания учителей и связанной с ним личностной и профессиональной деформации актуальна для педагогического сообщества во всем мире, и Россия не является исключением. По данным специальных исследований, в 2020 году 75 % опрошенных учителей в России имели выраженные симптомы выгорания, а 38 % находились в его острой фазе, когда выгорание ощутимо влияет на качество жизни и способность работать. Эмоциональное выгорание для любых профессий, но в большей мере для социально-ориентированных (помогающих), включая учителей, влечет негативные последствия и для «выгорающего» специалиста, и для коллектива, в котором он работает, и для обучающихся. В статье представлены результаты социологического исследования вопросов совершенствования профессионально-педагогической деятельности учителей Республики Башкортостан, проведенного в апреле–июне 2022 года в рамках подготовки материалов к парламентским слушаниям в Государственном Собрании — Курултае Республики Башкортостан (N = 4529). Респонденты пропорционально представляли четыре группы образовательных школ: Уфы, других городов региона, центров муниципальных образований и сел. Цель статьи — оценить масштабы и формы проявления эмоционального выгорания у учителей региона и охарактеризовать факторы-причины (личностные и организационно- профессиональные) его симптомов; рассмотреть негативные последствия выгорания во взаимосвязи с условиями работы; предложить меры минимизации и профилактики этих последствий. Проблема выгорания обусловлена не столько индивидуальными причинами, сколько свойственной системе общего образования практикой управления, оплатой труда, ненормированной и неконтролируемой рабочей нагрузкой и особенностями профессии, изначально содержащей риск выгорания. Автор полагает, что масштабы эмоционального выгорания учителей требуют исследовательского подхода, основанного на межпредметной методологии. Причем важно не только исследовать проблему, но и предложить обоснованные меры, позволяющие учителям выходить из состояния выгорания, но главное — улучшить организацию работы в школах: анализ бизнес-процессов в школе и их оптимизация, ограничение числа внеклассных и внешкольных мероприятий, повышение доступности медицинской и психологической помощи, проведение диагностики выгорания и оказание помощи по ее итогам.

Ключевые слова: учитель; педагогическая деятельность; эмоциональное выгорание; факторы-причины выгорания; проявления и последствия выгорания; меры профилактики

* © Егорышев С.В., 2023

Статья поступила 20.09.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

С явлением эмоционального выгорания как признаком профессионального выгорания и последующей профессиональной деформации человечество столкнулось давно, вероятно, с момента появления профессий, требующих высокого уровня эмпатии и эмоциональной вовлеченности, интенсивной коммуникативности и социальной направленности действий. Впоследствии эти профессии получили название «помогающих», «социально-ориентированных» и «коммуникативных».

Мы солидарны с мнением исследователей, которые различают «эмоциональное выгорание» и «профессиональное выгорание»: первое понятие шире — эмоциональное выгорание может стать следствием переживаний, не связанных с профессией, например, в ситуации стресса на почве межличностных отношений в семье, в кругу друзей, в сложной, порой трагичной жизненной ситуации. Поэтому в статье эмоциональное выгорание рассматривается только в контексте профессиональной деятельности учителей общеобразовательных школ как социально-профессиональной группы.

Вполне естественно явление эмоционального выгорания в профессиональной деятельности обращало на себя внимание преимущественно медицинских работников, психиатров, оценивающих его как проявление опасного профессионального заболевания («синдром выгорания в профессиональной деятельности»), ведущего к деформации личности [3; 17], а также психологов, рассматривающих эмоциональное выгорание в качестве психологического отклонения от нормы [8; 11]. Считалось, что подобное выгорание — действие механизма психологической защиты, активизирующегося в случае выраженного угрожающего влияния на психическое и/или физическое здоровье в профессиональной деятельности [10; 24].

Понятие «эмоциональное выгорание» было введено в научный оборот в 1974 году американским психологом Г. Фрейденбергом в книге «Выгорание. Высокая цена высоких достижений» как обозначение «состояния физического или психического истощения, вызванного профессиональной жизнью» [19]. В последующие годы интерес к проблеме эмоционального выгорания заметно вырос и проявился в отношении не только профессиональных групп, занимающихся социально-ориентированными видами деятельности, но и других профессий. В результате эмпирическим путем было установлено, что синдром эмоционального выгорания проявляется во всех социально-профессиональных группах, но в разных масштабах и интенсивностью [2; 10; 12; 15].

Так, по данным всероссийского исследования программы «Я Учитель» «Профессиональное выгорание школьных учителей», проведенного осенью 2020 года (N = 100000, из них 38000 прошли опрос и тест), у 75 % опрошенных учителей присутствовали симптомы выгорания, а у 38 % они проявлялись в острой фазе. У представителей бизнес-структур показатель выгорания

был 50 %. Сопоставим со школьными педагогами этот показатель у врачей, психологов и руководителей коллективов [13. С. 2, 4].

Таким образом, эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности — это психологическое и эмоциональное истощение, которое проявляется в негативных переживаниях по отношению к деятельности, коллективу, сослуживцам, организации в целом, в которой трудится человек. Школьные учителя в силу специфики профессии входят в зону риска относительно синдрома выгорания, что обусловило исследовательский интерес к этому явлению [20–22; 26]. Значительная часть исследований легла в основу рекомендаций по диагностике, минимизации и профилактике эмоционального выгорания учителей [7; 14; 17].

Помимо врачей, психологов и педагогов явление эмоционального выгорания учителей и представителей других профессиональных групп составляет предмет интереса социологов, которые рассматривают его как проявление профессиональной деформации и социальное отклонение. В то же время изучение эмоционального выгорания возможно на основе междисциплинарной методологии, свидетельство чему выявление, оценка силы и систематизация факторов (причин) выгорания. Например, специалисты Института Гэллапа (США) по результатам исследования, проведенного в 2018 году, указали пять причин: необоснованный цейтнот, отсутствие общения и поддержки со стороны менеджера, нечеткость ролей, неконтролируемая рабочая нагрузка и несправедливое обращение [27]. В литературе эти факторы объединены в две группы: личностные (индивидуальные) и профессионально-организационные [1; 2; 5; 23; 25]. Соотношение и сила проявления факторов образуют разные модели синдрома эмоционального выгорания. Авторы «Методики определения уровня эмоционального выгорания у представителей ряда профессий, включая педагогов школ» К. Маслач и С. Джексон предложили трехкомпонентную модель синдрома выгорания: эмоциональное истощение (срывы, психологическая усталость); повышенная дистанцированность (деперсонализация) от работы и окружающих; ощущение профессиональной неэффективности, снижение профессиональной активности и отрицательная самооценка [7].

Ориентируясь в методологическом плане на имеющиеся подходы к изучению феномена эмоционального выгорания, в апреле–июне 2022 года в рамках подготовки к парламентским слушаниям в Государственном Собрании — Курултае Республики Башкортостан — команда исследователей под руководством автора статьи провела социологическое исследование вопросов совершенствования организации профессиональной педагогической деятельности учителей. Объем выборки, учитывающей 8 социально-демографических характеристик, составил 4529 респондентов — учителей, пропорционально представляющих школы Уфы, других городов республики, центров муниципальных образований и сел. Проведенное исследование и сопостав-

ление его результатов с данными других исследований по этой проблематике позволяет утверждать, что распространенность явления эмоционального выгорания среди учителей свидетельствует о системности, институционализации и социальной значимости проблемы, хотя уровень выгорания в регионе ниже среднего значения по стране.

По данным Министерства образования и науки Республики Башкортостан в 2021–2022 учебном году в регионе насчитывалось 1232 муниципальных образовательных учреждения и 505 их филиалов, в которых обучалось 496958 учащихся и работало 35502 педагогических работников, включая 31423 учителей (88 %), т.е. на одного учителя приходилось 16 учеников при среднем числе учеников в школе в 403 человека.

Начнем анализ результатов исследования с определения удовлетворенности/неудовлетворенности учителей различными аспектами своей работы (Табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворенность сторонами профессиональной деятельности (в %)

Сторона деятельности	Степень удовлетворенности		
	Удовлетворен (в основном и отчасти)	Не удовлетворен (в основном или отчасти)	Затрудняюсь ответить
Выбранной профессией	90,3	7	2,7
Имеющейся квалификацией	91,3	7,4	1,3
Содержанием педагогического труда	74,7	22,8	2,5
Режимом работы	79	19,7	1,4
Объемом нагрузки	71,9	26,5	1,6
Размером заработной платы	39,9	57,6	2,5
Материально-техническим оснащением учебного процесса	53,1	45,2	1,7
Отношениями с учащимися	94,5	4,8	0,6
Отношениями между учащимися	84,4	14,2	1,4
Отношениями с родителями	90,1	8,2	1,7
Отношениями с коллегами	94,7	4,2	1
Отношениями между коллегами	88,7	9,3	1,9
Отношениями с администрацией	91,3	7,1	1,6
Отношением администрации к коллективу	85,3	12,8	1,9
Количеством отчетности	37,4	57,7	4,9
Имеющимися цифровыми технологиями, образовательными платформами и качеством их работы	62,8	33,3	3,9

Учителя выразили наиболее высокую удовлетворенность отношениями с коллегами (95 %), своей квалификацией (91 %), избранной профессией (90 %), отношениями с родителями учеников (90 %) и с администрацией (91 %), т.е. учителя любят свою работу. Из оцениваемых сторон профессиональной деятельности обращает на себя внимание неудовлетворенность размером заработной платы (не удовлетворены 58 %), количеством отчетности (58 %) и имеющимися цифровыми технологиями и образовательными платформами (38 %). Каждый пятый выразил неудовлетворенность содержанием педагогического труда (23 %): в Уфе и других городах этот показатель несколько выше (соответственно, 27 % и 25 %), в сельской местности — ниже (19 % и 21 %). Эти оценки важны при выявлении и анализе причин эмоционального выгорания учителей.

49 % опрошенных учителей так или иначе сталкивались с ощущением эмоционального выгорания (Табл. 2), а 59 % наблюдали его у своих коллег (Табл. 3). В столице и городах, а также в центрах муниципальных образований примерно одинаковые доли учителей сталкивались с эмоциональным выгоранием (от 50 % до 53 %), в сельских школах таких учителей меньше — 45 %. Заметное число (каждый четвертый, на селе — почти треть) опрошенных затруднились с ответом, что, видимо, обусловлено как социально-демографическими характеристиками, так и непониманием подобного состояния. Вместе с тем 40 % опрошенных не наблюдали проявлений выгорания у коллег.

Таблица 2

Знакомство с ситуацией эмоционального выгорания на личном опыте (в %)

Вариант ответа	В целом	Уфа	Другие города	Центры МО	Села
Да	49	50,8	53	51,9	45,2
Нет	25,3	25,4	23,8	23,9	26,6
Затрудняюсь ответить	25,7	23,8	23,2	24,2	28,2

Согласно данным в Таблице 3, наиболее часто встречающееся следствие выгорания — формальное отношение к преподаванию, что чаще заметно у городских учителей. Проявляется эмоциональное выгорание и в отсутствии стремления к сообщению нового учебного материала и использованию инновационных методик, в нежелании вести внеклассную работу и равнодушии к успехам и неудачам учеников, в грубости по отношению к ним; ухудшается взаимодействие с учащимися, их родителями и с администрацией образовательных организаций. В варианте «другое» респонденты называли в основном психофизиологические последствия выгорания: апатию, усталость,

нарушение сна, депрессию, общее ухудшение здоровья. Организаторы упоминавшегося выше исследования отметили и такие проявления выгорания, как эмоциональную усталость, неудовлетворенность условиями труда, формальное отношение к работе, отстраненность от организации, обезличивание учащихся и обесценивание их успехов, повышение конфликтности в межличностных отношениях [13].

Таблица 3

Признаки эмоционального выгорания у коллег-учителей (в %)

Вариант ответа	В целом	Город	Другие города	Центры МО	Села
Формальное отношение к преподаванию	39,4	44,1	41,3	41,1	36,3
Отсутствие стремления к сообщению нового материала и инновационным методикам	23,8	30,5	24,3	24,8	22,3
Равнодушие к успехам и неудачам учеников	15,2	16	17,8	15,1	13,2
Грубость в отношении учеников	12,2	14,9	12,8	11,3	11,7
Бестактность по отношению к родителям	5	6,7	5,3	3,4	4,9
Нежелание вести с обучающимися внеклассную работу	16,5	20,3	17,2	15,5	15,7
Нежелание поддерживать рабочие отношения с обучающимися	6,3	5,7	6,8	6	6,1
Нет, не наблюдаю	39,7	31,8	36,7	42,1	42,5
Другое (укажите, что именно)	1,8	2,5	2,1	1,2	1,6

Факторами, инициирующими и сопровождающими эмоциональное выгорание учителей, являются особенности их профессиональной деятельности и индивидуальные (социально-демографические) характеристики (гендер, возраст и стаж работы). Ряд исследователей выявили гендерные различия в выгорании: например, женщины сталкиваются с эмоциональным выгоранием чаще мужчин в силу того, что стрессовая нагрузка у работающих женщин значительно выше, чем у мужчин [9. С. 78]. Можно было бы предположить, что учителя-женщины также чаще испытывают эмоциональное истощение, однако наше исследование не выявило гендерной специфики эмоционального выгорания: 50 % учителей-женщин и 44 % учителей-мужчин в процессе профессиональной деятельности сталкивались с эмоциональным выгоранием. Что касается возраста, то выгорание проявляется у учителей с 35–40 лет (53 %) и до 55–60 лет (48 %). В остальных возрастных диапазонах выгорание наблюдается реже: до 35 лет — 45 %, старше 60 лет — 25 %. Таким образом, во взаимосвязи с возрастом учителей проявления эмоционального выгорания

напоминают волну, достигающую пика к 35–40 годам и в дальнейшем спадающую. С возрастом у учителей вырабатывается «иммунитет» к данному синдрому или учатся его преодолевать, а, может быть, привыкают к нему, что подтверждается соотношением выгорания со стажем педагогической деятельности: больше половины респондентов (55 %) со стажем от 15 до 20 лет ощущали признаки эмоционального выгорания, а среди имеющих еще больший стаж таковых около 50 %.

Анализ зависимости проявлений эмоционального выгорания от рассмотренных социально-демографических характеристик нельзя считать исчерпывающим, так как он основан на самооценках учителей, а не на выводах психологов, врачей и других специалистов. Однако этот анализ дает определенное представление о проблеме эмоционального выгорания, которое подтверждается другими исследованиями, в частности, данные опроса «Я Учитель» также свидетельствуют об отсутствии выраженной зависимости эмоционального выгорания от возраста, педагогического стажа и других индивидуальных характеристик учителей [13].

Влияние профессионально-организационных факторов на проявления и развитие эмоционального выгорания учителей более заметна, и ведущим фактором выступает учебная и внеучебная нагрузка. Большинство учителей в муниципальных школах в силу низкого уровня оплаты труда и недостатка педагогов вынужденно выбирают в качестве источника дополнительного дохода повышенную нагрузку. Так, 58 % учителей недовольны уровнем заработной платы (удовлетворены лишь 34 %), и среди путей повышения дохода выбирают увеличение нагрузки (больше ставки — 32 %); репетиторство по совместительству (24 %), и в городах оно популярнее (31 %); участие в конкурсах и грантах (21 %); повышение квалификации (19 %); наработку стажа (17 %). Вместе с тем 16 % опрошенных таких перспектив не видят, а 19 % (каждый пятый) планирует перейти в другую сферу деятельности. В системе школьного образования организация и оплата труда способствуют повышению нагрузки учителей прямо (большое число дополнительных работ) или косвенно (низкие зарплаты). Согласно исследованию сотрудников ВШЭ, наиболее перегружены учителя со стажем работы от 5 до 20 лет, которые занимаются репетиторством (от 10 до 20 часов в неделю), а структура педагогической деятельности такова: на первом месте в зависимости от преподаваемой дисциплины стоит очная форма обучения — от 90 % до 99 %, далее идет проверка работ учащихся (от 45 % до 86 %), отчетность и работа с текущей документацией (от 70 % до 90 %), работа с родителями (от 42 % до 80 %), индивидуальная работа с учащимися (от 49 % до 78 %), внеклассные мероприятия (экскурсии, олимпиады) — от 55 % до 73 % [19. С. 16].

Для российских школ характерно использование школьных учителей в качестве ресурса для решения ряда задач, стоящих перед муниципальными администрациями, а также существенная бюрократическая нагрузка

по сопровождению учебного и воспитательного процесса. В итоге помимо преподавания у учителей появилось много дел, отнимающих время и силы и не приносящих удовлетворения. Одно из таких занятий — большое количество отчетности: ее рост отметило 64 % опрошенных; более половины российских учителей загружены 13 видами отчетности из 22 указанных в исследовании ВШЭ [19. С. 21]. Результаты нашего опроса показали, что количеством отчетности удовлетворены 37 % респондентов, не удовлетворены — 58 %. В итоге средняя нагрузка учителей колоссальна: трудоемкость их работы составляет 74,4 часа, т.е. около 10 часов ежедневно, включая субботу и воскресенье. Около четверти этого времени занимает проведение уроков (18,5 часов в неделю в среднем по республике), подготовка к урокам занимает 9,7 часа, далее идут классное руководство (4,7) и проверка письменных работ (4,6), воспитательная работа (3,9), отчетность и методическая работа (по 3,6), подготовка к проверкам и ответы на запросы (2,8).

Парадоксальность ситуации проявляется в том, что большая рабочая нагрузка выступает одним из основных факторов эмоционального выгорания, но в силу невысокой оплаты труда педагоги стремятся к увеличению нагрузки с целью повышения дохода, что усугубляет ситуацию. Способствует этому и фактор административных требований: большинство опрошенных педагогов (от 71 % до 76 %) отмечают повышение за последние два года требований со стороны администрации школ и органов управления образованием (Табл. 4), что, по оценкам учителей, отразилось скорее отрицательно на их работе. Учителя стали еще более загруженными, возросла отчетность (64 %) — в уфимских школах меньше (58 %), в сельских школах — больше (66 %–67 %), и в результате растет усталость и раздражение (47 %).

Таблица 4

**Оценка требований администрации
и органов управления образованием (в %)**

Вариант ответа	В целом	Уфа	Другие города	Центры МО	Деревня, село
Требования повысились	71	70,5	71,5	75,4	76
Требования не изменились	13,2	15,9	15,5	13,3	11,4
Требования сократились	0,8	1,5	0,8	0,8	0,6
Затрудняюсь ответить	12	12,1	12,2	10,5	12

Эмоциональное выгорание может привести и к профессиональной деформации, хотя это случается далеко не всегда. В отличие от представителей тех профессий, в которых профессиональное выгорание профилактруется и преодолевается централизованно, учителя преимущественно сами используют подходящие им способы — 42 % (Табл. 5). Следует обратить внимание на то, что для учителей смена места работы и профессии не стали средством

выхода из состояния выгорания, как и поддержка администрации и коллег. С отсутствием специальной структуры, помогающей учителям справляться с профессиональным выгоранием, связано, на наш взгляд, то, что треть учителей продолжают находиться в этом состоянии (30 %).

Таблица 5

Варианты выхода из ситуации эмоционального выгорания (в %)

Вариант ответа	В целом	Уфа	Другие города	Центры МО	Села
Никак не вышел (вышла), нахожусь в этой ситуации и сейчас	29,7	28,1	29	27,1	31,4
Поменял(а) место работы	5,1	3,8	6	5,8	4,4
Поменял(а) профессию	1,5	2,5	1,2	1,9	1,4
Обратился (ась) к психологу, неврологу	2,8	5	3,4	3,5	1,9
Восстанавливался(-ась) самостоятельно	42	42,5	39,8	45	42,9
Помогли родственники, семья	13,6	11,9	15,5	12,8	12,6
Помогли коллеги и администрация	3,7	4,4	3,1	2,7	4,2
Другое (укажите, что именно)	1,6	1,8	2	1,2	1,2

Скорее всего это говорит о неприятии, отрицании профессиональным сообществом существующей и признанной во всем мире проблемы профессионального и эмоционального выгорания, о незнании методов диагностики, преодоления и профилактики этого состояния. Вопрос профилактики, преодоления или, по крайней мере, смягчения проявлений эмоционального выгорания учителей требует отдельного рассмотрения, поэтому ограничимся обозначением основных направлений его решения. Во-первых, следует продолжать целенаправленную работу по улучшению условий, организации и содержания педагогического труда, его материально-технической оснащенности, по повышению творческой направленности и оплаты труда, прежде всего за внеаудиторные и дополнительные виды нагрузки. Следует сократить объем отчетности и мероприятий, не связанных с учебно-воспитательной деятельностью, а также снизить административное давление на учителей, привлекая их к управлению делами школы.

Во-вторых, необходимо расширять возможности оказания учителям психологической помощи в условиях образовательного учреждения и в специальных центрах психологической поддержки, что особенно актуально для сельских школ. Позитивную роль могут сыграть комнаты отдыха для учителей, поскольку преподавательские и тем более учебные кабинеты не являются личным пространством учителей.

В-третьих, практически все специалисты, занимающиеся проблемой эмоционального и профессионального выгорания, отмечают необходимость расширения возможностей для неформального общения учителей в рамках школы — друг с другом, с обучающимися и их родителями. Также следует обеспечивать больше возможностей для профессионального роста педагогов, что особенно значимо для небольших поселковых и сельских школ, относя к профессиональному развитию и формированию навыков противодействия эмоциональному выгоранию.

И, наконец, учитывая широкое распространение в учительской среде проявлений эмоционального выгорания, важно постоянно и на межпредметном уровне, исследовать эти проявления, разрабатывать меры их профилактики.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» на 2023 год.

Библиографический список

1. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.
2. *Бойко В.В.* Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб., 1999.
3. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008.
4. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
5. *Гроза И.В.* Влияние возраста и стажа педагога на эмоциональное выгорание // *Современные наукоемкие технологии.* 2009. № 10.
6. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб., 2002.
7. *Курганова И.Ю.* Эмоциональное выгорание в деятельности педагога // *Образование. Карьера. Общество.* 2013. № 3.
8. *Мильруд Р.П.* Формирование эмоциональной регуляции поведения учителя // *Вопросы психологии.* 1987. № 6.
9. *Нубер У.* Кто я без тебя? Почему женщины чаще страдают депрессией и как находят себя. М., 2021.
10. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // *Журнал практической психологии и психоанализа.* 2001. № 1.
11. *Орел В.Е.* Синдром психического выгорания личности. Ярославль, 2005.
12. *Проничева М.М., Булыгина В.Г., Московская М.С.* Современные исследования синдрома эмоционального выгорания у специалистов профессий социальной сферы // *Социальная и клиническая психиатрия.* 2018. Т. 28. № 4.
13. Профессиональное выгорание школьных учителей: Результаты всероссийского исследования программы «Я Учитель». 2020 // URL: https://yandex.ru/company/services_news/2020/22-12-2020.
14. Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения / Автор-сост. О.И. Бабич. Волгоград, 2009.
15. *Ранчинская Т.И.* Синдром выгорания в социальных профессиях // *Психологический журнал.* 2002. № 3.
16. *Скрипниченко П.* «Класс стоит на ушах, а он ведет урок»: уральский педагог — о том, как распознать выгорание у учителей. 2021 // URL: <https://www.el.ru/text/job/2021/11/07/70233383>.

17. Федоренко Л.Г. Психологическое здоровье в условиях школы: Психопрофилактика эмоционального напряжения. СПб., 2003.
18. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального выгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6.
19. Фрейденбергер Г. Выгорание: высокая цена высоких достижений. М., 1980.
20. Школьные учителя в изменяющихся условиях: адаптивность и готовность к инновациям: Информационный бюллетень / С.И. Заир-Бек, К.М. Ангинов. М., 2022.
21. Эффективный учитель / Автор-сост. О.М. Ольшевская. Минск, 2010.
22. Янковская Н. Эмоциональное выгорание учителя // Народное образование. 2009. № 2.
23. Addressing Teacher Burnout: Causes, Symptoms and Strategies // URL: <https://soeonline.american.edu/blog/teacher-burnout>.
24. Arvidsson I., Larsson A. et al. Burnout among schoolteachers: Quantitative and qualitative results from a follow-up study in southern Sweden // BMC Public Health. 2019. Vol. 19.
25. Tapp F. Teacher burnout: Causes, symptoms and prevention // URL: <https://www.wgu.edu/heyteach/article/teacher-burnout-causes-symptoms-and-prevention1711.html>.
26. Salmera-Aro K., Hietajärvi L., Lonka K. Work burnout and engagement profiles among teachers // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10.
27. Scott E. Burnout symptoms and treatment. 2022 // URL: <https://www.verywellmind.com/stress-and-burnout-symptoms-and-causes-3144516>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-61-73

Emotional burnout of teachers as a factor of their professional inefficiency*

S.V. Egoryshev

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan,
Kirova St., 15, Ufa, 450008, Russia
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Abstract. The problem of schoolteachers' emotional burnout and of the personal and professional deformation associated with it is relevant for the pedagogical community all over the world, and Russia is no exception. According to special studies, in 2020, 75 % of schoolteachers in Russia had clear symptoms of burnout, and 38 % were in its acute phase — when burnout significantly affects the quality of life and the ability to work. For any profession, but to a greater extent for the socially oriented (helping) one including schoolteachers, emotional burnout has negative consequences for the 'burnt out' specialist, for his colleagues and for his students. The article presents the results of the sociological study of the issues of improving the professional-pedagogical activities of teachers in the Republic of Bashkortostan, which was conducted in April–June 2022 as part of the data for the parliamentary hearings in the State Assembly — Kurultai of the Republic of Bashkortostan (N = 4529). Respondents proportionally represented four groups of schools: Ufa, other cities of the region, centers of municipalities, and villages. The article aims at assessing the scale and forms of emotional burnout among schoolteachers in the region and at identifying the factors-causes (personal and organizational-professional) of its symptoms, negative

*© S.V. Egoryshev, 2023

The article was submitted on 20.09.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

consequences of burnout in relation to working conditions, and measures to minimize and prevent such consequences. The problem of burnout is determined not so much by individual causes as by management practices inherent in the education system, wages, irregular and uncontrolled workload, and the features of the profession which implies the risk of burnout. The author believes that the scale of emotional burnout of schoolteachers requires a research approach based on the interdisciplinary methodology. Moreover, it is important not only to study the problem but also to propose reasonable measures to help schoolteachers to get out of the burnout condition, and, most importantly, to improve the organization of work in schools: analysis of business processes in school and their optimization, limiting the number of extracurricular activities, increasing the availability of medical and psychological assistance, diagnostics of burnout and providing assistance based on its results.

Key words: teacher; pedagogical activity; emotional burnout; factors-causes of burnout; manifestations and consequences of burnout; preventive measures

Funding

The article was prepared as a part of the state task of the GANU “Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan” for 2023.

References

1. Boyko V.V. *Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugih* [The Energy of Emotions in Communication: A Look at Oneself and Others]. Moscow; 1996. (In Russ.).
2. Boyko V.V. *Sindrom emotsionalnogo vygoraniya v professionalnom obshchenii* [Syndrome of Emotional Burnout in Professional Communication]. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
3. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout Syndrome: Diagnostics and Prevention]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
4. Vodopyanova N.E. *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnosics of Stress]. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
5. Groza I.V. Vliyaniye vozrasta i stazha pedagoga na emotsionalnoye vygoraniye [The influence of the teacher’s age and work experience on emotional burnout]. *Sovremennye Naukoemkie Tekhnologii*. 2009; 10. (In Russ.).
6. Ilyin E.P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
7. Kurganova I.Yu. Emotsionalnoye vygoraniye v deyatelnosti pedagoga [Emotional burnout in the activities of the schoolteacher]. *Obrazovanie. Kariera. Obshchestvo*. 2013; 3. (In Russ.).
8. Milrud R.P. Formirovaniye emotsionalnoy regulyatsii povedeniya uchitelya [Formation of the emotional regulation in the teacher’s behavior]. *Voprosy Psikhologii*. 1987; 6. (In Russ.).
9. Nuber U. *Kto ya bez tebya? Pochemu zhenshchiny chashche stradayut depressiyey i kak nakhodyat sebya* [Who am I Without You? Why Women are More Likely to Suffer from Depression and How They Find Themselves]. Moscow; 2021. (In Russ.).
10. Orel V.E. Fenomen “vygoraniya” v zarubezhnoy psikhologii: empiricheskie issledovaniya [The phenomenon of ‘burnout’ in foreign psychology: Empirical research]. *Zhurnal Prakticheskoy Psikhologii i Psichoanaliza*. 2001; 1. (In Russ.).
11. Orel V.E. *Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti* [Syndrome of the Personality’s Mental Burnout]. Yaroslavl; 2005. (In Russ.).
12. Pronicheva M.M., Bulygina V.G., Moskovskaya M.S. Sovremennyye issledovaniya sindroma emotsionalnogo vygoraniya u spetsialistov professiy sotsialnoy sfery [Contemporary studies of the emotional burnout syndrome among specialists of social professions]. *Sotsialnaya i Klinicheskaya Psikhiatriya*. 2018; 28 (4). (In Russ.).
13. Professionalnoye vygoraniye shkolnykh uchiteley: Rezultaty vserossiyskogo issledovaniya programmy “Ya Uchitel” [Professional burnout of schoolteachers: Results of the All-Russian study within the program “I am a Teacher”]. 2020. URL: https://yandex.ru/company/services_news/2020/22-12-2020. (In Russ.).

14. Profilaktika sindroma professionalnogo vygoraniya pedagogov: diagnostika, treningi, uprazhneniya [Prevention of the teachers' syndrome of professional burnout: Diagnostics, trainings, exercises]. Comp. by O.I. Babich. Volgograd; 2009. (In Russ.).
15. Ranchinskaya T.I. Sindrom vygoraniya v sotsialnyh professiyah [Burnout syndrome in social professions]. *Psikhologicheskyy Zhurnal*. 2002; 3. (In Russ.).
16. Skripnichenko P. “Klass stoit na ushah, a on vedet urok”: uralsky pedagog — o tom, kak raspoznat vygoranie u uchiteley [“The class goes nuts, and he is teaching a lesson”: The Ural teacher's narrative on how to recognize schoolteacher's burnout]. 2021. URL: <https://www.e1.ru/text/job/2021/11/07/70233383>. (In Russ.).
17. Fedorenko L.G. *Psikhologicheskoe zdorovie v usloviyah shkoly: Psikhoprofilaktika emotsionalnogo napryazheniya* [Psychological Health in School: Psychological Prevention of Emotional Stress]. Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
18. Formanyuk T.V. Sindrom “emotsionalnogo vygoraniya” kak pokazatel professionalnoy dezadaptatsii uchitelya [Syndrome of ‘emotional burnout’ as an indicator of the schoolteacher's professional deadadaptation]. *Voprosy Psikhologii*. 1994; 6. (In Russ.).
19. Freudenberger H. *Vygoranie: vysokaya tsena vysokih dostizheniy* [Burnout: The High Price of High Achievement]. Moscow; 1980. (In Russ.).
20. Shkolnye uchitelya v izmenyayushchikhsya usloviyah: adaptivnost i gotovnost k innovatsiyam: Informatsionny byulleten [Schoolteachers in Changing Conditions: Adaptability and Readiness to Innovations: Newsletter]. S.I. Zair-Bek, K.M. Angikov. Moscow; 2022. (In Russ.).
21. *Effektivny uchitel* [Effective Schoolteacher]. Comp. by O.M. Olshevskaya. Minsk; 2010. (In Russ.).
22. Yankovskaya N. Emotsionalnoe vygoranie uchitelya [Emotional burnout of the schoolteacher]. *Narodnoe Obrazovanie*. 2009; 2. (In Russ.).
23. Addressing Teacher Burnout: Cases, Symptoms and Strategies. URL: <https://soeonline.american.edu/blog/teacher-burnout>.
24. Arvidsson I., Larsson A. et al. Burnout among schoolteachers: Quantitative and qualitative results from a follow-up study in southern Sweden. *BMC Public Health*. 2019; 19.
25. Tapp F. Teacher burnout: Causes, symptoms and prevention. URL: <https://www.wgu.edu/heyteach/article/teacher-burnout-causes-symptoms-and-prevention1711.html>.
26. Salmera-Aro K., Hietajärvi L., Lonka K. Work burnout and engagement profiles among teachers. *Frontiers in Psychology*. 2019; 10.
27. Scott E. Burnout symptoms and treatment. 2022. URL: <https://www.verywellmind.com/stress-and-burnout-symptoms-and-causes-3144516>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88

Восприятие новых религиозных движений религиозными организациями Республики Беларусь*

В.А. Мартинович

Минская духовная академия,
ул. Зыбицкая, 27, Минск, 220030, Беларусь
(e-mail: nrmsect@yandex.ru)

Аннотация. В социологии религии редко встречаются работы, посвященные количественному анализу реакций основных социальных институтов на феномен религиозности. Социальные представления и иллюзии относительно нетрадиционной религиозности формируются в границах множества несвязанных и несоординированных реакций представителей каждого института. Логика выбора объекта реакций среди действующих религиозных организаций отражает как специфику социального института, так и внешние влияния, социальный контекст. Статья посвящена выявлению институциональной специфики реакций традиционных религий на нетрадиционную религиозность на основании анализа восприятия новых религиозных движений православной и католической церквями Республики Беларусь в период с 1992 по 2020 годы. Методом контент-анализа было проанализировано 715 книг, статей в СМИ, листовок, материалов конференций и других изданий церквей, посвященных новым религиям. Выявлен факт идентификации 407 групп, конфигурация которых отражает избирательность внимания традиционных конфессий к новым религиям; установлено их количество в Беларуси, распределение по структурным и содержательным характеристикам, рекурсивность и частотность упоминаний, статус авторов материалов в иерархии церквей, влияние перепечатаваемых в белорусских изданиях зарубежных статей. Установлено, что институциональная специфика восприятия религиозными организациями новых религий состоит в критике с позиций собственного вероучения, а особенности прошлого и современной жизни христианских церквей заставляют их в первую очередь реагировать на внутрицерковное сектанство, христианские и псевдохристианские группы, затем на неоязычество, центры магии, гаданий и целительства, сатанизм и оккультно-мистические веяния. Выявлены внешние и внутренние факторы, определяющие восприятие церквями религиозных организаций в нехарактерной для них форме. Зафиксирован диапазон вариативности противосектантского дискурса православной и католической церквей.

Ключевые слова: идентификация; новое религиозное движение; нетрадиционная религиозность; противосектантский дискурс; секта; православная церковь; католическая церковь

Место и роль социальных институтов в формировании представлений и иллюзий относительно новых религиозных движений (далее — НРД) — малоисследованная тема в социологии религии. Специфика реакций института на феномен нетрадиционной религиозности отражается в конфигурациях

*© Мартинович В.А., 2023

Статья поступила 30.10.2022 г. Статья принята к публикации 25.12.2022 г.

идентифицированных в качестве НРД организаций, различиях категориально-понятийного аппарата, динамике, частотности и рекурсивности упоминаний НРД.

Как правило, изучение этой проблематики в работах отечественных и зарубежных авторов сводится к качественному анализу реакций на НРД со стороны органов государственного управления, печатных СМИ, общественных организаций и общественного мнения; отдельно исследовались история, мотивации, теоретические обоснования, методы работы и особенности аргументации представителей разных социальных институтов. При этом их число никогда не было репрезентативно, а роль личности преувеличивалась в ущерб институциональным характеристикам. Опросы населения не претендовали на выявление институциональной специфики отношения к НРД и не могли бы справиться с этой задачей.

Место и роль религиозных организаций в системе реакций современного общества на НРД также относится к числу практически неизученных тем. Глубокие исторические исследования [9; 13; 14] не затрагивают релевантное для настоящего исследования измерение вопроса. Анализ отношения конфессий к религиозному инакомыслию в социологии сводится к качественному исследованию истории, теоретического обоснования и методологии работы отдельных представителей разных конфессий [8; 11; 12], анализу межконфессиональных отношений [7], выявлению мнений верующих по поводу иных религиозных групп [6] и оценке общего контекста взаимодействия религиозных организаций [1; 2]. Статья посвящена анализу институциональной специфики реакций религиозных организаций на НРД на основе восприятия НРД православной и католической церквями Республики Беларусь. Ранее с опорой на ту же методологию исследовался профессиональный антисектантский дискурс общественных организаций [3] и печатных СМИ Республики Беларусь [5].

Противосектантский дискурс и восприятие НРД

Восприятие религиозных организаций — постоянный процесс, предполагающий установление совпадения характеристик группы с одним из типов религиозных организаций. Внимание социальных институтов избирательно — они «замечают» не все действующие в стране религиозные организации, но определенную их конфигурацию, отвечающую их институциональным интересам, запросам, специфике решения собственных задач. Институты реагируют не на религиозную ситуацию в целом, а на отдельные ее составляющие, воспринимаемые в качестве наиболее актуальных и важных. Можно выделить четыре основных типа восприятия (своего рода социальной идентификации) НРД: (1) прямая — через профильную спецтерминологию (например, «Аум Синрике является сектой»); (2) контекстуальная — через общее содержание текста или его размещение, но без специальной терминологии

(например, в «Энциклопедии сект» одна статья посвящена критике «Аум Синрике», группа противопоставляется традиционным религиям, но прямо не называется сектой); (3) полемическая — через определение третьей стороны (например, «Японское правительство относит “Аум Синрике” к числу сект»); (4) индексная — через описание группы с помощью спецтерминологии, но без указания ее названия (описание учения, практики и деятельности группы рассчитано на ее узнавание читателями благодаря индексным выражениям, например, «Секта Секо Асахары»).

Характеристика НРД выступает показателем чувствительности институтов общества к религиозному многообразию, делает религиозные организации широко узнаваемыми, влияет на представления о конфессиональном пространстве и реакции на него. В религиозных организациях идентификация НРД встроена в «противосектантский дискурс», институциональная специфика которого состоит в критике учения и ритуалов НРД: полемика ведется не столько с организациями, сколько с идеями. Позиция своей организации по разбираемому вопросу важнее, чем анализ взглядов оппонента и собственное мнение автора материала, который ретранслирует, а порой и реконструирует позиции своей конфессии. История, методы работы, имена руководителей и даже названия НРД принципиального значения не имеют.

Особенности истории, учения и культовой практики предопределяют содержательные различия институциональных реакций религий на НРД. При сохранении акцента на критике наблюдаются межконфессиональные и межрелигиозные отличия: первые менее существенны, но для социологического анализа важны не различия в богословской аргументации против НРД православных и католиков (или христиан, иудеев и мусульман), но их влияние на выбор объекта критики. Важно не то, как критикуют НРД, а какие НРД становятся объектом публичной критики, хотя эти вопросы взаимосвязаны.

Масштабы и динамика отношения к НРД во многом зависят от внимания, уделяемого религиозными организациями альтернативным религиозным сообществам. Во всех типах религиозных организаций неизменно протекают процессы, приводящие к выделению сект. Одни процессы религиозная группа может взять под контроль, на другие лишь повлиять, уменьшив количество разделений. В качестве вызова ее интересам воспринимается и совокупность религиозных организаций, действующих в той же местности и предоставляющих возможность альтернативного религиозного выбора. Организация может активно реагировать на внутренние и внешние вызовы либо их игнорировать. В процессе ее развития меняется объем и интенсивность реакций на нетрадиционную религиозность, а их значение и роль в жизни группы зависят от целого ряда факторов.

Во-первых, важное значение имеет «парадигма истинности» группы (1). Организации с индивидуалистической парадигмой исходят из представления об истинности только своего вероучения (например, Православная церковь,

Свидетели Иеговы¹ и др.). Организации с плюралистической парадигмой допускают возможность проявления истины в разных религиозных организациях (индуизм, унитарии-универсалисты и др.). Как церкви, так и НРД с индивидуалистической парадигмой истинности, чаще выступают с критикой иных религиозных организаций, чем организации с плюралистической парадигмой. Соответственно христиане, мусульмане и иудеи уделяют на порядок больше внимания НРД по сравнению с последователями индуизма или буддизма, а христианство лидирует по объему внимания к нетрадиционной религиозности.

Во-вторых, важна стадия развития организации: после появления группа сталкивается с внутренними вызовами со стороны конкурирующих версий своего вероучения и организации и с внешними вызовами со стороны иных религиозных организаций. Большинство подобных испытаний на прочность обладает потенциалом полного разрушения организации, ее ослабления и радикального изменения. Успешное противостояние вызовам на ранней стадии — условие выживания группы, фактор ее укрепления и роста. На более поздних стадиях, когда группа имеет значительные размеры и достаточно стабильно функционирует, она может пренебречь большинством внешних вызовов и медленно реагирует на внутренние — они все еще могут нанести организации урон локального масштаба, но он не будет иметь критического значения. Реакция на вызовы претерпевает два важных изменения: осмысление НРД смещается из центра богословской мысли на ее периферию (выразителем реакций на НРД все чаще становятся миряне); реакция на НРД перестает быть необходимостью и становится вопросом свободного выбора, как правило, на локальном уровне (например, для православной и католической церкви в XX–XXI веке критика НРД не имеет решающего значения).

В-третьих, реакции на НРД обусловлены статусом, масштабом распространения, материальным обеспечением и силой влияния конфессии в стране. Общая тенденция такова, что в странах со слабыми позициями религиозной организации конфессиональное сектоведение становится частной инициативой отдельных священников. При сильных позициях группы поддержка сектоведения — вопрос локального решения конфессии, но по сравнению с иными направлениями оно поддерживается по остаточному принципу (например, в Италии, Германии и Польше сильны позиции католической церкви, но католическое сектоведение в Германии развито намного сильнее).

Уходящая в глубь истории традиция борьбы с ересями и сектами задает общий фон, легитимирующий спонтанные противосектантские инициативы, в том числе от рядовых членов. Однако в религиозных организациях нет

¹ Группа включена в перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

общезначимых правил, обязывающих создавать на местах противосектантские организации и распространять критические материалы по НРД. Такие документы могут существовать на уровне отдельных стран, но их создание зависит от возможностей и желания на местах, и не существует инструкций по организации, формам и методам работы соответствующих структур. Задаются общие направления деятельности (например, сотрудничество со СМИ, работа с населением), в рамках которых возможен широкий диапазон действий. Конкретная конфигурация и объемы того, что будет делаться, зависит от исполнителя. Количество идентифицируемых НРД во всех случаях будет больше, чем если бы такого центра не существовало. При этом интересы сектоведов одной конфессии могут включать до нескольких сотен и даже тысяч наименований, и решающее значение имеет стремление к анализу всего конфессионального пространства и наличие инструмента (программного обеспечения), позволяющего с наименьшими затратами систематизировать большие объемы информации. Оба фактора сосуществуют крайне редко: большинство специалистов работают с несколькими сотнями групп и не стремятся к анализу всех действующих НРД.

Противосектантский дискурс и характеристика НРД — часть истории и современной жизни религиозных организаций: даже при полном отсутствии инициатив со стороны духовенства и мирян группа будет транслировать в общественном дискурсе критику альтернативной религиозности. Так, наиболее часто издаваемая в мире книга, Библия, содержит не менее 300 фрагментов, прямо затрагивающих проблематику нетрадиционной религиозности, в том числе идентифицирующих ереси и секты (2). При этом у религиозных организаций отсутствует императив к изучению всех без исключения НРД или к постоянному увеличению числа исследованных и раскритикованных групп (3). Рост внимания религиозной организации к теме НРД влияет на увеличение количества идентифицируемых групп лишь до определенной точки насыщения.

Исследование восприятия НРД

Религиозные организации фиксируют свое отношение к НРД в источниках разных типов. По уровню доступности их можно разделить на общедоступные — рассчитаны на широкий круг пользователей, в том числе не принадлежащих к конфессии — и внутренние — закрытые материалы, составляющие часть документооборота религиозной организации, но недоступные даже для рядовых членов и большинства священнослужителей. В открытых источниках идентифицируется меньшее количество НРД, но для настоящего исследования значение имеют только общедоступные источники.

Были проанализированы материалы двух самых крупных и влиятельных конфессий Республики Беларусь — православной и католической церквей. Генеральная совокупность изданных ими материалов по НРД неизвестна:

в церквях отсутствует централизованный контроль и учет материалов по нетрадиционной религиозности. Ни священнослужители, ни миряне не нуждаются в особом разрешении для размещения материалов по НРД в церковной и светской прессе, хотя могут согласовывать отдельные статьи и иметь особые полномочия в этой области. Общедоступных информационных площадок, на которых официальные представители церкви размещают материалы по НРД, достаточно много, особенно учитывая, что: а) ими используются платформы, не принадлежащие церквям (светские печатные СМИ, сборники конференций, материалы комиссий органов госуправления и др.); б) на светских площадках с опорой на богословскую аргументацию и без ведома руководства церквей могут писать рядовые члены.

Распределение материалов церквей по НРД в разных типах церковных и светских источников неравномерно. К церковным источникам прошлых лет сложнее получить доступ: они реже попадают в светские и даже церковные библиотеки, имеющие серьезные проблемы с комплектованием фондов. В означенном контексте методологически некорректно ограничивать число и тип анализируемых источников, а комплексный их анализ невозможен ввиду больших временных затрат. Поэтому отбор материалов осуществлялся методом доступной выборки: выборочная совокупность составила 715 источников, изданных в Республике Беларусь, полностью посвященных НРД в период с 1992 по 2020 годы — 649 статей из 14 церковных печатных СМИ (4); 26 статей и документов из церковных сборников работ, материалов конференций и семинаров; 15 монографий и брошюр, выпущенных в церковных издательствах; 7 противосектантских листовок; 18 статей в светских источниках всех типов. По конфессиональному признаку в выборку вошли 631 православный источник и 84 католических (80 статей, 1 постановление синода, 2 монографии, 1 листовка). 154 статьи были перепечатками материалов религиозных организаций из других стран: 139 из России, по 6 из Украины и Польши, по 1 из Австралии, Швейцарии и США. Данные материалы не исключались из выборки, так как факт их выбора и публикации в церковных изданиях Республики Беларусь предполагал согласие местных издателей с содержанием материала. Материалы белорусских авторов по НРД, опубликованные за рубежом, в выборку не включались, как и противосектантские материалы иных конфессий, малодоступные для широкой общественности.

Анализ материалов производился методом контент-анализа, разработанным Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д.Г. Ротмана. Выбор метода был обусловлен неприменимостью классического контент-анализа ввиду невозможности предварительного выделения единиц анализа (идентифицированных НРД). Уникальная конфигурация НРД, упоминаемых социальным институтом, выступала предметом исследования, была заранее неизвестна и не могла стать осно-

вой выборки. Главный вопрос исследования к текстам формулировался следующим образом: «Какие группы в тексте статьи идентифицируются в качестве НРД?». Кроме того, в бланке отмечались выходные данные материала и принадлежность автора к числу священнослужителей или мирян. Результаты анализировались в контексте предшествующих исследований структурных и содержательных характеристик нетрадиционной религиозности в Республике Беларусь.

Всего за период с 1992 по 2020 годы православная и католическая церкви Республики Беларусь определили в качестве НРД 379 религиозных организаций и 28 общностей последователей религиозных и мистических течений (5) — всего 407 НРД и общностей. Из числа НРД на территории Беларуси документально зафиксирована деятельность 201 организации, что составляет 17,2 % от общего числа НРД, деятельность которых в Республике Беларусь документально зафиксирована автором на 1 января 2023 года. 178 НРД действовали только за рубежом. НРД и общности идентифицировались 2351 раз в 593 источниках из 715. В 122 статьях НРД и общности не упоминались. Зависимость между количеством упоминаемых НРД и частотой обращения к теме НРД в разные годы отсутствует. Наибольшее количество материалов из вошедших в выборку было опубликовано в 2008 году (60), наименьшее — в 2018 (2). В целом с 2009 года отмечается резкое падение количества публикаций.

В среднем ежегодно идентифицировалось 27 НРД, действовавших на территории Республики Беларусь, и 48 НРД от общего количества упоминаемых организаций, с помощью 69 общих для разных социальных институтов терминов (6) и 41 термина, отражающего специфику категориально-понятийного аппарата христианских церквей (7). В заимствованных из других стран материалах упомянуто 102 НРД 450 раз: большинство повторяло названия НРД из местных материалов, 18 НРД (4,2 %) были новыми по сравнению с идентифицированными белорусскими авторами, но их содержательные и структурные характеристики значимых аномалий не содержали. В задачи исследования не входила проверка обоснованности отнесения организаций и общностей к числу НРД.

Институциональная специфика восприятия НРД

Институционально обусловленный акцент на критике учений может быть зафиксирован тремя дополняющими друг друга способами: выявлением количества идентифицированных общностей нетрадиционной религиозности; анализом частотности их упоминаний в выборке; контент-анализом материалов по организованным НРД, который направлен на сравнение объема текста, посвященного критике учения НРД, с описанием их истории, деятельности и конкретных ситуаций. Полученные результаты необходимо сравнить с данными для иных социальных институтов.

В исследовании была выявлена идентификация религиозными организациями 28 общностей, составляющих 6,8 % от общего числа объектов и упоминаемых 757 раз (32,3 %). Это очень высокие показатели для общностей, и данные по иным социальным институтам это подтвердили. Контент-анализ материалов по организованным НРД для выявления объемов текста с критикой не проводился, поскольку его необходимость стала очевидна лишь по завершении исследования идентификации НРД. Однако все 715 источников были внимательно прочитаны автором, что позволяет сделать вывод о преобладании в них богословской аргументации и наличии вкраплений дискурсов иных социальных институтов: органов госуправления (интервью с чиновниками), ученых (в церковной прессе об НРД высказалось не менее 11 кандидатов и 8 доктор наук), нерелигиозных СМИ (гостевые статьи профессиональных журналистов светской прессы).

Богословская критика церковью никогда не охватывала всю совокупность НРД, а была ориентирована на определенные сектора нетрадиционной религиозности. Далеко не все НРД замечались, не всегда замеченные НРД считались опасными, и определение значимых угроз могло меняться со временем. Определяющее влияние на выбор объекта критики и, тем самым на институциональную специфику реакций на НРД оказывали история и учение православной и католической церковью. Эта специфика может быть выявлена посредством определения типов НРД, которые воспринимались в качестве наиболее актуальных (опасных).

Первостепенное значение для церковью всегда имели НРД и общности, которые воспринимались в качестве одной из двух основных угроз: к первой относились учения и организации, предлагавшие альтернативные версии вероучения церковью — христианские ереси и секты сохраняли все основные догматы о Боге, но вносили изменения в иные пункты учения; псевдохристианские искажали учение о Боге (например, отрицали догмат о Троице), но сохраняли основную массу иных постулатов. Все они бытовали либо в форме внутрицерковного сектантства, либо вне церковью в виде НРД. В разные эпохи появлялись религиозные организации, которые церкви считали сектантскими (баптисты, пятидесятники и другие организации воспринимаются в качестве преемников древних христианских и псевдохристианских ересей и сект). В качестве второй основной угрозы воспринимались внешние и чуждые христианству НРД и общности, которые казались привлекательными значительному числу членов церковью: целительство, магия, гадания, язычество, астрология и спиритизм — один из главных объектов критики церковью на протяжении всей истории их существования. В Библии, документах Вселенских и Поместных соборов, трудах святых православной и католической церковью и других текстах они активно обсуждаются и осуждаются. Памятники религиозной мысли разных столетий сохраняют свою

актуальность и оказывают непосредственное влияние на формирование противосектантского дискурса сегодня.

Особое место в истории церкви занимала полемика с гностицизмом I–III веков, нашедшая отражение в Новом Завете и богословской мысли. Влияние этой полемики до сих пор прослеживается в распространенном в церковной среде представлении о преемственности ряда современных НРД с гностицизмом. Прежде всего речь идет о группе оккультно-мистических НРД, которые претендуют на преемственное или приобретенное право хранения, развития и распространения одной из эзотерических традиций мира, в первую очередь гностической, но также герметической, алхимической, каббалистической, розенкрейцеровской, теософской и др. Критика этих НРД не первостепенна для церквей сегодня, но в ней постоянно встречаются отсылки к текстам и аргументам двухтысячелетней давности, а сами группы критикуются как современные версии древнего врага. Поэтому группа оккультно-мистических НРД и общностей также рассматривалась в контексте институциональной специфики реакций на НРД. Сюда же были отнесены и группы сатанистов, но по иным основаниям: сатанизм организационно сформировался в начале XX века, и в церкви нет древней традиции противостояния ему, однако осквернения церквей и кладбищ сатанистами (например, осквернение Кафедрального собора в Минске), убийства священнослужителей и угрозы священникам заставили представителей церквей воспринимать сатанизм в качестве актуального вызова извне.

Таким образом, для оценки институциональной специфики реакций церквей на НРД в Республике Беларусь в конце XX — начале XXI века были рассмотрены 193 НРД и общности (47,4 % идентифицированных НРД). Этот результат опроверг предположение о доминирующем влиянии институциональной специфики на формирование конфигурации идентифицированных НРД, а упоминание 214 иных НРД потребовало объяснения. В группу НРД, не отражавших приоритетные направления критики церквей, но попавших в выборку, вошли НРД восточной ориентации, группы нового мышления, псевдонаучные, псевдопсихологические, синкретические, утопические, уфологические и политические НРД. Причина их появления в выборке — не публикации представителей разных социальных институтов в церковной прессе, а постоянные запросы людей в церкви. Так, в Белорусскую православную церковь ежегодно приходит не менее 300 запросов от населения и иных социальных институтов по разным НРД и общностям, в основном не от православных верующих и в отношении НРД, о существовании которых церковь без запросов извне не узнала (т.е. НРД не работают с православными и напрямую церкви не угрожают). Необходимость отвечать на запросы расширяет список НРД, на которые церкви обращают внимание, причем объем запросов многократно превышает инициативное внимание руководства церкви к НРД. В предшествующие столетия церкви побуждали государство и общество за-

ниматься проблематикой НРД, а противосектантский дискурс повсеместно присутствовал на нецерковных информационных площадках. В XIX веке традиционные религии теряют монополию на знания о НРД, и объемы генерируемой ими информации по нетрадиционной религиозности значительно уступают вырабатываемым иными социальными институтами. Потеря церковной монополии сопровождается утратой контроля над собственным противосектантским дискурсом: из акторов противосектантской деятельности, влияющих на других, церкви превратились в пассивных субъектов, часто воспринимающих и ретранслирующих информацию извне.

Критическая масса запросов может заставить религиозную организацию инициировать создание специализированных центров, занимающихся НРД, или назначить ответственных за тему специалистов. Они могут получать разную поддержку, которая, как правило, отражает степень озабоченности организации данной проблематикой. Решающее значение имеет тот факт, что обработка запросов становится более профессиональной, часто создается архив данных о НРД, собирается дополнительная информация, сравниваются разные случаи и запросы по НРД. Диспропорция внешних и внутренних запросов заставляет специалистов заниматься группами вне сферы традиционного внимания церквей и расширять диапазон публично идентифицируемых НРД.

Что касается авторства проанализированных источников, то в 272 из 715 отсутствовало указание на автора; в 181 авторами были 92 священнослужителя; оставшиеся 262 написаны 161 светским автором (церковные журналисты, работники церкви без священного сана и читатели, приславшие свои материалы). Этот результат подтверждает ранее упомянутую тенденцию увеличения доли мирян, которые выражают позицию религиозных организаций по НРД, но более независимы в своих суждениях, чем священнослужители. Рост доли мирян в числе авторов свидетельствует и о нарастающем влиянии на церкви иных социальных институтов, что приводит к размыванию институциональной специфики их реакций и расширению внимания к НРД за пределы институциональных интересов. В церковной среде появляются организации и частные лица, которые на кратковременной основе изучают тему НРД, высказывают свое мнение, пишут тексты. Большинство этих инициатив приводит к появлению допустимых с точки зрения церкви материалов, посвященных НРД, на которые церкви несколько столетий назад не обращали бы никакого внимания. В XXI веке за каждым таким материалом стоит запрос или проблема, расширяющая диапазон идентифицируемых НРД.

Из 253 авторов, писавших на тему НРД, только двое на момент написания материалов были официально уполномочены православной церковью, еще трое занимались НРД на постоянной основе, но по своей инициативе — их авторству принадлежат монографии и статьи, совокупный объем которых составил 6,7% от выборки. Таким образом, профессиональные сектоведческие тексты занимают незначительное место в противосектантском дискурсе

конфессий, а количество священников и мирян, не согласованно друг с другом обращающихся к теме НРД, в 50 раз превышает число церковных специалистов. В текстах неспециалистов предсказуемо упоминалось больше НРД, чем в среднем по материалам выборки, однако решающее значение имеет не «реестр» упоминаемых НРД, но частота повторения одних и тех же групп в разные годы или рекурсивность.

Рекурсивность идентификации НРД

Под рекурсивностью понимаются повторные упоминания НРД на протяжении двух и более лет (8), и ее динамика является основным параметром, фиксирующим устойчивость внимания религиозных организаций к разным НРД. Сравнительный анализ перечней НРД и общностей, упоминаемых религиозными организациями каждый год, позволяет разделить их на три основные группы:

«Ядро» — НРД, присутствующие в перечнях не менее 15 из 29 лет. Характеристики НРД и общностей, входящих в «ядро», несколько отличаются в иных социальных институтах, отражая особенности каждого из них. В совокупности эти НРД оказывают основополагающее влияние на доминирующие в общественном дискурсе представления о нетрадиционной религиозности в целом и НРД в частности. Выявление специфики конфигурации групп ядра для всех социальных институтов — одна из основных задач в изучении динамики общественных представлений о НРД. Из 407 объектов 22 вошли в «ядро» (12 НРД (10) и 10 общностей (10)) — упоминались 1213 раз (51,6%), при этом НРД критиковались реже, чем общности (547 раз). Непропорционально высокое присутствие общностей по сравнению с НРД отражает ориентацию религиозных организаций на критику идей и учений, а не групп. В группу лидеров по рекурсивности и частоте упоминаний вошли 15 НРД и общностей, отражающих институциональную специфику реакций церковью на нетрадиционную религиозность. Они упоминались в 471 материале (79% источников) с совокупным объемом в 76,9% идентификаций в «ядре». Нахождение остальных НРД и общностей в «ядре» имеет временный характер — объясняется внешними влияниями на противосектантский дискурс и яркими событиями в жизни НРД, привлекающими внимание всех социальных институтов (например, назначение конца света и т.п.).

«Полупериферия» — НРД, появляющиеся в перечнях на протяжении от 4 до 14 лет: 75 объектов (68 НРД и 7 общностей), которые упоминались 639 раз (27,2%); 43 НРД (56,9% упоминаний) отражают институциональную специфику реакций церковью — большинство представляют организованные версии НРД того же типа, что и неорганизованные общности «ядра». Например, в «ядро» вошла общность «внутрицерковное сектантство», а в полупериферию — НРД из среды внутрицерковного сектантства («группа Кузнецова», «группа Пляца», «царебожники»). Остальной массив из 32 НРД и общностей составили органи-

зации, кратковременно привлекавшие внимание церквей и их членов и дававшие яркий повод для обсуждений со шлейфом из эпизодических упоминаний на протяжении нескольких лет. В основном здесь представлены группы, с которыми церкви не могут вести полемику в традиционном для себя ключе сравнения учений (восточные, псевдонаучные, утопические и др.).

«Периферия» — НРД, появляющиеся в перечне на протяжении от 1 до 3 лет: 310 объектов (298 НРД и 12 общностей), упомянутых 489 раз (20,8 %). Эти группы не были предметом масштабных дискуссий, но появлялись на страницах церковных изданий в рамках решения локальных проблем. Они плохо запоминаются обывателями и не влияют на образ НРД в обществе, но исполняют важную функцию «фона», на котором обсуждаются иные, чаще упоминаемые НРД и феномен нетрадиционной религиозности в целом. В «периферию» также попали организации, отражающие институциональную специфику реакций церквей, но их меньше — 43,5 % «периферии» (44,9 % упоминаний). Вхождение некоторых из них даже в «периферию» сложно объяснить, несмотря на то что церкви склонны заниматься этими типами НРД. Так, упоминания пуэрториканского псевдохристианского НРД Мита, угандийского Движения за возрождение 10 заповедей Бога, последователей немецкого «христианского пророка» XVII века Генриха Кратценштайна и др. может иметь два взаимодополняющих объяснения. С одной стороны, эти НРД не соприкасаются с церквями, и их эпизодические упоминания имеют случайный характер. С другой стороны, эти НРД столь далеки от местного противосектантского дискурса, что ориентация церквей на критику НРД этого типа — единственный мотив авторов находить далекие от белорусского колорита, но уместные с позиций институциональной специфики церквей примеры.

1516 упоминаний (64,6 %) приходится на 193 НРД и общности, отражающие институциональную специфику реакций церквей; на оставшиеся 214 НРД и общностей приходится 35,4 % упоминаний. Анализ количества действующих и отсутствующих в Республике Беларусь НРД и общностей по трем группам дал в целом ожидаемый результат: 100 % ядра, 74,7 % полупериферии и 48,4 % периферии в той или иной форме присутствуют на территории страны. Иначе говоря, с ростом рекурсивности внимания церквей к конкретному НРД или общности увеличивается и вероятность того, что объект действует на территории страны. При этом подавляющее большинство НРД (82,8 %), деятельность которых документально зафиксирована в Республике Беларусь, остается вне сферы внимания православной и католической церквей, что говорит о в целом пассивном отношении традиционных конфессий Республики Беларусь к феномену НРД.

В статье представлены далеко не все результаты исследования: полученные данные позволяют отследить динамику реакции церквей на 407 НРД и общностей с учетом времени, прошедшего с момента появления каждой группы в Республике Беларусь; рассмотреть целый ряд иных тем и вопро-

сов — специфику восприятия НРД религиозными организациями Республики Беларусь с поправкой на диахроническую перспективу, характер и масштаб влияния иных социальных институтов на противосектантский дискурс православной и католической церквей.

Примечания

- (1) Концепцию «парадигм истинности» предложил Р. Уоллис [15], однако его привязка каждой парадигмы к конкретным типам религиозных организаций представляется некорректной, поскольку в рамках каждого типа (церкви, секты и т.д.) существуют представители обоих парадигм. Привязка к типам была устранена У. Беком, но он не предложил позитивной альтернативы в виде авторской типологии либо инструментария для анализа религиозных организаций [10].
- (2) Например, в Новом Завете к ересям относились саддукеи, фарисеи, последователи Симона Волхва, волхв и лжепророк Вариисус, Николаиты, последователи Февда, Иуды Галилеянина, Валаама. Апостол Павел указывал на существование ересей и предостерегал против них.
- (3) В истории православной церкви крайне редко встречались авторы, придерживавшиеся противоположной позиции, например, св. Иринея Лионский: «весьма сложное и многообразное дело открыть и обличить всех еретиков, а я намерен опровергнуть их всех сообразно с их характером» // *Святой Иринея Лионский*. Творения. М., 1996. С. 85.
- (4) Православные печатные СМИ: «Верую», «Воскресение», «Гродненские епархиальные ведомости», «Духовный вестник», «Минские епархиальные ведомости», «Новогрудские епархиальные ведомости», «Преображение», «Святая Русь», «Сретение», «Ступени», «Труды Минской духовной академии», «Царкоўнае слова». Католические печатные СМИ: «Дыялог», «Каталіцкія навіны».
- (5) Конкретные организации сатанистов (церковь Сатаны, храм Сета и др.) были отнесены к НРД, а сатанизм как течение, представленное разрозненными людьми, почитающими в индивидуальном порядке Сатану в качестве верховного божества, — к общностям.
- (6) Группа общих терминов: альтернативная религиозность; альтернативное религиозное движение; аудиторный культ; девиантная религиозная организация; деструктивная организация; деструктивная (псевдо)религиозная организация; деструктивная секта/вероисповедание/вероучение/религиозное объединение/религиозное течение; деструктивно-тоталитарная секта; деструктивный (религиозный) культ; клиентурный культ; культ; культ нового времени; культовое новообразование; молодежная религия; неокульт; нетрадиционная духовность/конфессия/религиозная духовность/религиозная организация/религиозность/религия/форма духовности/форма религиозности/вероисповедание/религиозное движение/религиозное течение/религиозное учение; нетрадиционный культ; новая духовность; новая (нетрадиционная) религиозная организация/религиозность/религия/религиозное движение/религиозное течение/эклесиастическое образование/культ; псевдорелигиозная организация/секта/движение/общество/течение/учение/культ; псевдорелигия; психокульт; религия нового века; секта; сектантская группа/организация/движение/общество/объединение/течение; сектантство; суррогатная религиозность; тотальная секта; тоталитарная организация/секта/культ.
- (7) Группа специальных терминов: антицерковное течение; вера бесовская; *ересь*; болезненная религиозность; еретическая группа/течение/учение; *идолопоклонство*; *идолослужение*; *лжеапостол*; лжедуховность; лжеепископ; *лжеименное знание*; лжемессианизм; лжемессия; лжемистическое учение; лжепастырь; лжеправедник; лжеправославная группа; *лжепророк*; лжерелигия; лжесвященник; *лжесловесник*; лжестарец; лжеучение; *лжеучитель*; лжехристианство; *лжехристос*; лжецелитель; лжецерковь; ложная духов-

ность; неканоническое образование; неправославное религиозное учение; нецерковная религиозность; псевдодуховное движение/течение; псевдодуховность; псевдорелигиозная духовность; псевдоцерковная группировка; «церковь»; чуждая духовность (курсивом выделены термины, которые упоминаются еще в Библии).

- (8) Ранее автор провел пилотажное исследование рекурсивности идентификации НРД в светских печатных СМИ Республики Беларусь в 1993–1997 годы. Настоящее исследование проведено на материалах иного социального института и более длительного периода (1992–2020), что позволяет внести ряд корректировок в теоретико-методологические выводы предшествующего исследования [4].
- (9) Свидетели Иеговы; Международное общество сознания Кришны; саентология; Христиане веры евангельской; евангельские христиане-баптисты; Церковь Иисуса Христа Святых последних дней; теософское общество; Движение объединения; Великое белое братство; богородичный центр; последователи Рерихов; адвентисты седьмого дня.
- (10) Целительство, магия и гадания; суеверия; язычество; астрология; внутрицерковное сектантство; оккультизм; уфология; сатанизм; псевдонаука; спиритизм.

Библиографический список / References

1. Бабосов Е.М. Динамика религиозности в независимой Беларуси. Минск, 1995 / Babosov E.M. *Dinamika religioznosti v nezavisimoy Belarusi* [Dynamics of Religiosity in Independent Belarus]. Minsk; 1995. (In Russ.).
2. Безнюк Д.К. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь (социологический анализ). Минск, 2006 / Beznuk D.K. *Gosudarstvenno-konfessionalnye otnosheniya v Respublike Belarus (sotsiologicheskyy analiz)* [Church-State Relations in the Republic of Belarus (Sociological Analysis)]. Minsk; 2006. (In Russ.).
3. Мартинович В.А. Антисектантский дискурс печатных СМИ: проблематизация роли антикультового движения // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2 / Martinovich V.A. Antisektantsky diskurs pechatnyh SMI: problematizatsiya roli anticultovogo dvizheniya [Anti-sectarian discourse of the printed media: Problematization of the role of anticult movement]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2021; 27 (2). (In Russ.).
4. Мартинович В.А. Динамика идентификации новых религиозных движений в печатных СМИ // Вестник Могилёвского государственного университета имени А.А. Куляшова. 2019. № 1 / Martinovich V.A. Dinamika identifikatsii novykh religioznykh dvizheniy v pechatnyh SMI [Dynamics of the identification of new religious movements in the printed media]. *Vestnik Mogilevskogo Dziarzhavnogo Universiteta im. A.A. Kuleshova*. 2019; 1. (In Russ.).
5. Мартинович В.А. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 4 / Martinovich V.A. Identifikatsiya novykh religioznykh dvizheniy v pechatnyh SMI Belarusi [Dynamics of the identification of new religious movements in the printed media of Belarus]. *Zurnal BGU. Sotsiologiya*. 2017; 4. (In Russ.).
6. Новикова Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: социологический аспект. Минск, 2001 / Novikova L.G. *Religiosnost v Belarusi na rubeze vekov: Sotsiologicheskyy aspekt* [Religiosity in Belarus at the Turn of the Century: Sociological Analysis]. Minsk; 2001. (In Russ.).
7. Шкурова Е.В. Развитие межконфессиональных отношений в Республике Беларусь. Минск, 2009 / Shкурова E.V. *Razvitie mezhkonfessionalnykh otnosheniy v Respublike Belarus* [Development of Interconfessional Relations in the Republic of Belarus]. Minsk; 2009. (In Russ.).
8. Arweck E. *Researching New Religious Movements. Responses and Redefinitions*. London; 2006.
9. Bauer W. *Rechtgläubigkeit und Ketzerei im ältesten Christentum*. Tübingen; 1934.
10. Beck U. *Der eigene Gott. Von der Friedensfähigkeit und dem Gewaltpotential der Religionen*. Frankfurt am Main; 2008.

11. Cowan D.E. *Bearing False Witness? An Introduction to the Christian Countercult*. London–Westport; 2003.
12. Feher S. Maintaining the faith: The Jewish anti-cult and counter-cult missionary movement. *Anti-Cult Movement in Cross-Cultural Perspective*. Ed. by A. Shupe, D.G. Bromley. New York–London; 1994.
13. *Häresien. Religionshermeneutische Studien zur Konstruktion von Norm und Abweichung*. Hrsg. von I. Pieper, M. Schimmelpfennig, J. von Soosten. München; 2003.
14. Henderson J.B. *The Construction of Orthodoxy and Heresy. Neo-Confucianic, Islamic, Jewish, and Early Christian Patterns*. New York; 1998.
15. Wallis R. The cult and its transformation. *Sectarianism. Analyses of Religious and Non-Religious Sects*. Ed. by R. Wallis. London; 1975.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88

Perception of new religious movements by the religious organizations of the Republic of Belarus*

V.A. Martinovich

Minsk Theological Academy,
Zybitskaya St., 27, Minsk, 220030, Republic of Belarus
(e-mail: nrmsect@yandex.ru)

Abstract. In sociology of religion, there are few works on the quantitative analysis of the reactions of the main social institutions to the phenomenon of religiosity. Social representations and illusions about non-traditional religiosity are formed within the boundaries of many unrelated and uncoordinated reactions of representatives of each institution. The logic of choosing the object of reactions among the existing religious organizations reflects both the specifics of the social institution and external influences, i.e., the social context. The article aims at identifying the institutional specifics of the reactions of traditional religions to non-traditional religiosity based on the analysis of the perception of new religious movements by the Orthodox and Catholic churches in the Republic of Belarus in 1992–2020. The content analysis was used to analyze 715 books, articles in the media, leaflets, proceeding of conferences and other publications of churches on new religions. The author argues that 407 groups were identified, and their configuration reflects the selective attention of traditional confessions to new religions; presents their distribution according to the structural and content characteristics, recursiveness and frequency of mentions, the status of authors in the hierarchy of churches, the influence of foreign articles reprinted in the Belarusian media. The author identifies the institutional specifics of the perception of new religions by religious organizations as criticism from the standpoint of their own dogma; moreover, the features of the past and contemporary life of Christian churches make them primarily respond to the intra-church sectarianism, Christian and pseudo-Christian groups, then to neo-paganism and groups of magic, divination and healing, Satanism and occult-mystical groups. The article mentions external and internal factors determining the churches' perception of new religious organizations in a non-typical form, and the range of variability of the anti-sectarian discourse of the Orthodox and Catholic churches.

Key words: identification; new religious movement; unconventional religiosity; counter-cult discourse; sect; orthodox church; catholic church

*© V.A. Martinovich, 2023

The article was submitted on 30.10.2022. The article was accepted on 25.12.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-89-99

Византийское наследие в современной Турции: особенности изучения и политическое значение*

С.Ю. Белоконев^{1,2}, В.Г. Иванов^{2,3}, Е.В. Левина^{1,4}

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия

²Государственный университет управления,
Рязанский просп., 99, Москва, 109542, Россия

³Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

⁴Институт проблем рынка РАН,

Нахимовский просп., 47, Москва, 117418, Россия

(e-mail: syubelokonev@fa.ru; ivanov_vg@pfur.ru; elena.v.levina@gmail.com)

Аннотация. В статье анализируется политика памяти правительства Турции в отношении византийского наследия страны и международная реакция со стороны государств, чей исторический нарратив и идентичность ассоциируются с наследием Византийской империи. Статья основана на широком спектре источников на турецком, греческом, английском и русском языках. Авторы полагают, что политика исламизации Турции и идеология неоосманизма, которую проводит правящая «Партия справедливости и развития» (ПСР) под руководством президента Р.Т. Эрдогана, ведут к постепенному демонтажу оставшегося в стране византийского наследия, что было наглядно продемонстрировано в ходе превращения Монастыря Хора и Собора Святой Софии в мечети. Турецкое общество, за исключением небольшого количества диссидентов, как правило, уже покинувших страну, не испытывает устойчивого интереса к истории Византии и воспринимает политику правящей партии прагматически, что подтверждают опросы общественного мнения. Международная реакция на решения турецкого руководства оказалась достаточно сдержанной и очень ограниченно касалась Византии и ее роли истории. Так, европейские политики и исследователи критически оценивали антизападный посыл действий и риторики Эрдогана, в то время как в Греции опасаются возрождения османского империализма и рассматривают византийское наследие в контексте эллинизма. Авторы приходят к выводу, что российское общество (в первую очередь благодаря позиции РПЦ) восприняло политику Эрдогана как уничтожение византийского наследия восточно-православной цивилизации, что побудило российское политическое руководство поднять данный вопрос на самом высоком уровне двусторонних отношений. Кроме того, последовательные действия Анкары по демонтажу византийского наследия в международном измерении оказываются направлены против имиджа и идеологем российского государства в большей степени, чем против Греции, что обусловлено устойчивыми представлениями о России как продолжателе византийской традиции.

Ключевые слова: византийское наследие; Турция; Россия; политика памяти; идентичность; Собор Святой Софии

*© Белоконев С.Ю., Иванов В.Г., Левина Е.В., 2023

Статья поступила 13.09.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

Исследование византийского наследия в Турции постоянно сдерживалось различными факторами. Сначала Османская империя, а после современная Турецкая Республика регулярно предпринимали попытки заявить о своей главенствующей роли не только на территории Ближнего Востока, но и в мусульманском мире, поэтому прошлое некогда могущественного христианского государства сознательно замалчивалось как османскими, так и турецкими властями. В свою очередь данный факт оказывал определяющее влияние на заинтересованность турецкого общества в изучении и понимании того, какое великое государство располагалось на территориях, впоследствии занятых наследниками тюрок-осман.

Чтобы определить, как в современной Турецкой Республике воспринимают византийское наследие, необходимо сначала проанализировать, как проходил процесс изучения покоренной христианской империи, начиная с периода правления осман. Во времена Османской империи значимых исследований истории и следов существования Византии на ее территории не проводилось. Впрочем, и европейские ученые озаботились данным вопросом лишь в конце XVIII — начале XIX века. Справедливости ради отметим, что российские ученые начали серьезно заниматься историей Византии еще позже — со второй половины XIX столетия [2. С. 30].

После того как Константинополь был взят, в соответствии с приказом султана Мехмета II официальные языки Византии (среднегреческий и поздняя латынь) были заменены на османский. На язык завоевателей был переведен и ряд византийских книг. Однако современные турецкие ученые пришли к выводу, что это был не прямой перевод с греческого или латыни, а с персидского языка, что существенно исказило первоначальный смысл манускриптов [9. С. 259]. Султан Мехмет II активно собирал в саду дворца Топкапы саркофаги, барельефы и другие художественные фрагменты византийской эпохи, став первым коллекционером византийских артефактов того времени [15. С. 217].

В конце XIX — начале XX века тема византийского наследия стала появляться в турецких исследованиях по всеобщей истории, но изучение Византии проводилось практически исключительно для того, чтобы на его фоне доказать превосходство Османской империи [17. С. 64]. Подобный подход был свойственен и разделявшим националистические подходы младотурок ученым, которые описывали византийское наследие главным образом как фактор упадка и постепенного ослабления осман (1). После того как Османская империя прекратила свое существование и в 1923 году была провозглашена Турецкая Республика, власти страны по-прежнему не проявляли интереса к наследию Византийской империи. Турецкие студенты, которые начали уезжать на обучение в европейские учебные заведения, византинистику там не изучали. Впрочем, в ученых кругах новой страны начал постепенно проявляться интерес к государ-

ству, существовавшему на территориях, которые впоследствии заняли турки-османы.

В 1937 году Стамбульский университет совместно с Археологическим музеем Стамбула провели раскопки во дворце Топкапы, а в 1949 году А. Оган и А. Мансел исследовали византийский Евдомон. Тем не менее, время раскопки проводились крайне хаотично, а их результаты не всегда фиксировались [1. С. 260]. Исследования того времени были скорее спасательными, чем серьезными и подготовленными, а также сильно зависели от планов по застройке и развитию инфраструктуры города. Отрицательную роль играл и факт отсутствия в Турции искусствоведов и специалистов по византийской эпохе [7. С. 210].

В 1950-е–1960-е годы в изучении византийского наследия наметился прорыв благодаря политике правящей Демократической партии и притоку туристов, в том числе желающих увидеть архитектурное богатство не только осман, но и оставшееся со времен Византии. В 1955 году в Стамбуле был проведен десятый международный саммит византистов. Однако этого оказалось недостаточно, и следующее подобное мероприятие состоялось лишь в 1999 году [8. С. 60]. На сегодняшний день историю Византии изучают в целом ряде турецких вузов, среди которых Стамбульский университет, Стамбульский технологический университет, Университет Хаджеттепе в Анкаре, Эгейский университет в Измире, Университет 18 марта в Чанаккале, Анатолийский университет в Эскишехире и др. [5]. Главная проблема изучения наследия Византийской империи — слабое знание необходимых для проведения исследований языков и скудость библиотечных фондов Турции, которые несопоставимы с коллекциями западных университетов [7. С. 219]. Кроме того, для понимания турецким обществом, что представляла собой Византия, необходимо создание и внедрение в программы учебных заведений соответствующих разделов.

С момента создания Турецкой Республики концепция турецкой истории пережила несколько этапов. Если в период с 1923 по 1931 годы византийская история присутствовала в курсе истории в достаточно емком, пусть и сжатом виде, то позже, на фоне националистических и религиозных крайностей турецких властей, если и была представлена в образовательных программах, то крайне ограниченно и главным образом для того, чтобы показать превосходство турок перед христианами, населявшими Анатолию до них. Практически полное отсутствие в турецких образовательных программах византийской истории способствовало исчезновению у обывателя даже поверхностных представлений о ней. Более того, термин «Византия» на сегодняшний день чаще всего ассоциируется в турецком обществе с современной Грецией и приобретает негативный оттенок ввиду крайне сложной истории взаимоотношений Анкары и Афин [15. С. 221].

На современном этапе значительное влияние на восприятие византийского наследия турецким обществом оказывает политика президента Эрдогана и ПСР, подразумевающая возвращение кемалистской Турции к исламским ценностям и попытку возвеличить роль Османской империи в истории. Разумеется, подобный вектор политики действующих турецких властей не подразумевает стремления к сохранению и исследованию византийского наследия. Более того, ряд памятников христианской эпохи начал планомерно уничтожаться по канонам, схожим с теми, что применялись во времена Османской империи. Так, в беседе с журналом «Newsdesk» турецкий лидер заявил, что невозможно быть и светским и мусульманским государством одновременно (2). За годы правления Эрдогана и ПСР самым громким случаем исламизации, ударившей по византийскому наследию, несомненно, стало решение Государственного совета Турции удовлетворить иск об аннулировании решения Совета министров республики от 1934 года о превращении мечети Святой Софии в музей (3). Это решение вызвало большую обеспокоенность международного сообщества, но было встречено большинством населения Турции если не одобрением, то молчаливым согласием.

Согласно данным исследования, проведенного Areeda Survey за несколько недель до принятия этого судьбоносного решения, 78 % респондентов выступили за преобразование Святой Софии в мечеть, против — 21 % (4). В то же время другой опрос, проведенный социологической компанией Кара Research среди турецких и греческих граждан, показал, что в Турции лишь 49 % одобряет решение властей, а 45 % выступают против, считая, что Святую Софию необходимо сохранить в формате музея всемирного наследия. Впрочем, то, насколько данное исследование отражает настроения турецкого общества, вызывает сомнения, так как компания, проводившая опрос, зарегистрирована и располагается в Афинах. Согласно результатам опроса MetroPoll Research «Пульс Турции — июнь 2020 года», 44 % респондентов полагали, что вопрос об открытии Собора Святой Софии для богослужений возник «для изменения повестки дня, чтобы не говорить об экономическом кризисе», 30 % — чтобы «превратить мечеть, преобразованную в музей, обратно в мечеть», 12 % респондентов заявили, что «это аргумент, который власть хочет использовать перед досрочными выборами и который, по их мнению, будет эффективным», 15 % затруднились с ответом (5). Таким образом, в отношении возвращения Собору статуса мечети у населения Турции преобладали прагматические настроения, и у Собора Святой Софии и в целом византийского наследия практически не нашлось защитников.

Относительно причин, по которым было принято решение о преобразовании музея Собора Святой Софии в мечеть, прослеживаются явно выраженные различия в оценках исследователей. На наш взгляд, реакция

турецких ученых позволяет утверждать, что в стране неравномерно разделились мнения: одна группа выражает поддержку действиям властей по разным причинам — начиная от схожести взглядов и идеологии и заканчивая страхом попасть под репрессии за мнение, отличное от официального; вторая группа — это исследователи (в том числе богословы), которые выступают против преобразования музея в мечеть. Сохранившиеся после чистки медийного пространства (в результате попытки госпереворота в Турции 15 июля 2016 года) оппозиционные Эрдогану издания, в том числе академические, утверждают, что подобные действия властей подрывают конституционные основы Республики, заложенные еще К. Ататюрком. Они апеллируют к тому, что исламизация не может соседствовать со светским государством, созданным в 1923 году. Впрочем, чаще такие журналы, газеты и онлайн-СМИ публикуют материалы, авторы которых не являются турками. Так, *Duvar* опубликовал интервью французского политолога О. Ройя, в котором подчеркивается, что у Эрдогана не получилось «исламизировать сердце и умы Турции, поэтому он исламизирует камни» [10].

Ученые и исследователи, поддерживающее решение властей и в целом политику Эрдогана и ПСР, заявляют, что открытие Святой Софии в качестве музея в 1934 году было уступкой Западу и попыткой отойти от наследия Османской империи: «“пленение” Святой Софии было “пленением” Турции... Тот факт, что предлагаемое решение может быть принято, является признаком усиления власти и суверенитета Турции» (6).

Другим важным аспектом решения о преобразовании Святой Софии в мечеть было то, что истцом по делу выступил Фонд сохранения наследия Турции, т.е., в абстрактном смысле, сам народ (7). С учетом крайне сдержанной негативной реакции в турецком обществе и значительной поддержки этого решения можно констатировать, что на сегодняшний день у населения страны наследие Османской империи котируется несравнимо выше, чем Византии. Та часть общества, которая обеспокоена принятым решением и политикой Эрдогана и ПСР в целом, главным образом переживает из-за возможной потери наследия Ататюрка и в меньшей степени интересуется историей осман. Более того, в последние годы турецкое общество неоднократно сталкивалось с намерением властей преобразовать музей в мечеть. В ноябре 2019 года суд аннулировал решение Совета министров Турции от 1945 года, согласно которому бывший монастырь византийской эпохи Хора был музеем, и превратил его в мечеть Карие (8).

Важно отметить, что в случае с мечетью Карие была проверена реакция турецкого общества на подобные трансформации, особенно принимая во внимание тот факт, что бывший монастырь расположен «под боком» у Константинопольской православной церкви в районе Фенер в Стамбуле. В ответ на действия властей тогда не последовало практически никакого ответа ни со стороны международного сообщества, ни со стороны правоза-

щитников и научной общественности, ни со стороны населения. В августе 2020 года эта инициатива была окончательно реализована.

Говоря о международных последствиях политики турецкого правительства, в первую очередь следует отметить реакцию государств, в которых «византийское православие исторически играло ключевую роль в формировании национальной идентичности» [3] и к которым относится Россия. Так, в Греции большинство политиков и академическое сообщество воспринимает политику памяти Эрдогана как акт агрессии и очередную угрозу со стороны Турции: «то, что такие действия турецкого руководства не являются ни изолированными, ни временными, продемонстрировало празднование в мае 2020 года завоевания Константинополя в 1453 году. Турецкий президент лично отметил это завоевание исламскими молитвами у Собора Святой Софии, возможно, самого священного памятника христианства» [14]. «На празднованиях 2020 года президент Эрдоган повысил ставки, когда заговорил о завоевании в перспективе, а не только в ретроспективе — “Я желаю, чтобы Бог даровал этой нации еще много счастливых завоеваний”, — сказал он, читая из Корана» [11].

Турецкий богослов Дж. Килич, отвечая на вопрос о причинах превращения Святой Софии в мечеть, отмечал, в частности, «чувство неполноценности Турции по отношению к Западу» (9). Греческие авторы также пишут об исторической «зависти» к эллинизму как источнике возрождения турецкого ревизионизма и империализма. Греческие исследователи, почти единодушно критикуя политику памяти Турции, практически не упоминают Византию и ее историческое наследие, Собор Святой Софии для них является скорее символом западной культуры или эллинизма. Схожим образом оценивая политику памяти Турции, армянские исследователи ассоциируют ее с репрессивными практиками Османской империи: «Эрдоган опять пытается создать для своей страны капитал за счет наследия коренных народов Анатолии, представителей которых его предки на протяжении сотен лет безуспешно пытались уничтожить» [4]. Примечательно, что избранный в 2019 году Константинопольский армянский патриарх Саак II призвал разрешить в Святой Софии как мусульманские, так и христианские молитвы.

Позиция России по рассматриваемому вопросу оказалась менее однозначной. Официально МИД РФ заявил, что «возвращение статуса мечети Собору Святой Софии в Стамбуле является внутренним делом Турции, ... в которое, естественно, ни мы, ни другие не должны вмешиваться» (10). В то же время значение исторических связей с византийской традицией для основ формирования российского государства и активная позиция церкви заставила российские власти поднять этот вопрос на высшем уровне. Так, при личной встрече двух президентов В.В. Путин обратил внима-

ние Р.Т. Эрдогана на общественный резонанс, который вызвало в России решение изменить статус храма Святой Софии. «Президент Турции дал соответствующие пояснения, отметив, что доступ к этому уникальному памятнику мировой цивилизации будет гарантирован для всех желающих, включая иностранных граждан, и будет обеспечена сохранность христианских святынь» (11). Российские парламентарии обращались к властям Турции с просьбой не менять статус святыни (12).

В России решение Стамбула было резко критически воспринято в церковной среде, а также православными и традиционалистскими мыслителями и историками [6]. Патриарх Кирилл заявил, что лишение статуса музея и превращение в мечеть Собора Святой Софии создает угрозу для всей «христианской цивилизации», для «духовности и истории» России и «отзовется глубокой болью в русском народе»: «Послы великого князя Владимира, переступив порог этого храма, пленились его небесной красотой. Услышав их рассказ, святой Владимир крестился и крестил Русь, которая вслед за ним шагнула в новое для себя духовное и историческое измерение — в христианскую цивилизацию» (13). По мнению Митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева), «это удар по мировому православию, ибо для всех православных христиан по всему миру храм Святой Софии — это такой же символ, как для католиков — Собор Святого Петра в Риме. Можно сказать, что принятие Русью христианства, предопределившее всю ее историю, имеет связь именно с этим храмом, и он является для нас важным символом» (14). Вследствие длящегося раскола Московского патриархата с Константинопольским мировое православие не выступило с консолидированной позицией по этому вопросу. Однако по словам Патриарха Кирилла, попытки унизить духовное наследие православия русский народ «воспринимает с горечью и негодованием» (15).

Таким образом, политика памяти Эрдогана в отношении византийского наследия, направленная преимущественно на внутривнутриполитические задачи, во внешнем контуре оказалась ориентирована против идеологием российской политики (как их понимают за рубежом) в большей степени, чем против Греции, и вызвала в России более болезненную реакцию. Именно российское общество восприняло политику Эрдогана как уничтожение византийского наследия восточно-православной цивилизации и разрыв соответствующей исторической памяти, в то время как в Греции ссылаются преимущественно на наследие эллинизма, в Армении — на геноцид в Османской империи, а в странах ЕС — на антизападную риторику турецкого президента и его сторонников [12; 16]. В то же время особое значение византийского наследия для России стало своего рода международно-политическим клише, ассоциирующимся с имиджем России на Западе (во многом благодаря эссе А.Дж. Тойнби «Византийское наследие России») [13]. Конечно, такая точка зрения не-

однозначна, но Византия, несомненно, вплетена в российский исторический нарратив.

В завершение можно констатировать, что в Турции ряд ученых и исследователей обращает пристальное внимание на наследие Византии, изучая его, в том числе в интересах современного турецкого общества. Однако политика Эрдогана и ПСР, основывающаяся на принципах неоосманизма и пантюркизма, привела к тому, что у населения страны, абсолютного большинства историков, политологов, социологов и других специалистов основным приоритетом стало изучение Османской империи и ее роли в становлении современного турецкого государства, которое все больше подвергается исламизации. Что касается исторического наследия Византии, то оно сегодня волнует сравнительно немногочисленную группу узких специалистов, практически не имеющую голоса в турецком обществе.

Таким образом, можно с уверенностью прогнозировать, что случаи переименования и преобразования музеев и иных христианских исторических и культурных памятников, оставшихся на территории Турции с византийской эпохи, в среднесрочной и долгосрочной перспективе продолжатся, во всяком случае пока Эрдоган и сторонники его политики находятся у власти. Примечательно, что данная политика в целом интегрирована в более широкий контекст формирования новой турецкой идентичности. Так, в 2021 году, согласно президентскому указу, Турция изменила свое международное название: вместо Turkey было рекомендовано использовать вариант Türkiye. В указе подчеркивается, что это решение — «очередной комплексный шаг, отражающий богатую культуру и наследие страны» [4], поскольку новый вариант написания лучше отражает ценности турецкого народа.

Информация о финансировании

Исследование подготовлено за счет средств Минобрнауки РФ. Проект FSSF-2022-0015.

Примечания

- (1) Примечательно, что российские западники XIX века (например, П.Я. Чадаев или А.И. Герцен) давали похожие уничижительные оценки византийскому влиянию на российскую государственность и культуру.
- (2) İslamcı parti değiliz // Milliyet. 11.11.2020 // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/islamci-parti-degiliz-247856>.
- (3) Türkiye Cumhuriyeti Danıştay Başkanlığı. 10.07.2020. Esas No: 2016/16015; Karar No: 2020/2595 // URL: http://www.danistay.gov.tr/upload/guncelkarar/10_07_2020_060019.pdf.
- (4) Anket sonuçlarında rekor: Areda Survey'in yaptığı çalışmada vatandaş Ayasofya kararını verdi // Yeni Safak. 01.07.2020 // URL: <https://www.yenisafak.com/hayat/anket-sonuclarinda-rekor-areda-surveyin-yaptigi-calismada-vatandas-ayasofya-kararini-verdi-3547431>.
- (5) Anket: Halkın yüzde 43'ü "Ayasofya'nın ibadete açılması konusu, ekonomik kriz konuşulmasın diye gündeme getirildi" diyor // T24. 10.07.2020 // URL: <https://t24.com.tr/haber/anket-halkin-yuzde-43-u-ayasofya-nin-ibadete-acilmasi-konusu-ekonomik-kriz-konusulmasin-diye-gundeme-getirildi-diyor,889897>.

- (6) Kimlik ve egemenlik arasında Ayasofya // Sabah. 25.07.2020 // URL: <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/perspektif/zeliha-eliacik/2020/07/25/kimlik-ve-egemenlik-arasinda-ayasofya>.
- (7) Daniştay'ın Ayasofya kararının tam metni // Bianet. 10.07.2020 // URL: <https://bianet.org/bianet/diger/227263-danistay-in-ayasofya-kararinin-tam-metni>.
- (8) Son Dakika: İstanbul'da bir müze daha cami oldu! Kariye Camii ibadete açılıyor // Haberler. 21.08.2020 // URL: <https://www.haberler.com/son-dakika-istanbul-un-fatih-ilcesindeki-kariye-13526254-haberi>.
- (9) Well-known theologian reveals what is behind Erdogan's fixation with Aghia Sophia // Naftemboriki. 02.07.2020 // URL: www.naftemboriki.gr/printStory/1615242.
- (10) В МИД РФ отреагировали на превращение Собора Святой Софии в мечеть // ИА «Красная Весна». 13.07.2020 // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f9fae2f9>.
- (11) Путин указал Эрдогану на резонанс из-за превращения храма Святой Софии в мечеть: тот дал пояснения // URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/474614>.
- (12) В России отреагировали на превращение Собора Святой Софии в мечеть // URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/10/reaction>.
- (13) Глава РПЦ назвал превращение Святой Софии в мечеть угрозой истории России // РБК. 06.07.2020 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2020/5f02e1d79a794765d5eaea9c>.
- (14) Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев): «Решение о превращении храма Святой Софии в мечеть — это удар по всему мировому Православию» // URL: <https://pravoslavie.ru/132527.html>.
- (15) Глава РПЦ назвал превращение Святой Софии в мечеть угрозой истории России // РБК. 06.07.2020 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2020/5f02e1d79a794765d5eaea9c>.

Библиографический список / References

1. Беляев Л.А. Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб., 2020 / Belyaev L.A. *Khristianskie drevnosti: vvedenie v sravnitel'noe izuchenie* [Christian Antiquities: Introduction to Comparative Studies]. Saint Petersburg; 2020. (In Russ.).
2. Васильев А.А. История византийской империи. Т. 1. М., 1998 / Vasiliev A.A. *Istorija vizantijskoj imperii* [History of the Byzantine Empire]. Vol. 1. Moscow; 1998. (In Russ.).
3. Веселов Ю.А. Реакция мировой общественности на возвращение Собору Святой Софии статуса мечети // Мировая политика. 2022. № 1 / Veselov Yu.A. Reaktsiya mirovoy obshchestvennosti na vozvrashchenie Soboru Svyatoy Sofii statusa mecheti [Reaction of the world community to the return of the mosque status to the Hagia Sophia]. *World Politics*. 2022; 1. (In Russ.).
4. Еркян А. Турция — больше не Турция. Почему Эрдоган переименовал свою страну? / Erkanian A. Turkey is no longer Turkey. Why did Erdogan rename his country? URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211210/turtsiya---bolshe-ne-turtsiya-pochemu-erdogan-pereimenoval-svoyu-stranu-36214389.html?ysclid=188o1ogwma565197609>. (In Russ.).
5. Свистунова И.А. Византийские исследования в Турции: история и современность // Культурологический журнал. 2019. № 3 / Svistunova I.A. Vizantiyskie issledovaniya v Turtsii: istoriya i sovremennost [Byzantine studies in Turkey: History and the present]. *Journal of Cultural Studies*. 2019; 3. (In Russ.).
6. Шаврина М.С. Айя-София в статусе мечети: международные оценки и перспективы функционирования // Ислам в современном мире. 2020. № 3 / Shavrina M.S. Hagia Sophia v statuse mecheti: mezhdunarodnye otsenki i perspektivy funktsionirovaniya [Hagia Sophia in the mosque status: International assessments and prospects for functioning]. *Islam in the Contemporary World*. 2020; 3. (In Russ.).
7. Akyürek E. Byzantine art history in modern Turkey. *Perceptions of the Past in the Turkish Republic: Classical and Byzantine Periods*. Leuven — Paris — Walpole; 2010.

8. Akyürek E. Byzantine art history in Turkey from the 1950s to the present. (L. Bevilacqua, G. Gasbarri (Eds.). *Picturing a Lost Empire: An Italian Lens on Byzantine Art in Anatolia, 1960–2000*. Istanbul; 2018.
9. Aslan F. Ayasofya efsanelerine kaynak olması bakımından eski harflı Türkçe yazmalar. *Ayasofya Müzesi Yıllığı*. 2010; 13.
10. Başaran E. Prof. Olivier Roy: Erdoğan zihinleri İslamleştiremediği için taşları İslamleştiriyor. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/politika/2020/07/21/prof-olivier-roy-erdogan-zihinleri-islamlestiremedigi-icin-taslari-islamlestiriyor>.
11. Bekdil B. Turkey: Erdogan wishes “many more happy conquests”. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/16092/turkey-erdogan-conquests>.
12. Ivanov V.G. The problems of assessing validity and political potential of cross-national comparative ratings. *Comparative Politics Russia*. 2021; 1.
13. Korenevskiy A.V. Russia’s Byzantine heritage: The anatomy of myth. *New Past*. 2016; 1.
14. Melakopides C. Multi-vector management of soft power policies: Will Russian soft power be victimized by the Moscow-Erdogan association? *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (4).
15. Serin U. Byzantium early Islam and Byzantine cultural heritage in Turkey. P. Atzaka, C. Papakyriakou, A. Pliota (Eds.). *Byzantium Early Islam. Cultural Heritage Management: Shared Experience beyond Boundaries*. Thessaloniki; 2008.
16. Tuğal C. Turkey at the crossroads? *New Left Review*. 2021; 127.
17. Yıldız Ş.K. A review of Byzantine studies and architectural historiography in Turkey today. *Middle East Technical University: Journal of Faculty of Architecture*. 2011; 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-89-99

Byzantine heritage in contemporary Turkey: Research features and political significance*

S.Yu. Belokonev^{1,2}, V.G. Ivanov^{2,3}, E.V. Levina^{1,4}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradsky Prosp., 49, Moscow, 125468, Russia

²State University of Management,
Ryazansky Prosp., 99, Moscow, 109542, Russia

³RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

⁴Market Economy Institute of RAS,
Nakhimovsky Prosp., 47, Moscow, 117418, Russia

(e-mail: syubelokonev@fa.ru; ivanov_vg@pfur.ru; elena.v.levina@gmail.com)

Abstract. The article considers the politics of memory of the Turkish government in relation to the Byzantine heritage in the country and the reaction of the states whose historical narrative and identity are associated with the Byzantine Empire’s legacy. The article is based on a wide range of sources in Turkish, Greek, English and Russian. The authors believe that the Turkish policy of Islamization and the ideology of neo-Ottomanism, which are implemented by the ruling AK Party under the leadership of the President R.T. Erdogan,

*© S.Yu. Belokonev, V.G. Ivanov, E.V. Levina, 2023

The article was submitted on 13.09.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

lead to the gradual dismantling of the remaining Byzantine heritage, which was proved by the transformation of the Monastery of the Choir and the Hagia Sophia into mosques. Turkish society, except for a few dissidents many of whom have already left the country, does not show interest in the history of Byzantium and perceives the policy of the ruling party quite pragmatically, according to the opinion polls. The international reaction to the decisions of the Turkish leadership was quite restrained and in general did not focus on Byzantium and its role in history. Thus, European politicians and researchers criticized mainly the anti-Western idea of Erdogan's actions and rhetoric, while Greece fears mostly the revival of Ottoman imperialism and considers the Byzantine legacy as a part of Hellenism. The authors conclude that it was Russian society that defined the policy of Erdogan as the destruction of the Byzantine heritage of the Eastern Orthodox civilization (primarily due to the position of the Russian Orthodox Church), which made the Russian political leadership discuss this issue at the highest level. Moreover, in the international dimension, Ankara's consistent policy to dismantle the Byzantine heritage affects the image and ideology of the Russian state to a greater extent than that of Greece, which is determined by the sustainable perception of Russia as the successor of the Byzantine tradition.

Key words: Byzantine heritage; Turkey; Russia; politics of memory; identity; Hagia Sophia

Funding

The study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Project FSSF-2022-0015.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-100-111

Gender issues in Confucian ethics in contemporary Vietnam*

S.A. Nizhnikov¹, Pham Tien Bac^{1,2}

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia,

²Academy of Politics Region II,

Man Thien St., 99, Hiep Phu Ward, District 9, Ho Chi Minh City, Vietnam,

(e-mail: nizhnikov-sa@rudn.ru; 1042215020@rudn.ru)

Abstract. Confucianism like Taoism is a part of the treasury of the world spiritual culture as created by the “axial age” (K. Jaspers); however, time affects even the most humanistic teachings, many of the provisions of which can be formalized, become obsolete, requiring both a “return to the origins” and clarification or reinterpretation and renewal. These processes of both positive and negative nature affected the norms of Confucian ethics in Vietnam. The article aims at examining the gender content of the Vietnamese Confucian ideals and their impact on the contemporary Vietnamese society. Confucian ethics was introduced in Vietnam during the Chinese colonization and had a great influence on both feudalism in general and on the social perception of the woman and her position in the family, determining gender roles and corresponding gender stereotypes for a millennium. The article identifies both general and special features of the gender issues in the Chinese and Vietnamese traditional Confucian ethics. In addition to many negative aspects (such as restraining women’s personal development and limiting their participation in feudal ceremonies), the Vietnamese Confucian ethics regarding women was changed for the better, contributing to the humanization of gender relations. Confucian gender principles continue to have both beneficial and detrimental influence on the Vietnamese society today. The study of the distribution and dynamics of changes in gender roles in the traditional and contemporary Vietnamese society can provide empirical data for gender sociology, as it is hard to analyze gender relations without considering national traditions and culture in general.

Key words: gender roles; gender stereotypes; gender sociology; Axial Age; Confucian ethics; contemporary Vietnamese society; division of labor; domestic violence; social status of women

Gender relations in the Chinese and Vietnamese Confucian ethics

Gender sociology is the theoretical basis for the study of women’s social status at specific stages of social development; it considers social consequences of gender equality and gender symmetry violations. “Gender sociology studies the way culture and social structure mediate physical differences between men and women” [16. P. 519]. We believe that the analysis of the impact of Confucian ethics

*© S.A. Nizhnikov, Pham Tien Bac, 2023

The article was submitted on 11.02.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

on gender relations in the Vietnamese society can contribute to gender studies. First, this is an ideology of “respecting a man and neglecting a woman”. Vietnamese Confucian ethics descends from the Chinese one, and the ideology of “respecting a man and neglecting a woman” affects moral foundations of the society, defines gender roles, and shapes gender stereotypes. Ngô Thì Nhậm (1746–1803), the Vietnamese politician and writer of the Trịnh Sâm period, “women do household chores while men do social things” [18. P. 152]. In the feudal times, women were ‘objects’ in Vietnamese families — they were treated like children who needed to be mentored: “The child has to be taught from an early age, and the wife has to be taught right after the wedding”. ‘Teaching a wife’ implied teaching a woman to follow the lifestyle of her husband’s family. The concept ‘teaching a wife’ implies that the wife has a lower family position than her husband. For instance, the Later Lê dynasty code of laws known as the Hong Duc Code (15th century) states: “The woman shall obey her husband instead of relying upon her parents’ wealth in opposing her husband and his family. If a woman breaches this provision, she and her parents shall bear the liability” [21. P. 152]. In addition, Vietnamese families and clans traditionally considered the birth of a son more preferable: “It is better to give birth to a single son than to ten daughters”.

Second, this is an ideology of ‘three obediences’. According to the gender stereotypes of feudal Confucianism, the woman is to prove ‘three obediences’: at home, she is to obey her father; in marriage, she is to obey her husband; after her husband’s death, she is to obey her son. While staying at her parents’ home, the daughter was to listen to her father, and for women, most marriages depended on their fathers’ will. Women had no right to choose; their lives were like raindrops or grains of sand. The married woman was to obey her husband, to support him wholeheartedly, and to take care of her husband’s family. As the Vietnamese proverb says, “the boat follows the helm, the woman follows her husband” [11. P. 151]. Article 90 of the Hong Duc Code says: “The wife shall respect her husband’s parents and shall not breach her husband’s requirements” [21. P. 147; 9. P. 55]. After her husband’s death, the woman was to remain in his family, bringing up children and taking care of her husband’s parents. According to the Vietnamese saying, “the proper woman does not get married twice” [11. P. 76]. Most women had to live other people’s lives without having any right to choose.

Third, four virtues are declared a feature of the ideal woman. Vietnamese Confucian ethics pays great attention to four woman’s virtues: morality, speech, visage, and works. Works imply being a good housewife and to be able to cook and embroider. In wealthy and powerful families, women were to have developed skills of playing musical instruments and chess, to know poetry, and to draw. Visage means the beauty of appearance, cleanliness, neatness and naturalness as making a woman look noble and modest. Speech plays an important part of communication in the family and society. It is important to speak with husband and his parents in a polite, gentle, disciplined, accurate, educated, and respectful manner. Morality

means kindness, good manners and actions, especially in relations with parents and husband's parents and siblings.

Vietnamese Confucianism, just like its Chinese version, pays particular attention to 'filial piety' and girls' virginity. According to the Vietnamese writer Nguyễn Đình Thiệu (1822–1888), "a man primarily thinks about his filial piety, and a woman thinks about remaining a virgin until marriage". Women who tried to break free from the shackles of the Confucian living principles were ridiculed by the public opinion and severely punished. Those wives who stayed in their late husbands' families until the end of lives without remarrying were awarded by the authorities a kind of certificate of merit for being a "faithful and highly moral wife". Such a woman was named "liệt nữ" — "a woman who remained faithful and pure". Article 297 of the Hong Duc Code of Laws stated that the officials who did not inform the authorities about such women to be rewarded would be punished. Although such a reward was considered a joy for faithful women, it was a sort of constraint for they were deprived of the right to remarry.

Particularities of gender relations in the Vietnamese Confucian ethics

Despite the great influence of the Chinese Confucian ethics, gender relations in the Vietnamese Confucian ethics have some differences due to the fact that "any culture, any foreign ideas could not substitute local culture, and always had to adapt to it" [22. P. 57]. The Vietnamese Confucian ethics shows democratic and progressive thinking by expressing respect and appreciation for women, which increased the woman's status. The specificity of gender relations in the Vietnamese Confucian ethics can be proved by its key behavior principles. First, the Vietnamese Confucian ethics accepts the woman's important role. Thus, in the Chinese feudal Confucian ethics, a husband plays a paramount role, and a wife plays a secondary role, obeying her husband; in Vietnam, a woman is more independent — women and their husbands make a relatively equal contribution to housekeeping. According to the Vietnamese proverbs, "the husband ploughs, the wife sows", "the husband's wealth is his wife's contribution". It is believed that in everyday life women play an important role or even have more power than their husbands: "a husband's word cannot be compared with a wife's word" [12. P. 98], "the wife is in the first place, and God is in the second one" [12. P. 121]. These ideas of the Vietnamese Confucian ethics contributed to opposing the patriarchal ideology which supported men and belittled women's role in the family.

Thus, women not merely give birth and support the genealogic tree, but also play a paramount part in upbringing children: children's personality, morality and talents basically depend on their mother; therefore, in the Vietnamese society, there are such sayings as "the blessed virtue is gained thanks to the mother", "a child is kind and moral thanks to the mother", and "a silly child is his mother's fault" [13. P. 750]. There are evidences of the Vietnamese women's hard work and self-sacrifice while

they raise their children; therefore, the Vietnamese Confucian ethics places wives above husbands in upbringing children: “A natural father cannot be compared with a mother raising children” [12. P. 37]. The wife is always in charge of preparing for religious ceremonies, cooking and housekeeping, and even when an intruder breaks into the house, the woman is ready to fight: “When the enemy comes to your home, even the women should fight”. A good woman is the one who helps her husband unite the family, bring brothers closer together, and make neighbors more united and friendly. If a woman fails to behave this way, she will lose both happiness in her family and her neighbors’ good attitude. In the Vietnamese society, there is a saying: “an angry daughter-in-law makes you lose your relatives; an angry dog makes you lose your neighbors” [12. P. 61].

According to the Vietnamese Confucian ethics, while creating a family and making a career, a man always needs his wife’s efficient support, and marriage is considered a paramount step in life: “buying a buffalo, getting married, and building a house are the most difficult tasks for the man” [12. P. 140]. Getting married and creating a family raises a man’s status to the ‘head of the family’.

In the feudal society, due to the specificity of agricultural works with multiple stages of back-breaking labor, the wife was an efficient assistant, a friend, a spiritual support and advisor for her husband in many situations, which is confirmed by the following sayings: “when husband and wife agree, they can dry up the East Sea” [12. P. 148]; “to work in the field, you need a buffalo; to get prosperous, you need a wife” [19. P. 231]; “in times of trouble, the family needs a good wife, and in tumultuous years, the country needs a good general” [19. P. 233]. Many wives sacrifice themselves for their husbands’ success, doing various jobs so that their husbands could study well and pass the qualification exams. Moreover, Vietnam often suffered from foreign invasions: when men were forced to go to war, their wives became breadwinners, replacing their husbands and doing all their jobs.

The woman’s high status is also reflected in the filial piety to mothers. According to the Chinese Confucian ethics, “a child should be respectful to his father”, while the Vietnamese Confucian ethics requires that children are respectful to both fathers and mothers. In Vietnam, there is a saying: “The fatherly immense toil is as big as Thai Son mountain; the constant motherly devotion is similar to the stream of water flowing out from a spring”. The Chinese Confucian ethics emphasizes the husband’s supreme role, while the Vietnamese one stresses a greater gender equality [3. P. 36], recommending men to respect women and to live with them faithfully and showing their devotion.

Second, there are gender issues in dividing property and inheritance. When the Emperor Le Loi ascended the throne in 1429, he introduced the “system of equal fields” (regular allocation of village arable lands to community members), according to which even concubines of officials, widows, wives and children of criminals were given arable lands. The Hong Duc Law of 1483 stipulated that daughter and son had equal rights for family property, and after marriage, that part of the wife’s

property could not be transferred to her husband's family. This rule allowed wives to have some freedom in their husbands' families. In the family without sons, the daughter inherits fields, runs a home, and is in charge of the ancestors' cult. Article 391 of the Hong Duc Law says: "Both sons and daughters shall have the right to use their deceased parents' lands. If there are no sons, daughters shall be engaged in the rites of commemorating their parents" [20. P. 232]; "If there is an eldest son in the family, he shall inherit the lands for the cult of ancestors; if there is no son in the family, the lands shall be transferred to the eldest daughter for the cult of ancestors" [15. P. 153]. In his book *Law and Society in 17th and 18th Century Vietnam*, Insun Yu writes: "According to the Vietnamese custom, if a woman gets married, she does not separate from her parents and does not transfer her property and herself into her husband's full possession. Women remain members of their parents' families... Even the property received after marriage is transferred to the wife's family if there are no children in the marriage" [4. P. 167].

Third, in marriage relations, the feudal Vietnamese legislation also stipulated some ways to protect women's rights. Article 322 of the Hong Duc Law says: "A bride shall have the right to refuse to marry before the families' final agreement if the bridegroom gets an incurable illness, commits a crime, or his property is devastated. To do this, the bride must inform the local official about this fact for the final decision and give the dowry or gifts to the bridegroom's family. If the bride commits a crime or gets an incurable illness before the final families' agreement, the dowry shall not be returned to the husband's family. Those who breach the provisions of this article shall be subject to physical punishment by caning and beaten 80 times" [15. P. 130]. In fact, the woman had the right to refuse marriage or could divorce if she considered her bridegroom or husband unworthy. Article 308 of the Hong Duc Law states: "If the husband leaves his wife for five months, the wife shall have the right to divorce, and if the ex-husband attempts to prevent his wife from getting remarried, he shall be punished" [15. P. 127]. These articles show that the legislators accepted the women's important role in the Vietnamese society.

The Chinese Confucian ethics allows a man to divorce his wife for seven reasons: 1) no children; 2) unchastity; 3) disrespect to her mother-in-law; 4) verbosity; 5) theft; 6) jealousy; 7) incurable illness. The Vietnamese ethics decreases the rigidity and severity of gender roles as the Hong Duc Code limits the men's right to divorce [24. P. 113]. Feudal laws also introduced for punishments for those who offended women. The Emperor Gia Long's Code (Article 17, Item 268) declares that anyone who harasses a woman with vulgar and obscene words must be punished. Paragraph 268 of Article 12 adds: if someone utters vulgar and obscene words unintentionally, and a woman is so shocked that kills herself, this someone shall be punished by caning.

The above examples prove the respect for women as ensured by some feudal rules. According to the culturologist Trần Quốc Vượng, the feudal Vietnamese society maintained and inherited an understanding of the crucial role of women

in the family and society. Therefore, the Vietnamese Confucian ethics aimed at protecting women's rights, the Vietnamese family, kin and tribal system. Women's position in the traditional Vietnamese society was based on the Chinese Confucian ethical ideas, but in the Vietnamese Confucian ethics they significantly changed: "interpretation of the fundamental moral categories of Confucianism were reconsidered, and a new system of ideas largely differed from the previous structure was introduced" [8. P. 38]. This transformation had a progressive impact and was intended to encourage women's creativity. These changes were not accidental — they were caused by a number of objective factors.

Causes of gender humanization of the Vietnamese Confucian ethics

Although women's positions in the Vietnamese Confucian ethics followed the ideas of Chinese Confucianism, they were somewhat modified in accordance with the Vietnamese national customs: in Vietnam, Confucianism took a shape that "complied with the pragmatic nature of the Vietnamese and their thinking which refused to accept recondite things" [1. P. 51].

Such changes were caused by the following reasons: first, since the ancient times, the Vietnamese had a tradition of respecting women, which is expressed in worshipping the woman-mother as the supreme deity. Every Vietnamese knows the legend of the ancestors' origin, i.e. the mother Au Ko and the father Lạc Long Quân, who were the nation's progenitors. In all the three regions of Vietnam (northern, central and southern), there is a sacred custom of worshipping mothers. Fairy tales, folk songs and proverbs prove respect to the Vietnamese woman. In addition, since the ancient times, Vietnamese women from all social strata have taken an active part in the political, cultural and social life. The national history and culture honors and remembers even the women of plain countryfolk descent, such as Tú Xương, Sương Nguyệt Anh etc., together with such princesses as Hoàng Thiệu Hoa (Hùng Vương epoch), An Tu (Emperor Trần Nhân Tông epoch), Huyền Trân (late 13th — early 14th century), concubine Nguyễn Thị Bích Thieu (Emperor Trần Duệ Tông epoch), princess Ngọc Hân (1700–1799), etc. Many female generals took part in governing the country and people: for instance, the Empresses Dowagers Dương Vân Nga (924–1000) and Lin Nyan successfully countered enemy raids and were ready to sacrifice themselves for the sake of peace. Triệu Thị Trinh (225–248), Bùi Thị Xuân (1752–1802), and many other heroines left their mark in the history of Vietnam and won the hearts of the Vietnamese. Their outstanding talents, virtues and self-sacrifice raised the Vietnamese women's dignity to the level of the saints: they are regarded as symbols of heroism in the history of Vietnam. It was exactly the Vietnamese women's noble beauty that changed the gender concept in the Vietnamese Confucian ethics.

Second, Vietnam went through many wars, and women had to replace men in agricultural works, constructing dams to prevent floods, working with rivers to combat drought, and to raise children, worship ancestors and produce supplies

for the front. According to the saying: “In the sacred mountains and rivers, in the deep bowels of every human soul, mother is the highest value” [3. P. 36–37]. The Vietnamese family structure also differs from the Chinese one: in Vietnam, most large and small peasant families share the same house (from three to four generations under the same roof). Farmers’ families need workforce; therefore, husbands’ and wives’ statuses became equal.

Third, changing the women’s status in the Vietnamese ethics was a way of opposing Chinese Confucianism, since “spreading Confucianism in Vietnam was one of the essential tasks of the Chinese court. It was undertaken to unify the country and to achieve political and ideological assimilation” [14. P. 82]. Confucianism brought to Vietnam was regarded by the aristocratic class as a governing tool. Chinese Confucianism stipulated a social hierarchy, in which the lower social strata was to obey the higher strata, and a wife had to obey her husband. Chinese Confucianism implied the ideas of respect to men and fathers and of neglect of women, while the Vietnamese cultural traditions always implied respect to mothers. However, due to the national character and behavior characterized by complaisance, flexibility and tolerance, the Vietnamese society, on the one hand, accepted the Confucian idea of “respecting men and neglecting women”, and, on the other hand, silently resisted it — did not follow the rule of the wife’s total subordination to her husband, did not follow the concept of ‘three obediences’ as a model for the wife’s family behavior. The Vietnamese found a rational way — the “equal agreement” between husbands and wives [7. P. 214]. Thus, in Vietnam, Confucian ethics “acquired a moderate, relatively free and pragmatic nature, ceasing to be mechanical and dogmatic” [23. P. 10]; its reform aimed at achieving a gender balance.

Confucian Ethics in the contemporary Vietnamese society

Today echoes of Confucian ethics persist in the gender role distribution, customs, traditions and other relations in various spheres of life. This influence can be either positive or negative. Let us first consider the negative impact — on employment and the division of labor. Thus, one of the negative consequences of Confucian ethics for the Vietnamese women is that it still limits women’s chances to take part in public life. In families, women still suffer from the ideology of “respecting men and neglecting women” as “women can only be allowed to do household chores”. Many husbands, regardless of their achievements, are reluctant to let their wives surpass them in education or social status. According to the International Labor Organization’s 2021 Report *Gender and the Labor Market in Vietnam*, women spend twice as many hours doing housework (20.2 hours a week) as men (10.7); almost 20 % of men do not help around the house at all [2].

The role of women is still underestimated, and professional discrimination has not yet been eliminated. In such spheres as mechanics, construction, information technologies, etc., mainly men are employed. Among 200 members of the Central

Committee of the Party of the 13th Convocation (2021), there are only 19 female deputies (9.5 %). In the party committees at all levels, the share of women is 20.8 %; at the superior levels — up to 17.4 %; in the government central party committees — 15.73 %. In the elected authorities, the share of female deputies of the National Assembly of the 15th Convocation (2021–2026) is 30.26 %; in the People’s Council at the provinces’ level (2021–2026) — 29 %; at the district level — 29.8 %. In the public administration structures at the central and local levels, by late July 2020, the share of ministries, ministerial and state departments headed by women reached 36.6 %. Thereby, Vietnam set the following goal to be reached by 2030: “Female employees shall be included in the standing committees and party organizations at all levels. The share of women among members at all the levels shall range from 20 % to 25 %, and the share of female deputies in the National Assembly and People’s Councils at all the levels shall exceed 35 %” [6. P. 60].

There is also gender imbalance in birth rate and domestic violence. Since 2007, the National Population and Family Planning Program has implemented a campaign under such slogans as “Two children are enough to raise them well” and “It does not matter whether you have a daughter or a son, two is enough”. However, today many families can choose the sex of their children before their birth; therefore, in Vietnam, the birth rate of three or four children is high, especially in families with girls born first. The reason is that the Vietnamese society is still negatively affected by the idea of respecting men and neglecting women: “ten daughters cannot be compared to one son”. Many Vietnamese still believe that the man is the family’s breadwinner, and he is responsible for inheritance and ancestors’ worship. In most clans, the sons’ names are carved in stone (as a sort of a family tree), and some money is paid for this rite. Daughters do not have such a right: according to the tradition, they join their husbands’ families after getting married; therefore, this sacred rite is not for them.

This belief is deeply rooted in the traditional Vietnamese worldview and lifestyle for generations, which is one of the basic reasons for gender imbalance in birth rate. The results of the 2019 Population and Housing Census in Vietnam revealed the birth sex ratio of 111.5 boys per 100 girls; in some provinces, the birth sex ratio reaches 120 boys per 100 girls, while the ‘natural’ ratio is 105 boys per 100 girls. According to the world statistical data, Vietnam ranks third in the birth rate of boys compared to girls after China and India. In 2020, this number reached 112.1 boys per 100 girls. The United Nations Population Fund (UNFPA) State of World Population Report (2020) mentions that Vietnam will miss 45900 newborn girls per year. This fact will not only seriously affect women’s health and work but will also lead to the situation when women would be forced to marry at an early age; in addition, this fact can result in an increase in prostitution and trafficking. The gender inequality can have a serious impact on the social-economic situation in Vietnam.

For years, Vietnam has paid great attention to the struggle against domestic violence, which is stipulated by the Constitution, Law on Marriage and Family, Law on Child Protection, Care and Education, Civil Code, and especially the

Law on Preventing and Combating Domestic Violence adopted in 2007. These documents have brought many positive changes in preventing domestic violence. However, in many regions, especially in the countryside, women still suffer from injustice and inequality. One can ask: if society develops and people's intellectual level improves why do cases of gender violence still take place? Apparently, one of the basic reasons for this extreme gender inequality is an ideology favoring men and neglecting women. One of the features of domestic violence is that many women accept or passively react to violence and discrimination in their families. They are afraid of public opinion, unaware of the laws, and strive to have a peaceful family; thereby, they do not turn to legislation for assistance, feeling too embarrassed to share this problem and believing that patience is the right way. According to the 2021 Vietnam Gender Equality Survey Report, up to 90.4 % of women physically and sexually abused by husbands did not ask the authorities for support.

The negative ideas of Confucian ethics determine a passive and dependent psychology, which prevents the development of modern and fair gender relations. The Confucian ethical thought which emphasizes women's responsibility for the family, elderly parents, husband, children, etc., has its roots in women's consciousness, habits and lifestyle inherited from the previous generations. Many Vietnamese women still have the "works–speech–visage–morality" attitude and do not struggle for their role in the family and society, fearing a more open-minded lifestyle. Women are satisfied with household chores and family care, consider these functions their sacred duties, and see their husbands' and children's success as their own. This is why, at the beginning of their marital life, many women voluntarily quit their jobs to stay at home and to take care of the family. When their family needs to solve a problem, they take time off from work to stay at home. The burdens of family care deprive women of free time, reducing their opportunities for rest, entertainment and even healthcare. As a rule, the husband has one to two hours for lunch and some time to relax in the evening, while the wife spends the lunch break on household chores and on taking care of her children.

The Confucian ethics' idea of respecting men and neglecting women also determines the discrimination of daughters in upbringing, which persists in some families, especially in the countryside, remote and isolated regions with harsh living conditions and limited educational opportunities. Such families sincerely believe that daughters are only for the future marriage — they join the husband's family, while sons will take care of parents in the future. Hence, when rural families have to choose between a son's and a daughter's education, the son is their priority. The limited educational opportunities mean that women have fewer chances for self-improvement, achievements, good jobs and gender balance in the family and society. In today's Vietnamese society, most girls have their fathers' last names, which is regarded as normal; if they take their mothers' last names, the family and society would consider it abnormal and contradicting the religious principles, which can arouse suspicions that the child is not theirs.

However, Confucian ethics has a positive impact on upbringing, family-life patterns and social stability. Women are regarded as “keepers of the family hearth”; therefore, they play an important role in family happiness. The positive aspects of “three obediences and four virtues” lead to the fact that from birth to marriage, parents teach daughters such things as neatness, politeness, etiquette, respect to the elders, etc., which for generations has contributed to creating stable happy families. In addition, Vietnamese women as influenced by the positive aspects of this ethics are faithful, devoted and loving until the end of their days. The image of the Vietnamese woman is described in an outstanding way in the fairy tale *The Life Story of the Vong Phu Stone*, the most touching symbol of the wife’s fidelity to her husband.

Nevertheless, the women’s position in the feudal epoch was humiliating. Yet, despite life hardships, the Vietnamese woman always stayed faithful to her husband and full of gratitude. All women’s thoughts, sentiments and energy aimed at keeping their families happy. Permanent wars for the country’s independence forced Vietnamese men to leave their native lands and go to the frontline. All the household chores, family hardships and keeping up traditions were the burden on the Vietnamese women’s small and fragile shoulders.

It is faithfulness that is the main feature of the relationship between husband and wife as stipulated in the *Criteria for Good Behavior in the Family* introduced by the Ministry of Culture, Sports and Tourism of Vietnam. According to the statistical data for 2019, the divorce rate in Vietnam hardly reached 2.1 % despite the negative impact of the market economy, threatening the stability of marriage and family.

In the contemporary Vietnamese society, the woman’s image can be described in four words: confidence — self-esteem — faithfulness — virtue. In addition to maternal duties, women efficiently participate in public life: “she is good in public affairs; she is good in home routines too”. In recent decades, Vietnam has made significant progress in the social-economic development; thereby, we should not ignore the role of women who account for 50.2 % of the population and 47.3 % of the workforce. The survey results show that Vietnam is one of the 20 favorable development markets for female entrepreneurs and has the most effective network of female entrepreneurs in ASEAN. According to the Ministry of Planning and Investment of late September 2019, there were almost 285.7 thousand enterprises owned by women (24 % of enterprises in the country) [10]. The Results of the surveys at the enterprises in 63 provinces and towns in Vietnam show (according to the Chamber of Commerce and Industry) that enterprises owned by women achieve better business results than those headed by men. The rate on return for women-owned businesses is 64 %, for men-owned ones — 63 %. 68.6 % of women on leadership positions have bachelor’s or master’s degree in business administration (71.9 % of men) [17]. In 2020, despite the pandemic consequences, the role of women in the social-economic development of Vietnam was impressive. According to the Mastercard Index of Women Entrepreneurs 2020 (based on the analysis of 26.5 %

of women-owned businesses), Vietnam ranks 9th of 58 countries in the number of women on leadership positions [25. P. 54].

Many women were awarded honorary titles in healthcare, education, culture, journalism, sports, etc.; many became role models, especially in education. According to the General Statistical Office, in 2019, the share of the female workforce with the university vocational and technical training was 11.3 % (men — 10.1 %). The number of female scientists keeps growing: in 2015–2020, the number of women awarded the title of associate professor increased by more than 2.6 times, the title of professor — by 1.6 times.

Funding

This publication was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 22-28-00162 “The ‘axial age’ conception in the intercultural dialogue”.

References

1. *Poetry and Prose of the Ly and Chan Dynasties*. Vol. 1. Hanoi; 1977. (In Viet.).
2. Research Report “Gender and the Labor Market in Vietnam: Analysis Based on the Labor and Employment Survey Data. Hanoi; 2021. (In Viet.).
3. Do Huy. *Ethics–Aesthetics and Cultural–Artistic Life*. Hanoi; 2002. (In Viet.).
4. Insun Yu. Law and Vietnamese Society in the 17th — 18th Centuries. Hanoi; 1994. (In Viet.).
5. Klushkina O.B. Gender studies. *Sociological Encyclopedia*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2003. (In Russ.).
6. Communist Party of Vietnam: Document of the 7th Congress of the Central Executive Committee of the 12th Convocation. Hanoi; 2018. (In Viet.).
7. Le Ngoc Van. *Family and Its Changes in Vietnam*. Hanoi; 2012. (In Viet.).
8. Le Si Thang. *History of the Vietnamese Thought*. Vol. 2. Hanoi; 1997. (In Viet.).
9. Le Si Thang. *Confucianism in Vietnam*. Hanoi; 1994. (In Viet.).
10. Minh Phuong. Women-Owned Companies’ Assessment Reports. URL: <https://dangcong-san.vn/kinh-te/cong-bo-bao-cao-danh-gia-cua-cac-doanh-nghiep-do-phu-nu-lam-chu-545220.html>. (In Viet.).
11. *Collection of the Vietnamese Folklore. Book 2: Proverbs*. Hanoi; 2002. (In Viet.).
12. *Collection of the Folklore. Book 1: Proverbs, Folk Songs*. Vol. 4. Hanoi; 1999. (In Viet.).
13. Nguyen Xuan Kinh. *Treasures of the Vietnamese Proverbs*. Vol. 1. Hanoi; 2002. (In Viet.).
14. Nguyen Cong Thuan (Ed.). *History of the Vietnamese Philosophical Thought*. Hanoi; 2006. (In Viet.).
15. *Code of Criminal Laws of the Le Dynasty, Hong Duc Code*. Ho Chi Minh; 2003. (In Viet.).
16. Sillaste G.G. Gender sociology. *Sociological Encyclopedia*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow; 2003. (In Russ.).
17. Thanh Tam. The role of women in the economic development, new rural construction, and ways to raise the bar. URL: <https://kinhtenongthon.vn/vi-the-phu-nu-trong-phat-trien-kinh-te-xdntm-va-giai-phap-nang-tam-post40928.html>. (In Viet.).
18. Pham Van Duc, Hwang Eui Dong, Kim Sea Jeong. *Confucian Social Responsibility in the Vietnamese and Korean History*. Hanoi; 2015. (In Viet.).
19. Pham Viet Long. *Proverbs and Folk Songs about Family Relations*. Hanoi; 2010. (In Viet.).
20. Pham Duy Nghia. *Law and Positive Factors of the Confucian Influence*. Hanoi; 2004. (In Viet.).
21. Phan Dai Doan. *Some Issues of Vietnamese Confucianism*. Hanoi; 1998. (In Viet.).
22. Tran Van Giau. *Development of the Vietnamese Thought from the 19th Century to the August Revolution*. Vol. 1. Ho Chi Minh; 1993. (In Viet.).
23. Tran Dinh Huou. *Tradition and Modernity*. Hanoi; 1996. (In Viet.).

24. Tran Ngoc Them. *Cultural Foundations of Vietnam*. Hanoi; 2006. (In Viet.).

25. Mastercard Index of Women Entrepreneurs. 2020. URL: https://www.mastercard.com/news/media/1ulpy5at/ma_miwe-report-2020.pdf.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-100-111

Гендерные проблемы конфуцианской этики в современном вьетнамском обществе*

С.А. Нижников¹, Фам Тиен Бак^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Политическая академия Региона II

ул. Мантхиен, 99, микрорайон Хунфу, район 9, Хошимин, Вьетнам
(e-mail: nizhnikov-sa@rudn.ru; 1042215020@rudn.university)

Аннотация. Конфуцианство, как и даосизм, входит в сокровищницу мировой духовной культуры, порожденной «осевым временем» (К. Ясперс). Однако время накладывает отпечаток даже на самые гуманистические учения, многие положения которых могут постепенно формализовываться, устаревать, требуя как «возвращения к истокам» и очищения, так и реинтерпретации и обновления. Эти процессы в их положительной и отрицательной динамике затронули и положения конфуцианской этики во Вьетнаме. В статье представлены результаты гендерного анализа вьетнамской конфуцианской этики и оценки ее влияния на современное вьетнамское общество. Конфуцианская этика внедрялась во Вьетнаме во время китайской колонизации и оказала большое влияние как на феодализм в целом, так и на отношение общества к женщине и ее положение в семье, на тысячелетие определив гендерные роли и соответствующие стереотипы. В статье обозначены общие и особенные черты гендерной проблематики в китайской и вьетнамской традиционной конфуцианской этике. Признавая множество негативных аспектов вьетнамской конфуцианской этики в отношении женщин (сковывание феодальными нормами и сдерживание личного развития), авторы показывают, что со временем эта этическая концепция была положительным образом преобразована, что способствовало гуманизации гендерных отношений. В настоящее время гендерное содержание конфуцианской этики продолжает оказывать влияние на вьетнамское общество — как положительное, так и отрицательное. Изучение распределения и динамики гендерных ролей в традиционном и современном вьетнамском обществе может предоставить интересный эмпирический материал гендерной социологии, поскольку в гендерном анализе невозможно не учитывать традиции и культуру народа.

Ключевые слова: гендерные роли; гендерные стереотипы; гендерная социология; осевое время; конфуцианская этика; современное вьетнамское общество; разделение труда; домашнее насилие, социальное положение женщины

Информация о финансировании

Публикация выполнена в рамках научного проекта РФФ № 22-28-00162 «Концепция “осевого времени” в контексте интеркультурного диалога.»

*© Нижников С.А., Фам Тиен Бак, 2023

Статья поступила 11.02.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-112-121

Social reality in the perspective of temporalism: In search of methodology*

V.N. Yarskaya-Smirnova

Saratov Gagarin State Technical University,
Politekhmicheskaya St., 122, Saratov, 410054, Russia
(e-mail: yarskayasmirnovavn@sstu.ru)

Abstract. The article aims at linking social reality with the category of temporality in the conceptual perspective based on some modifications of modernity as culture. The author explains and applies the epistemological means of the temporal turn and presents the agent-subject interpretation of social reality in a new way. The article focuses on the potential of the temporal discourse which is poorly articulated in contemporary works but is immanently inherent in the sociological science. The survey methodology provides variables related to the past and making demands on memory and the ability to reconstruct events, and also projective questions implying the respondent's ability to extrapolate patterns from the present to the future. The author summarizes the issues of time in her early and recent works and concludes that there is the temporal turn in the studies of social problems, social policy and social reality. The idea of integrating temporality and sociality results in the new components of the proposed analytical approach which emphasizes the agency of the scientific intelligentsia and updates the intellectual-educational and temporal content of the concept and thesaurus of social reality. The relevance and fundamental nature of the proposed approach are determined by the intersection of the temporality of the social life of individuals and groups with the sociological reflection of the fundamental categories and concepts of time in the academic discourse. Post-non-classical reality allows to conceptually explicate the temporality of inclusive-bifurcation sociality which explains institutional and microsocial problems of communities as non-linear worlds. The scientific-practical meaning of the proposed approach is that the concept of temporal social reality results in the study of modifications of value-symbolic and institutional characteristics of the discourse of the scientists' role as agents of post-non-classical reality.

Key words: social reality; temporalism; temporality; nonlinearity; polyphony of time; inclusive-bifurcation model

*© V.N. Yarskaya-Smirnova, 2023

The article was submitted on 08.10.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

Definitions of social reality

The conceptual apparatus of any scientific text traditionally consists of a set of basic concepts developed within the paradigm chosen by the scientific community. Social reality is discussed and defined in sociological journals and encyclopedias, and by numerous authors; there are hundreds of publications about different types and forms of social reality, and some of them even have similar titles [14; 27; 28]. Although there are many definitions of social reality, they have some common components, emphasizing that social reality is the result of actions and interactions of individuals [41]; consists of generally accepted principles, laws and social representations [48–50]; presents a social kingdom and an idea [15; 51]; implies socially accepted tendencies and speech acts [8]; combines human actions, social facts and social structures [55]. Man creates social reality [30], and social reality creates personalities [55], groups, communities, organizations and states as if real objects [1; 40], invisible webs [2], social-cultural reality [1], social world, society, social roles and statuses [10; 13; 25]; undergoes progress and degradation [9; 32]; reproduces institutions and relations, culture and politics [29; 31; 36]. Interpretations of social reality depend on the understanding of time [42; 43] and the choice of theoretical framework [23; 26]. In the ontogenesis of scientific categories, perceptual representations are distinguished from conceptual ones that are consciously accessible and support the long-term memory [8]. Whether the question is empirical or theoretical depends on the type of knowledge and the implicit representation of social world [52].

The combination of psychological and sociological approaches sets boundaries and principles for understanding social reality and temporality. On this basis, we can develop and apply a methodological tool of temporal reflection of individual events and periods of social life. In addition, the incorporation of the life-path paradigm into sociology as a part of the general conceptual trend made time, situation and process the key dimensions of the sociological theory [16; 53]. Reality is considered the biological nature of time, which added life to the picture of the universe [43; 7]. The theme of time, like the Phoenix bird, is constantly reborn from the ashes and returns us to the sociology of life [32– 34] as the most important hypostasis of social reality.

Thus, social reality is conceptually defined as the whole social life and the picture of social world. Certainly, we can fully realize the presence of temporal coloring only at the level of theory, while the transition to the academic social reality presupposes theorization of the analyzing consciousness and its products. Theory is a formal statement of the rules for the subject of research, of the ideas for explaining a fact, event or opinion [26; 49]. The central paradigm of the Newtonian scientific revolution adopted by the scientific community was a rational description of the mechanical picture of the world with a strict linear temporality, without subjectivity, personal, social and past events as memory.

Today the focus on time aims at overcoming the contradictions of macro- and micro-, objective and subjective [21; 35]. The conceptualization of temporality is evident in M. Foucault's genealogy [38] as related to social practices in time [44–46]. The social construction of time in cultural texts implies sociological, psychological, anthropological and philosophical problems, and the boundaries between them are rather conditional. However, numerous studies of social reality miss the most important methodological resource of social temporalism, which reveals integration processes between the conceptual apparatus of time and specific reality (for instance, the pandemic period as full of new meanings in the discourse of social bifurcations). In addition, the authorities do not take into account the temporal patterns of socially vulnerable groups, focusing on a higher level of justice, mitigating inequality, and achieving cohesion [44].

The scientific picture of the world plays an important role in understanding social reality by decoding many of its categories as temporal and by monitoring the academic social reality under the influence of scientific revolutions. Science is sometimes characterized as a deceptively broad name for too many different elements: special methods, knowledge, cultural values, and combinations of these components [22]. The concept of social time is rarely recognized as a special theoretical-methodological perspective, although it highlights new facets in the object and method of research in response to theoretical-methodological challenges.

Polyphony of time as a reality rather than an allegory

The diversity and non-linearity of time have long been recognized, and by ordinary people before scientists. In the 1970s, one academician said about the article on the diversity of time that it was an allegory, not a reality. This remark inspired me to write an article with an alternative title, questioning the common phylogenetic basis of the theoretical challenges for sociologists and psychologists (attitudes, dispositions, beliefs, personality traits, representations, affects, etc.) [12]. Social sciences traditionally use categories related to temporality, cultural-historical evolution of methodology and epistemology. Social reality is multidimensional and accompanied by a concept of time, temporality, as both theory and paradigm. We no longer perceive time as an abstract philosophical category, we interpret time in the individual and typological perspectives as a multilevel phenomenon connecting the processes of social reality through institutions, organizations, trajectories of lifetime and numerous types of reality. This allows to clearly explicate the temporal logic of analysis in both the mode of chronology and separate temporal perspectives.

In general, the cultural-historical evolution of the scientific picture of the world, scientific rationality, can be represented in a special academic reality that

develops temporalism (concepts and theories of time) and reveals temporality (time of various social systems). Both related categories are determined by the cultural-historical period as the path of temporalism of different epochs starts in the Antiquity and goes through Modernity to Newton, Einstein and the Copenhagener led by N. Bohr [2; 11]. There were some doubts: the theory of relativity was accepted by admitting the fallacy of Newton's theory [39] and does not prove the multiplicity of time [3]. The temporality of the scientific picture of the world corresponds to the epoch and is formed by it, inheriting the authoritative features of the past. Thus, modernism is associated with mass production, extensive and rationalized state, and cultural homogeneity. In the industrial era, the organization of culture is linear temporality dominated by centralization. For Foucault, the modern project implies a punishment society, a panopticon [38]. Rigidly deterministic standards, including the idea of the linearity of time as chronology, methodologically support the idea of strengthening the state. Classical mechanics was considered a complete theory until another reality was discovered and limited the applicability of mechanics as neglecting relativistic and quantum effects.

When natural sciences distanced from classical mechanics, the picture of reality started to change, which led to the scientific revolution headed by the active part of the scientific community. By the end of the 20th century, the classical representation of linear time no longer corresponded to new physical facts, and the theory of relativity adopted the concept of local time in the inertial reference frames. With the advent of non-classical and post-non-classical scientific pictures of the world [9], transparent global cultural flows and unambiguous class confrontations, the single time of everything disappeared, which determined a new image of reality, freedom from the absolute of the analytical approach, and synthesis of measurement and object-subject relationship. The scientific picture of the world was no longer exclusively natural-scientific, and the world appeared as a natural temporality with the inclusion of the person as merged with social reality.

Movement towards social theory of time

In the past, there was a transparent picture of the world, clear social interactions and class relations, a simplified approach to social processes, a linear, mechanical understanding of time. Changes in such a worldview meant that the image of reality with linear and substantial time was pushed out of the academic methodology which does not adapt to the new multilayered temporality but rather revises it. However, conceptualization of social reality did not exclude a combination of macro-sociological analysis (interaction of social institutions and structures) with micro-sociological study of human behavior, values, activity and lifepath choice [50; 54]. This choice is of particular importance for those theories of temporalism which construct social reality: rationality affects [1; 5; 6] all spheres of social life; ethical modifications made the concept of social action

isolated from the classical theoretical debates and a part of the discussion [5; 6; 10] on history of culture.

Time in its various forms characterizes social reality as an object of sociology [53] in the macro- and micro-dimensions: social changes, interactions, duration and saturation of life, biography and age of individuals and social groups. The micro-level of time is based on the model of virtual micro-group and of interweaving individual chains of interactions in communities [27]. Temporality is implicit for every aspect of life and requires generalization and socialization of time in the discourse of social sciences [46]. In the evolution of science, temporality appears as temporalized; in the nonlinear picture we see discontinuity of time, the effects of uncertainty and risk; therefore, the concept of turbulent time is included in the academic discourse of international temporology and sociology. For instance, the studies of the course of social life show that the concept of structuration comes from temporality and history [37]. The life world is not organized linearly; when we cannot change the paradigm or versions of the future, the unipolar world is opposed by a multipolar one, and the linear arrow of time implies divergence and inversions. The sociological interpretation of time emphasizes the significance of transformation which affects people's lives not only as a resource but also as a social-cultural code.

Every theory has its own specific language. For instance, in quantum mechanics, according to the famous principle of complementarity, there are two realities and two scientific discourses, which emphasizes the importance of 'language' as a mediator between technology and culture [39]. The 'kaleidoscope of time' as a linguistic metaphor is associated with the vertical synthesis of hierarchies of physical and existential time, and interaction with nature acquired a mental character in sociology of nature [21]. The theory of relativity implicitly uses one universal time, but its source is the course of personal inner life [1; 3]. In the academic temporal discourse, priority is given to choice, freedom, fragmentation and uncertainty [2; 3], interconnection of heterogeneous approaches, hybridization of methods, focus on the unexpected and uncontrolled [1; 8]. Social events are more important than the astronomical ones [23; 25]; social practices receive from time the order of succession, meaning and direction [4] (for example, meeting deadlines became a value). Acceleration and deceleration of time are a part of social development as people switch to slow or fast life rhythms. Historical time is no longer considered a single chronology — it is a combination of many series, and each has a specific symbol of time.

Lenin's critique of empirio-criticism [20] for decades eliminated the existential forms of time, temporality of lifepath and possibility of its construction from Soviet social science. Only after the traditional science was enriched with discoveries, new theories and methodology, scientists returned to the study of time as an essential attribute of social reality. We are grateful

to Russian and Western temporologists for the ‘rehabilitation’ of subjective time — temporality as the most important feature of personal existence and the scientific community’s creativity. Thus, social, historical, cultural and axiological interpretations of time were developed.

A path to the time paradigm

Any of us, remembering childhood with an unknown past, a flashing radiant present, and a rapidly disappearing future, in adulthood sees a completely different picture of the world, to which we try to adapt. This is how the relativity of not relativistic but vital social time manifests itself. Moral principles, supra-individual universal rules and cultural matrices regulate the socialization of time as an existential channel of the cultural paradigm. In the development of the concepts of the scientific picture of the world and of the scientific paradigm as a set of research ideas and methods (recognized by the representatives of science [18]), objectivity merges with the means and operational schemes for gaining knowledge [17]. A conceptual explanatory model, proving the heuristic potential of the temporal reflection of social reality, develops in the external and internal transformations and everyday interactions.

T. Kuhn defined normal science as a paradigm accepted by the scientific community, and the incompatibility of paradigms — as the result of the diversity of academic communities, approaches, groups and schools, without criteria delimiting sciences [18]. We believe that the context of the concept of paradigm should be considered not just cognitively but in an expanded way — as determined by the cultural-historical epoch and as a feature, a social characteristic of the epoch and the scientists’ consent. The scientific picture of the world is not only a system of ideas, theories and concepts but also the scientific community as the subject constructing this paradigm. This is a group of scientists connected by a certain methodology, by temporality of the particular time and by a system of ethical norms. Temporality of the scientific picture of social reality constantly changes due to the efforts of its main actor and creator — scientific intelligentsia. Scientific paradigm is a universal scientific achievement, a model of solutions for academic community, the role of scientific intelligentsia in the cultural evolution of science.

Time is the universal context of social life [40] as society is a trans-temporal phenomenon, existing only in and through time. One of the key challenges and disadvantages is the lack of a developed concept and paradigm of temporality in theory, which makes it problematic for sociology to justify the status of the contemporary and relevant social science [53]. Although separated by centuries and countries, time researchers have become a community, and the head of the International Society for the Study of Time (ISST) J.T. Fraser is the author of the hierarchical and conflict theory of time [51; 52].

The most important concept of post-nonclassical dynamics is the theory of open systems of the macrocosm. The flow of energy can turn a stable state into instability, and the subsequent self-organization — into a stable non-homogeneous state, a dissipative structure [24]. The time of natural resources and temporality of vital forces co-exist in the self-organization of dissipative structures, in the asymmetry of the past and the future. New rationality, the idea of instability, refutes the idea of the absolutely controlled society and affects the intellectual environment [25]. The recognition that chaotic dynamics is inherent in all non-linear systems determined the latest scientific revolution. New social reality has new temporality: time is “the fundamental dimension of our being” [25] — we accept approximations in our description of nature; we are children of the arrow of time rather than creators of evolution [24]. Synergetics as an interdisciplinary scientific theory introduced mathematical statistics into real life, and theory of bifurcations replaced the deterministic description with the agency of an evolving system.

The Interdisciplinary Institute for the Study of Time Issues in the Moscow State University analyzed the natural-scientific nature of time as a unique feature of open systems [19]. This scientific school used the ideas of post-non-classical science to structure time as a property of synergetics and bifurcation theory, which allows the system to get new qualities with small external influences. In sociology, there is a concept of social collective actions differing from revolutions: coup d’etat, riot, uprising, putsch, tension, etc. define a spontaneous expression of discontent and anxiety [40]. Instability as a result of fluctuations is first localized in a small part of social system, and then leads to its new condition. In the dissipative process, fluctuations take a new direction, lead to a further evolution of reality, and it is impossible to trace a separate trajectory of temporal development, only its probability, which is true for both natural systems and social reality. The scientific picture of the world combines intelligence and bifurcation. Social reality is not only a set of strata or classes that do not have an equal access to the resources of the system; it is also a picture of the world, a product of the scientific community as an agent of the epoch in the cultural context of the specific situation [5; 6]. Time formed by the intellectual picture of culture is filled with the values of social life, which has a qualitatively heterogeneous, hierarchical structure dependent of social and individualized interactions [43].

Thus, the post-non-classical social reality allows to explicate the fundamental theory of time as temporality of the inclusive-bifurcation social reality, which explains institutional and microsocial problems of communities as non-linear worlds. The synergetic approach shows that the transforming scientific rationality changes both the image of the world and the scientific methodology to study it. The researcher is an agent changing personal and social temporality, and the theory of time as the temporalism of the epoch. The representative

of the scientific intelligentsia constructs an academic picture of the world, the ethos of science and the scientific community, which change social reality. Therefore, the concept of temporal social reality is a theoretical-methodological tool that allows to identify modifications of value-symbolic and institutional characteristics in the discourse about the role of scientific intelligence and of scientists as agents of post-non-classical reality. Their intellectual efforts contribute to the formation of the scientific picture of reality as an academic social reality within the paradigm of the era.

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-0032.

References

1. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
2. Bohr N. Discussions with Einstein on epistemological problems in atomic physics. *Atomic Physics and Human Knowledge*. Moscow; 1961. (In Russ.).
3. Bergson H. *Duration and Simultaneity*. Moscow; 2006. (In Russ.).
4. Bourdieu P. *Practical Reason*. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
5. Weber M. *Selected Works*. Moscow; 1990. (In Russ.).
6. Weber M. *Selected. The Image of Society*. Moscow; 1994. (In Russ.).
7. Vernadsky V.I. *Philosophical Thoughts of the Naturalist*. Moscow, 1988. (In Russ.).
8. Welsh V. “Postmodern”. Genealogy and the importance one controversial concept. *Path*. 1992; 1. (In Russ.).
9. Gaidenko P.P. *Evolution of the Concept of Science. Development of the First Scientific Programs*. Moscow; 1980. (In Russ.).
10. Gaidenko P., Davydov Yu. History and rationality. *Max Weber's Sociology and Weberian Renaissance*. Moscow; 2010. (In Russ.).
11. Heisenberg V. The development of the interpretation of the quantum theory. *Niels Bohr and the Development of Physics*. W. Pauli (Ed.). Moscow; 1958. (In Russ.).
12. Devyatko I.F. Sociological theory: Old difficulties, new challenges. *Sociological Studies*. 2021; 10. (In Russ.).
13. Giddens A. *The Organization of Society. An Essay on the Theory of Structuration*. Moscow; 2005. (In Russ.).
14. Dobrokhleb V. Demographic aging in Russia and the new social reality. *Population*. 2022; 2. (In Russ.).
15. Durkheim E. Sacred objects as symbols. *Religion and Society: Textbook on Sociology of Religion*. Comp. by V.I. Garadzha, E.D. Rutkevich. Moscow; 1994. (In Russ.).
16. Ezhov O.N. The paradigm of the life path in foreign sociology. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2005; VIII (3). (In Russ.).
17. Ionin L.G. Protestant ethics and Max Weber today. *Sociological Studies*. 2021; 11. (In Russ.).
18. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow; 2020. (In Russ.).
19. Levich A.P. The image of the world through the prism of temporology. *Kaleidoscope of Time: Acceleration, Inversion, Nonlinearity, Diversity*. Saratov; 2015. (In Russ.).
20. Lenin V.I. *Materialism and Empirio-criticism. Critical Comments on a Reactionary Philosophy*. Moscow; 1984. (In Russ.).
21. McNaughten F., Urry J. Sociology of nature. Sociology and study of environmental changes. *Theory of Society. Fundamental Issues*. Moscow; 1999. (In Russ.).
22. Merton R. *Social Theory and Social Structure*. Moscow; 2006. (In Russ.).

23. Nestik T.A. Social construction of time. *Sociological Studies*. 2003; 8. (In Russ.).
24. Prigogine I. The philosophy of instability. *Problems of Philosophy*. 1991; 6. (In Russ.).
25. Prigogine I., Stengers I. *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Moscow; 1986. (In Russ.).
26. Ritzer G. *Modern Sociological Theory*. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
27. Ryazantsev S.V., Khramova M.N. The new migration reality in the era of covid-19. *Sociological Studies*. 2022; 3. (In Russ.).
28. Sogomonov A. University as a reality-generating nomination. *Bulletin of Applied Ethics*. 2022; 59. (In Russ.).
29. Sorokin P.A. *The System of Sociology*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow; 1993. (In Russ.).
30. Sorokin P. *Man. Civilization. Society*. Moscow; 1992. (In Russ.).
31. Tishkov V.A. *Requiem for Ethnos. Research in Social and Cultural Anthropology*. Moscow; 2003. (In Russ.).
32. Toshchenko Zh.T. (Ed.). *Thesaurus of Sociology: Thematic Dictionary–Reference Book*. Moscow; 2009. (In Russ.).
33. Toshchenko Zh.T. Sociology of life as a concept of the social reality research. *Sociological Studies*. 2000; 2. (In Russ.).
34. Toshchenko Zh.T. *Sociology. A General Course*. Moscow; 2001. (In Russ.).
35. Trubnikov N.N. *The Time of Human Existence*. Moscow; 1987. (In Russ.).
36. Tönnies F. *Community and Society*. Moscow; 2007. (In Russ.).
37. Forum: Theoretical and applied research. *Anthropological Forum*. 2010; 13. (In Russ.).
38. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow; 1999. (In Russ.).
39. Hütt V.P. *The Concept of Complementarity and the Problem of Objectivity in Physics*. Tallinn; 1977. (In Russ.).
40. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Moscow; 1996. (In Russ.).
41. Schütz A. Concept and theory formation in the social sciences. *Bulletin of Cultural Studies*. 2003; 1. (In Russ.).
42. Yarskaya V. Development of the concept of time. *Problems of Philosophy*. 1981; 3. (In Russ.).
43. Yarskaya V. Inversion of time: A little excursion into a big topic (reflections and memories). *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2015; 3. (In Russ.).
44. Yarskaya-Smirnova V., Yarskaya-Smirnova E. Modes of temporality in narratives about accessibility of the urban environment. *Sociological research*. 2021. No. 2. pp. 92–102. (In Russ.).
45. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. The connection of times in the research of social care // *Sociological Studies*. 2022; 1. (In Russ.).
46. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R., Zaitsev D.V. The temporality of social care: History, modernity, prospects. 30 years of social education. *Social Space*. 2022; 8 (1). (In Russ.).
47. Adam B. Social versus natural time: A traditional distinction reexamined. *The Rhythms of Society*. Ed. by M. Young, T. Schuller. London–New York; 1988.
48. International Society for the Study of Time (ISST). URL: <https://studyoftime.org>.
49. Clausen J.A. *American Lives: Looking Back at Children of the Great Depression*. New York; 1993.
50. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religions Life*. London; 2015.
51. Fraser J.T. *Time and Time Again: Reports from a Boundary of the Universe (Supplements to the Study of Time)*. Boston–Danvers; 2007.
52. Fraser J.T. *Time. Conflict, and Human Values*. University of Illinois Press; 1999.
53. Elder G.H. Jr., O’Rand A. Adult lives in a changing society. *Sociological Perspectives on Social Psychology*. Ed. by J.S. House, K. Cook, G. Fine. New York; 1995.
54. Gallistel C.R. *The Origin of Concepts*. Oxford University Press; 2009.
55. Luhmann N. *Theories of Distinction: Redescribing the Descriptions of Modernity (Cultural Memory in the Present)*. Stanford University Press; 2002.

Социальная реальность в ключе темпорализма: поиск методологии*

В.Н. Ярская-Смирнова

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина,
ул. Политехническая, 122, Саратов, 140054, Россия
(e-mail: yarskayasmirnovavn@sstu.ru)

Аннотация. Цель предпринимаемого в статье исследования — концептуально связать социальную реальность, выбрав некоторые модификации современности как культуры, с категорией темпоральности. В статье обосновываются и применяются гносеологические возможности темпорального поворота, по-новому раскрывается агентно-субъектное понимание социальной реальности. В фокусе внимания автора — потенциал темпорального дискурса, слабо артикулированного в современных публикациях, но имманентно присущего социологической науке. В опросной методологии широко представлены переменные, относящиеся к прошлому и предъявляющие требования к памяти, возможностям реконструирования событий, а также проективные вопросы, предполагающие способность респондента к экстраполяции закономерностей из настоящего в будущее. Автор анализировал проблему времени и в ранних, и последних своих трудах, приходя к выводу, что в исследованиях социальных проблем, социальной политики и социальной реальности назрел темпоральный поворот. Идея интеграции темпоральности и социальности имеет своим следствием новизну компонентов предлагаемого аналитического подхода. Научная новизна и достижимость решения поставленных задач обусловлены оригинальным конструированием обновленных, включающих агентную роль научной интеллигенции, интеллектуально-образовательный и темпоральный компонентов концепта и всего тезауруса социальной реальности. Актуальность и фундаментальность предложенной темы объясняется давно назревшим пересечением темпоральности социальной жизни индивидов и групп с социологической рефлексией фундаментальных категорий и концептов времени в академическом дискурсе. Постнеклассическая реальность позволяет концептуально эксплицировать темпоральность инклюзивно-бифуркационной социальности, объясняющую институциональные и микросоциальные проблемы сообществ как нелинейных миров. Научно-практическая значимость предложенной методологии состоит в том, что концепт темпоральной социальной реальности позволяет исследовать модификации ценностно-символических и институциональных характеристик в дискурсе роли ученых как агентов постнеклассической реальности.

Ключевые слова: социальная реальность; темпорализм; темпоральность; нелинейность; полифония времени; инклюзивно-бифуркационная модель

Информация о финансировании

Статья написана при поддержке РФФ. Проект № 18-18-00321.

*© Ярская-Смирнова В.Н., 2023

Статья поступила 08.10.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-122-141

Graphic associative test of attitudes as a convenient implicit measurement tool for mass polls*

O.L. Chernozub

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: 9166908616@mail.ru)

Abstract. Several latest elections and referendums were marked by the dramatic failure of electoral forecasts based on mass polls. To respond to the dissatisfaction of the public and politicians, alternative approaches like prediction markets, Implicit Attitude Test (IAT), expectation-based forecasts and so on were developed. IAT proves to be one of the most efficient ways to enrich the forecasting models and improve their accuracy. The problem is that the original form of IAT implies too rigid rules to be applied in the traditional mass poll. As a thorough laboratory-style measurement of nervous reactions to stimuli, IAT requires a special environment, for instance, nothing should disturb or distract respondents from performing experimental tasks. Such an environment is difficult to provide during the mass poll's fieldwork; thereby, researchers usually implement IAT on small samples. This article presents the Graphic Associative Test of Attitude (GATA) as a tool for mass polls. It is the IAT's functional analog developed by the author and tested in a wide range of pre-electoral mass polls in Russia. GATA is easy to use even with inexperienced interviewers, and its simple and intuitive-clear tasks do not create additional barriers for respondents and do not decrease the response rate. At the same time, in a reliable way, GATA identifies implicit factors of behavior and helps to improve the accuracy of forecast. As a theoretical research, this study proves the 'dual attitude' concept of the structural theory of attitude.

Key words: prediction of behavior; factors of behavior; precursors of action; dual process; two-component model of behavioral factors; attitude; structural theory of attitude; explicit attitude; implicit attitude; IAT; GATA

Problems of electoral forecasting as an example of the mass polls malfunctioning

Prediction of behavior takes giant domains in almost every sphere of social studies — from small groups to marketing and electoral forecasts. Unfortunately, despite the impressive progress of the pollster industry in the 20th century, its current state is rather problematic [38] (some authors even claim the 'crisis of sociology' under the fundamental changes in the very ontology of society as the

*© O.L. Chernozub, 2023

The article was submitted on 30.03.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

most probable driver of this situation [42]). Electoral research provides a variety of resonant and instructive examples of forecast failures. An incomplete list of such failures at the level of the industry includes 2014 parliamentary elections in Moldova, 2015 parliamentary elections in the UK, 2015 Knesset elections in Israel, 2015 referendum in Greece, 2015 presidential elections in Poland and Belarus, 2016 Brexit Referendum in the UK and 2016 presidential elections in the USA, 2017 parliamentary elections in the UK. In some cases, failures to predict the elections' winner led to the industry-level investigations. The reports of the Market Research Society and the British Polling Council in the UK and of the AAPOR in the USA are probably the most notable examples [23; 40]. These reports summarize a wide range of possible sources of errors including sampling bias, late swing effects, deliberate misreporting, etc. However, in general reports do not address the problem of the validity of the 'intentions'-based approach [see, e.g.: 9–11; 32; 43].

The proposed approach seems quite biased. Most pollsters would agree that voters' behavior can and often is determined by factors which are poorly recognized by actors and/or are misreported. These methodological problems are well-known and usually referred to as "lack of introspection" and "deliberate misreporting". The current situation is generally taken as an objective limitation of the methodology which cannot be improved in mass surveys. Rogers and Aida [38] compared the data on voters' "intentions to vote" from the poll with their actual turnout: they studied only the voters for whom they had data on voting ('sample' equal to 'universe') and eliminated any possible effect of "sampling error". Thus, any revealed mismatch of declarative intention and actual behavior was regarded as determined by validity problems. For instance, they showed a dramatic difference between the declared intentions and actual behavior: 13 % of those who declared the 'almost certain' intention to vote did not in fact voted, while 55 % of those who did not intend to vote actually voted. Moreover, the authors show that actual behavior can be relatively reliably predicted by the fact of previous voting: as respondents know whether they voted in the recent election or not, they could effortlessly make an accurate forecast for the next one. But they do not. Unsurprisingly, the last decades have brought to life many alternative models [2; 4; 5; 7; 15–18; 25–27; 34; 39; 41].

The same applies to the electoral forecasts' discussion in Russia; however, the theoretical domain of such debates is quite narrow. Despite the world-level practical experiments (panels, expectation polls, prediction markets, implicit drivers measurement), their findings still lack comprehension and interpretation with rare exceptions [see, e.g.: 6; 30; 45]. In general, the Russian research discourse follows international trends in implementing new concepts and models in the local electoral environment. Many authors admit the urgent need for the further development of the theory and practice of electoral forecasting [6; 10; 30]. The key driver here is not a general inaccuracy of the existing electoral models but rather this accuracy's instability which manifests in unexpected and unexplained faults.

Thus, according to the electoral forecasts' discussions both in Russia and abroad, mass polls are still the main method for almost every prediction model primarily due to the potential access to the voting behavior inner drivers as based on the general "single source data" concept. As for now, it seems that there is no real opportunity for mass polls to be dismissed by any 'alternative'. Unfortunately, mass polls have specific problems:

- Errors in the sample design and sampling: for instance, voters who live outside the electoral district and vote remotely are not covered by the survey; or, on the contrary, those non-voters who live in the district are interviewed.
- Access problems: for instance, supporters of the candidate represent an audience that traditionally has a higher/lower response rate.
- Late shift: at the time of the survey, voters have one opinion, and later change it. A special case of this problem is the so-called "lack of introspection": if the respondent is not involved in the political process, he may not understand his political sympathies and (quite sincerely) answers incorrectly.
- Deliberate misreporting: respondents can lie in the survey and later vote according to their real preferences.

One of the most promising attempts to improve the behavior prediction models is to introduce methods that can measure not only explicit attitudes and/or intentions but also the implicit ones. Addressing the unconscious factors of behavior allows to decrease or even eliminate biases of deliberate misreporting, late shift and lack of introspection [3; 8; 20; 37]. The most popular technique in this field is the Implicit Attitude Test (IAT).

Unfortunately, IAT has numerous limitations: for instance, Roccato and Zogmister, whose work is one of the most inspiring in the field, started from the criticism of 'conventional' (explicit) methods [37]. Their study had two methodological goals: to test the IAT's external validity on the data of the 'conventional' mass survey and to check an ability of the IAT data to improve the accuracy of electoral forecasts. The representative panel of 1377 respondents were questioned at the pre- and post-election stages during the Italian National Elections of 2006. At the first stage, IAT followed the typical pre-electoral (explicit) questions — respondents passed the test in the computer-assisted personal interview (CAPI). At the second stage, respondents made self-reports on whether they visited voting stations and which candidates they voted for. The study collected data on the explicit and implicit attitudes to candidates, intentions to vote and real (although self-reported) voting. Implicit measurements showed less correlation with actual behavior than explicit ones (especially intentions). At the same time, adding implicit parameters to the 'conventional' explicit-based prediction model slightly improved the accuracy of its forecasts. Thus, the authors concluded that they could not rely on IAT as a convenient method for mass polls primarily due to its disproportionate expensiveness and instrumental complexity [37. P. 272].

Based on the measurement of the reaction rate to stimuli, IAT requires a special environment for the participants: nothing should distract them; breaks within thematic blocks are not allowed. Such an environment is difficult to ensure during the mass poll's fieldwork. Moreover, to conduct this experiment, one needs basic computer skills: stimuli appear on the computer screen, and the participant should press the appropriate button on his keyboard as soon as possible. This creates additional difficulties in the representative survey, for example, a risk of low response rate in some social groups. Finally, the test requires thorough administration by the interviewer, which means possible additional biases due to interviewers' uncontrollable influence.

Is there a convenient alternative for IAT? If yes, then this alternative should be simple (no additional equipment, applications, etc.; no additional training for interviewers), clear (no additional pressure on the response rate; the test tasks are intuitively obvious and easy-to-do for any respondent in any sociocultural environment) and valid (allows to identify implicit effects in a reliable and distinctive way). The task to find a tool meeting all these requirements will be actual and of practical importance as long as mass poll are a leading method in electoral forecasting and other spheres. The paper methodologically assesses a prospective implicit test which seems acceptable for the 'common' pollster.

GATA: design and measurement

Given the practical limitations of the poll methodology, GATA was developed in 2015 as a functional equivalent and prospective substitute for IAT [9–11]. It is the modified Etkind's Colors Test (ECT) [12] which is a modification of the Lüscher test [29]. Initially, ECT was used to question people with cognitive dysfunctions, who could not understand the verbal constructions, i.e., it focused on addressing the unconscious structures of the mind. In ETC, respondents associate simple concepts like relatives, mates, friends, etc. with colors of the Lüscher's 'small' set; then respondents rank colors as 'pleasing' or 'unpleasing'; thus, an individual preference-rejection scale is developed to measure the participants' implicit attitude to the tested objects.

In politics, colors and color schemes are often meaningful symbols used for political identification. For this reason, we substituted the stimuli of the original ECT with 8 graphic shapes of the Markert Test [31]. These shapes have no political connotations and can be used to differentiate electoral alternatives (Fig. 1). Thus, the GATA procedure is as follows: field stage — (a) the set of graphic shapes is presented to the respondent on the screen of the CAPI device; (b) the respondent associates graphic shapes with tested objects represented by verbal concepts as the interviewer reads them in random order; (c) the respondent's mind redirects to extraneous issues (with several typical blocks of 'explicit' questions) to ensure he did not memorize the choices of the stage b; (d) the respondent rates graphic shapes from the most attractive ("beautiful shape one wants to gaze at") to less attractive ("unpleasant

shape one does not want to gaze at”); analytical stage — (e) “individual scale” of preference is formed on the basis of the d-stage ranking; (f) according to the “individual scale”, implicit preference score is attributed to every concept based on the b-stage associations.

Figure 1. Examples of K. Markert's Test stimuli used to measure voters' implicit attitudes

For example, a respondent chose the shape “C” as the most preferable and shape “D” as the less preferable; shape “C” takes the highest score 1, and shape “D” — the poorest score 8 on the respondent's “individual scale”. Then the researcher selects all tested objects associated by this respondent with these shapes and ascribes the valency of implicit attitude to the concepts, which counts as “extremely positive” for all concepts associated with the shape “C” and as “extremely negative” for those associated with the shape “D”. This algorithm is repeated for all the shapes and concepts under testing (this is only a scheme which does not limit the number of shapes and tested objects while forming a variety of summative-scale models to estimate the implicit valency scores). As a result, every tested object gets a score on the ordinal scale regardless of the particular shape preferred or rejected by every respondent due to his psychological, cultural, national, gender, age or other factors.

In the field, ranking of graphic shapes (d) takes about 1–1,5 minutes and testing of concepts (b) — up to a quarter of a minute per concept, and this process speeds to few seconds as the stimuli become familiar to the respondent. Thus, the entire set of tested objects (20–30 words or short phrases) takes up to 3–4 minutes of the interview. Instrumentally, this technique is open to the survey, CAPI or online interview but not to telephone survey. There is no need for special training of interviewers and no additional load on respondents who, as we can judge from the recorded CAPI interviews, regard GATA as a game and a chance to rest from the complicated explicit questions. Thus, two out of three attributes of the convenient implicit-factors measurement (clearness and simplicity) are evident. Moreover, we believe that for any practitioner it is quite clear even intuitively. However, if any meaningful discussion will arise on the barriers of the instrumental implementation of GATA, we will join it with enthusiasm. The question is whether GATA provides ‘better’ or at least ‘good enough’ data.

The article aims at introducing GATA as a simple but effective instrument for measuring implicit attitudes in mass polls. Therefore, our main hypotheses were as follows: H1) GATA ensured a considerable discriminative power to identify an attitude to a set of tested objects; H2) This attitude is a true

‘implicit attitude’ that cannot be reduced to the explicit one. Consequently, at the empirical level: H2a) ‘Implicit attitude’ as revealed by GATA will mismatch the conventionally measured explicit one; H2b) Implicit (GATA) and explicit associations with other variables in a basic ‘set of beliefs’ [14] will differ by scale and structure. In methodology, if these hypotheses prove that GATA is a associative test capable of revealing the implicit attitude, it fits perfectly into the structural theory of attitude, supporting the assumption of the separate origin of attitude’s components representing some theoretical contribution. According to Perugini [36], there are three possible models of theoretical structuring for the implicit-explicit aspects of attitude: additive pattern — there is a single attitude, and our perception of its explicit and implicit forms is the result of the measurement’s artificial distinctions; double-dissociation pattern — there are two independent attitudes affecting behavior (spontaneous or intentional); interactive pattern — there are two independent attitudes, and the behavior as a coherent result of their interplay. Thus, H2 — H2a and especially H2b — can additionally support the ‘double independent attitudes’ model. For practitioners, this would mean validation of a new instrument for mass polls.

Methods for examining the GATA’s results include the discriminant-power analysis of the implicit scale and its comparative analysis with ‘feeling thermometer’ and conventional explicit-measurement techniques. The article is based on the data of several national and regional election polls conducted in the 2016–2018 Russian electoral cycle by the WCIOM. Study 1: National panel-based poll in the 2016 Parliamentary election: CAPI, a multistage sampling of households with a randomization procedure in households (N = 2304; the sample standard error — 2.25 %), fieldwork in August-September, ended a week before the voting day. Study 2: Governor elections in one of the regions in 2018: the same method (N = 1604; 3.25 %), fieldwork on September 3–7, ended two days before the voting day. Study 3. Inter-election survey for the 2018 presidential elections: the same method (N = 1606; 3.4 %), fieldwork March 2017, a year before the voting day. Study 4: National poll during the 2018 presidential elections: the same method (N = 1629; 3.4 %), fieldwork on March 10–11, a week before the voting day. Study 5. Four separate polls at the governors’ elections in four regions in 2017: the same method (N = 600–606, 2407 in total; up to 4 %), fieldwork in September 2017, ended two days before the voting day.

Discriminative power

The discriminative power of the GATA technique was tested by comparing the preference-distribution for graphic shapes to the same score for tested objects. The method is based on the assumption that the set of stimuli is neutral for respondents, while the set of tested objects is not. The corresponding data is presented in Tables 1–2 (Study 3).

Table 1

**Distribution of positive and negative attitudes to Markert's Graphic Shapes
(b stage, % of choices)**

Graphic shapes	Positive	Negative
H	18,2%	10,2%
D	13,5%	11,8%
B	12,6%	11,1%
A	12,5%	10,6%
G	12%	15,3%
E	11,7%	10,9%
C	10,8%	12,5%
F	8,7%	17,6%
Mean	12,5%	12,5%
Range	9,5%	7,3%
StDiv	2,7%	2,6%

Values in Table 1 present a relatively smooth distribution — only 2 graphic shapes form extremums of the scale. In the next steps of the GATA procedures (d–f) this data transforms into the valency score of the attitude to every tested object (Study 3).

Table 2

**Distribution of positive and negative attitude to the Russian political leaders
(d–f stages, % of choices)**

Prospective candidates	Positive	Negative
G. Zyuganov	14,7%	19,1%
V. Zhirinovskiy	16%	18,3%
V. Putin	26,4%	9,3%
S. Mironov	15,2%	16,3%
A. Navalny	11,7%	20,8%
D. Medvedev	16%	16,2%
Mean	16,7%	16,7%
Range	14,7%	11,5%
StDiv	5%	4%

The comparison of the data in Tables 1 and 2 shows that the technique ensures a sufficient discriminant power to differ tested objects. The distinctions between them are stronger compared to the distinctions between stimuli and, thus, cannot be explained only by the perception of stimuli.

Table 3 presents the aggregated data to compare the relative sensitivity of GATA for well-known and almost unknown objects. We considered candidates for the president office (Study 3), non- and parliamentary parties (Study 1). Preliminary calculations were similar to the data in Tables 1–2.

Table 3

Comparative differentiation for more- and less- familiar objects compared to the differentiation of the graphic shapes

Differentiation of the graphic shapes	Candidates for presidency	Parliamentary parties	Non-parliamentary parties
Positive attitude			
Range	9,5 %	10,9%	10,9%
StDiv	2,7 %	3,2 %	3,2 %
Negative attitude			
Range	7,3 %	8,5 %	8,5 %
StDiv	2,6 %	3,1 %	3,1 %
Differentiation of the tested objects	Candidates for presidency	Parliamentary parties	Non-parliamentary parties
Positive attitude			
Range	14,7 %	10,2%	5 %
StDiv	5 %	4,2 %	2,2 %
Negative attitude			
Range	11,5 %	9,2 %	4,3 %
StDiv	4 %	3,9 %	1,5 %
Objects' value minus shapes' respective value	Candidates for presidency	Parliamentary parties	Non-parliamentary parties
Positive attitude			
Range	5,2 %	-0,7 %	-5,9 %
StDiv	2,3 %	1,0 %	-1 %
Negative attitude			
Range	4,1 %	0,7 %	-4,2 %
StDiv	1,4 %	0,8 %	-1,7 %

The data in Table 3 proves the GATA's ability to differentiate attitudes to objects as affected by the tendency of decreasing for objects less significant for respondents. Thus, the data proves H1: GATA allows to discriminate objects of attitude but is limited by the respondents' knowledge of these objects. The question is whether the revealed attitude is implicit or GATA results present, albeit in an extravagant form, a common and well-known explicit attitude.

GATA results cannot be reduced to the explicit attitude

Since the non-correspondence of explicit and implicit attitudes is widely recognized [13; 24; 35], it is necessary to identify whether the 'fraction' of attitude detected with GATA is the same as detected with the conventional technique of attitude measurement. To find out whether both 'fractions' are of the same nature, we measured the attitude of voters to several candidates in the 2017 governors' elections in Russia. The explicit attitude was measured with the 'feeling thermometer' [1; 19; 22; 28; 44], the implicit attitude — with GATA [10]. The feeling thermometer was selected due to its promise to measure the 'deep', 'emotional', 'non-reasonable' attitude, which should be the result of GATA too. At the same time, it is an 'explicit' measurement for the respondent's reaction is under the clear conscious control, i.e., under the array of effects such as deliberative misreporting, lack of introspection, and so on. Some typical results are presented in Figures 2–3 based on the data of Studies 2 and 5.

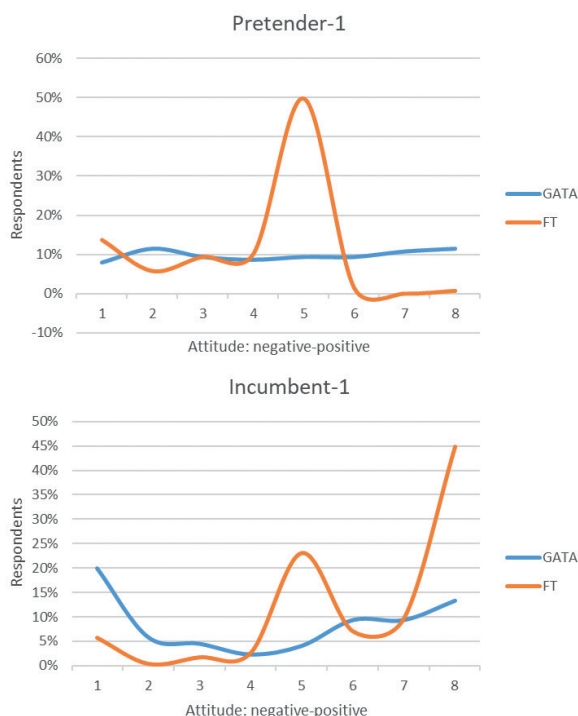

Fig. 2. Mismatch of explicit and implicit attitudes (Governor election 2017)

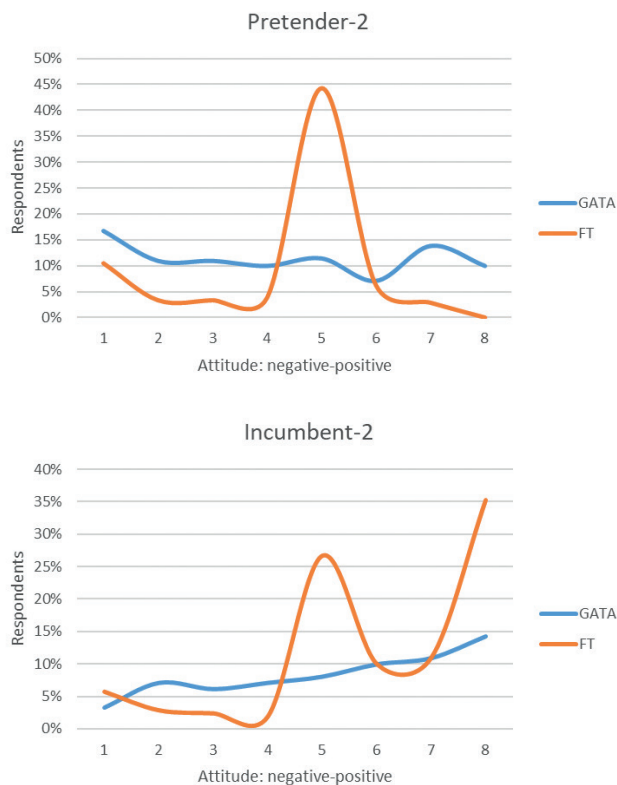

Figure 3. Mismatch of explicit and implicit attitudes (Governor election 2018)

The data shows quite a common picture for all studied cases (4 incumbents, 8 pretenders): for the incumbent, explicit attitudes shift to the positive end of the scale (arrows down), while implicit attitudes — to the negative end (arrows up); for the pretender, implicit attitudes (30 % of respondents) shift to the positive end, while explicit attitudes do not. The explicit scale is dramatically shifted to the center, which can mean the respondents’ intention to hide in the ‘neutral’ zone due to their deliberate misreporting or lack of introspection.

In general, the study confirms that the incongruity of explicit and implicit attitudes to the same candidate is not unusual. Figure 4 represents the mismatch of GATA’s and feeling thermometer’s data for the most popular opposition leader G. Zyuganov compared to the President V. Putin (Study 3). The opposition leader Zyuganov has a stronger implicit support than is showed by respondents explicitly, while the attitude to Putin is consistent, reflecting the national consensus proved by a range of sources — from mass polls to elections.

The mismatch of the GATA results with the ‘verbal’ explicit attitude is even more dramatic (Table 5). The explicit attitude was measured with the question “Victory of which candidate for presidency suits your interest the most?”. Supporters of three leading candidates in 2018 were grouped by the explicit attitude (columns) and split by the implicit attitude (Study 4). The data in Table 5 shows the consistent

attitude only to Putin as a candidate. For Grudinin, 68 % of his ‘explicit supporters’ have a positive implicit attitude to him; for Zhirinovskiy even less — 35 %. Quite unexpectedly, 31 % of Grudinin’ and 61 % of Zhirinovskiy’s ‘explicit supporters’ have positive implicit attitude to Putin.

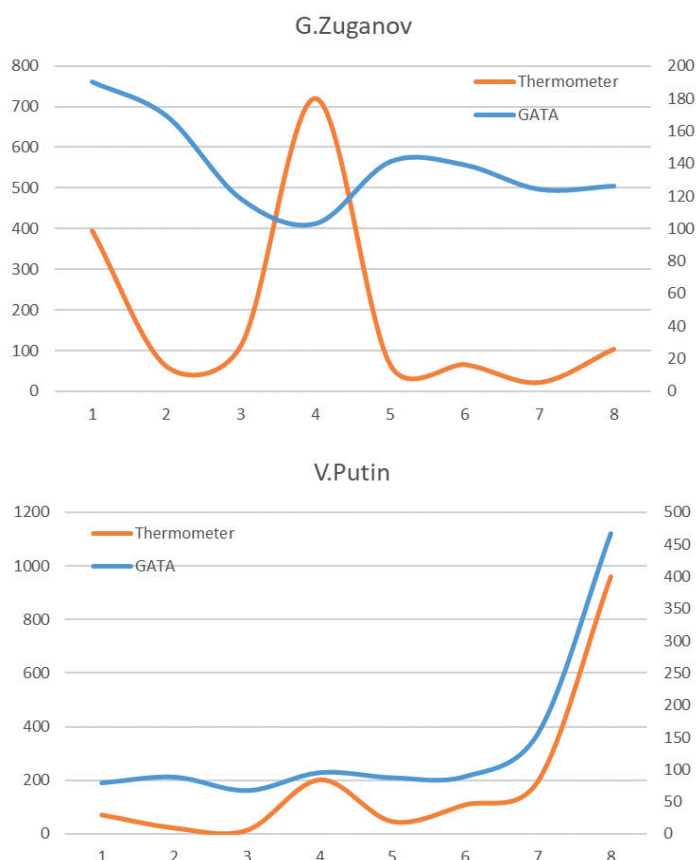

Figure 4. Cases of experimental and control data match/mismatch

Table 5

Correspondence of explicit and implicit attitude to the most popular candidates, 2018

Positive implicit attitude	Explicit preference		
	P. Grudinin	V. Zhirinovskiy	V. Putin
P. Grudinin	67,7 %	3,8 %	0,4 %
V. Zhirinovskiy	1 %	35 %	0,2 %
V. Putin	31,3 %	61,3 %	99,4 %

The aggregated data of the same analysis in Studies 1, 3, 4, 5 is presented in Tables 6-7 and allows to conclude that the mismatch of the implicit (GATA) and explicit attitudes (conventional measurements) is common. Thus, the H2 “implicit attitude revealed by GATA will mismatch the conventional measurement of explicit attitude” was proved.

Table 6

Shares of the consistent attitude in the group of ‘explicit supporters’ in the national surveys (parliament and president elections; study number in brackets)

Objects of attitude	Share of the consistent group
V. Putin (4)	99,4 %
V. Putin (3)	85 %
S. Mironov (3)	72,4 %
P. Grudinin (4)	67,7 %
United Russia (1)	67,7 %
G. Zyuganov (3)	67,2 %
V. Zhirinovskiy (3)	64,8 %
LDPR (1)	62,2 %
G. Yavlinsky (3)	57,1 %
CPRF (1)	55,7 %
Just Russia (1)	52 %
V. Zhirinovskiy (4)	35 %
Mean	65,5 %
StDiv	16,2 %
Range	64,4 %
Without V. Putin	
Mean	60,2 %
StDiv	10,9 %
Range	37,4 %

**Shares of the consistent attitude
in the group of ‘explicit supporters’ (governors’ election)**

Objects of attitude (Study 5)	Share of the consistent group
A. Didenko	72,7 %
K. Kuvaishev	69,7 %
M. Paramonov	66,7 %
S. Zhvachkin	66,7 %
O. Postnitsov	62,5 %
M. Reshetnikov	62,5 %
D. Mironov	58,4 %
A. Parfenchitsov	50 %
I. Peteliaeva	50 %
I. Filatova	44,4 %
D. Ionin	40 %
Mean	58,5 %
StDiv	10,8 %
Range	32,7 %

The descriptive statistics for different sets of data (outliers omitted) are almost the same, which is probably determined by the natural mechanics of implicit and explicit drivers’ interplay, i.e., H2a gets an additional and strong proof.

GATA and conventional explicit measurements differ by factors

The above-mentioned discrepancy is determined by a quite autonomous origin of fractions of attitude as revealed by GATA and conventional tests, especially by the incongruity of the structure of associations in the GATA’s and control method’s results with the basic ‘set of beliefs’ in terms of TRA/TPB. To prove this, we compared the associations of GATA and explicit attitude (“Victory of which candidate for parliament/presidency suits your interests the most?”) variables with the set of other common ANES-origin variables. 0.05+ Chi-square was set as a threshold for the proved association. The aggregated results are presented in Table 8 (summarized data of Studies 1 and 4).

**The incongruity of associations' structure for the true explicit
and presumably implicit components of attitude
(number of associations with ANES variables)**

Category of associations	Political and social	Economy	Demography	Total
Only explicit component has an association	20	1	6	27
Both have an association	40	5	2	47
Only implicit component has an association	5	0	0	5
Both have no association	16	1	3	20
Total	82	7	11	99

Thus, 47 out of 99 typical ANES variables have an association with both variables (implicit and explicit attitudes), 27 variables have an association only with explicit variables, 5 — only with implicit ones. It is not surprising that explicit attitudes are deeply rooted in the variables measured with a consciousness-addressing questionnaire and are related to 74 variables in total. The implicit attitude is associated with traditional ‘cognitive’ variables in a relatively poor way with 52 (47+5) associations. Thus, 32 (27+5) variables represent a domain with mutually exclusive associations, i.e., almost a third of the considered associations is generated by forces acting separately for implicit and explicit attitudes.

The nature of these forces can be assessed with the data in Table 9 presenting the values of the Somers' D for associations (only for $D = 0.05+$ for the implicit/explicit variable as dependent versus as independent). The first part of the table represents variables-factors for the implicit attitude, the second part — for the explicit attitude, the central part — for both. The priority of variables was set by the difference between Somers' D values for implicit and explicit variables; empty cells represent the insufficient statistical significance. The composition of associations revealed by this analysis slightly differs from that of Chi-square due to the different set of variables (only ranked variables are used for Somers' D) and to the peculiarities of calculations (Study 5). “Ideologically biased” questions (In commas) started with “Do you agree or disagree...”; UR stands for the United Russia — the most popular party headed by the prime minister D. Medvedev. The implicit attitude was measured by GATA, the explicit one by the question “Victory of which party at the upcoming election suits your interests the most?”.

Table 9

Sets of predicting factors for implicit and explicit components of attitudes

Variables	Implicit as dependent,	Explicit as dependent,
	Somers' D	Somers' D
Do you approve the activity of the Prime Minister	.346	
“UR is able to ensure the country’s development”	.325	
“UR is a party of real deeds”	.306	
Do you approve the activity of the State Duma	.26	
“UR fights for common people”	.251	
“Most of the UR party’s members have high moral standards”	.236	
“Real party’s activists took part in the UR’s primaries”	.137	
Do you approve the reunification of Crimea with the RF	.077	
Do you pay attention to the political parties’ position on Crimea’s reunification	.074	
Do you think that Western sanctions were imposed because of Crimea	-.046	
Do you approve the activity of President V. Putin (3 rd wave)	.426	.203
I have travelled abroad in the last three years	.043	-.052
Do you trust the Minister of Defense S. Shoigu	.132	.103
Do you think the reunification of Crimea brings more advantages or disadvantages	.128	.107
“The state power should be changed only by lawful means”	.111	.1
Do you trust the Minister of Foreign Affairs S. Lavrov	.059	.052
Do you trust President V. Putin	.226	.231
“The head of the state should remain in power as long as possible”	.203	.204
“Most of the UR’s members are ordinary people”	.183	.215
Do you approve the activity of President V. Putin (2 nd wave)	.173	.205
Do you approve the activity of President V. Putin (1 st wave)	.149	.26
I have discussed political issues in social media		-.117
I have discussed political issues on Internet forums		-.117
I have read news on the Internet		-.092
I have commented news on the Internet		-.097
I have read news of culture and arts		-.047
In general, do you feel yourself secure or not		.09
I support the strengthening of the national legislation		.148

The data in Table 9 supports the conclusion that implicit and explicit attitudes have independent sources: not only implicit and explicit sets of independent variables differ but also variables that constitute these sets. Most variables affecting the implicit attitude are indicators of ‘true’ beliefs and dispositions: “UR is able to ensure the country’s development”, “UR is a party of real deeds”, etc. Next to this core set, there are two remarkable variables of approving the activity of the

Prime Minister (party's official leader) and of the State Duma (In which UR keeps majority for years). Surprisingly, the same does not apply to the explicit attitude. Crimean issues are presented in the set of implicit drivers, but it is a temporary factor and most probably supports the general assumption that a stimulus first affects the unconscious sphere and then is (or not) introspected. Unlike implicit attitude factors, the explicit ones are mainly presented by self-reports of behavioral patterns: "I have discussed political issues in social media", "I have read news of culture and arts", etc. The main part of common factors is variables of approval/trust: "Do you approve the activity of President V. Putin", "Do you trust the Minister of Foreign Affairs S. Lavrov", and so on. This massive includes several indicators of predispositions like "The head of the state should remain in power as long as possible" and behavioral self-reports like "I have travelled abroad in the last three years". However, these variables are not typical for a "common set".

We might assume that variables of assessment represent the true nature of the intermediate sector in which both implicit and explicit attitudes are affected by the same factors. If so, we get a scheme with beliefs and predispositions primarily affecting implicit attitudes, and behavioral patterns — mainly explicit ones. Certainly, we need more studies and proofs of this scheme, but it looks logical and supporting the general theoretical model [14] and potentially important conclusion: in some cases, implicit and explicit attitudes mismatch and are driven by incongruent sets of factors.

Therefore, H2b "Implicit (GATA) and explicit (conventional) associations with other variables representing basic 'set of beliefs' as per TRA/TPB will differ by scale and structure" was reliably proven. All the above findings prove that the mismatch of the GATA results and conventional measurements of explicit attitudes is a common phenomenon, i.e., a 'fraction' of attitude, which GATA can reveal, is a true implicit attitude that is relatively more secure from the conscious intervention, clearly not reducible to explicit attitude, and has still unclear but specific nature and sources.

Thus, GATA provides the data which represents a fraction of attitude with accuracy sufficient to reliably differentiate objects relatively familiar to respondents; this fraction is incongruent to the traditionally measured explicit attitude due to lesser dependence from conscious factors; when comparing the attitude revealed by GATA with the traditionally measured explicit attitude, we see the incongruence of respective sets of associations with a basic 'set of beliefs', i.e., these attitudes most probably have their own nature and origin. Therefore, we proved the initial assumption that GATA reveals a true implicit attitude, being limited by the respondents' knowledge of tested objects (the lack of recognition leads to the expectable unavailability of differentiation). Certainly, more limitations and peculiarities will be identified in further research. Nevertheless, today GATA seems

a promising functional tool in situations when more sophisticated analogues are too complex or too expensive (GATA needs neither special equipment and software nor special training for interviewers and provides a lot of data in a reasonable duration of interview at least in mass polls).

Is the development of GATA worth the efforts? No doubt. Table 10 presents the data on the comparative accuracy for explicit-only ('common') and two-factors (explicit and implicit combination — 'experimental') models:

Vote intention (VI) — the share of respondents who choose a specific candidate or party when answering a direct VI question (the candidate's future share of votes).

Vote intention confirmed (VI c) — the same as VI but filters out voters who gave a negative answer to the auxiliary question "Is your intention to vote for this candidate unchangeable?" (Y — cannot change, N — can change).

Likelihood to vote — vote intention (LVVI) — the most common approach among basic forecast models, which regards vote intentions only of those who promised to vote when answering the question "Will you vote in the upcoming elections of... or not?"

Table 10

Experimental and control models: A prediction improvement trend

Models	VI	VIc	LVVI	On average
Control models, average weighted error				
State Duma 2016	25.3 %	16.6 %	24.9 %	22.3 %
President 2017	44.5 %	40.1 %	39.1 %	41.2 %
President 2018	24.7 %	25.3 %	9.6 %	19.9 %
Experimental models, average weighted error				
State Duma 2016	20.7 %	9.9 %	18 %	16.2 %
President 2017	38 %	25.7 %	40.1 %	34.6 %
President 2018	21.3 %	26.1 %	8.5 %	18.6 %
Improvement, points of average weighted error				
State Duma 2016	4.6 %	6.7 %	6.9 %	6.1 %
President 2017	6.5 %	14.5 %	-1 %	6.6 %
President 2018	3.5 %	-0.8 %	1.1 %	1.3 %
On average, points of average weighted error	4.8 %	6.8 %	2.3 %	4.7 %

The set of experimental models — VI, VI c, LVVI — was affected only by an additional filter: the group of voters with the negative implicit attitude to the candidate was eliminated from the subsample of his 'likely voters', based on the assumption that such voters with contradictory intentions have relatively fewer motives to invest time and efforts in voting. The data is presented as an average

error for a group of candidates with the result of 5 % or higher in the elections; every forecast value was compared with the real result. The general average incremental accuracy effect is quite stable at about 4.7 %: at the level of average values, it was detected for all three models (VI — 4.8 %, VI с — 6.8 %, LVVI — 2.3 %) and for all three forecasting attempts (2016–6.1 %, 2017–6.6 %, 2018–1.3 %). Out of 9 aggregated results, only 2 revealed a slight negative effect, while 6 — a strong positive effect (3.5–14.5 %), and 1 — a slight positive one (1.1 %). Hopefully, this means that we can and most probably should keep trying to use GATA in mass polls in order to get a wider access to the domain of implicit measurements.

References

1. Alwin D.F. Feeling thermometers versus 7–point scales: Which are better? *Sociological Methods and Research*. 1997; 25 (3).
2. Anson I.G., Hellwig T. Economic models of voting. *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. Wiley; 2015.
3. Arcuri L., Castelli L., Galdi S. et al. Predicting the vote: Implicit attitudes as predictors of the future behavior of decided and undecided voters. *Political Psychology*. 2008; 29.
4. Arrow K., Forsythe R., Gorham M. et al. The promise of prediction markets. *Science*. 2008; 320.
5. Atanasov P. et al. Distilling the wisdom of crowds: Prediction markets versus prediction polls. *Academy of Management Proceedings*. 2015. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2015.15192abstract>.
6. Baskakova Yu. Techniques and methods of political forecasting in the 2016–2018 elections. *Elections after the Crimea*. Fedorov V. (Ed). Moscow; 2018. (In Russ.).
7. Celli F., Stepanov E.A., Poesio M., Riccardi G. Predicting Brexit: Classifying agreement is better than sentiment and pollsters. *Proceedings of the Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotions in Social Media*. Osaka; 2016.
8. Choma B.L., Hafer C.L. Understanding the relation between explicitly and implicitly measured political orientation: The moderating role of political sophistication. *Personality and Individual Differences*. 2009; 47.
9. Chernozub O.L. The two-component model of behavior factors: Evidences of orthogonality of explicit and implicit factors. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (1).
10. Chernozub O.L. Implicit factors and inconsistency of electoral behavior: from a theoretical concept to an empirical phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; No4.
11. Chernozub O.L. Implicit factors and inconsistency of electoral behavior: From attitude to behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 5.
12. Etkind A.M. The color test of attitude. *General Psychodiagnostics*. Moscow; 1987. (In Russ.).
13. Himmelfarb S., Eagly A.H. Orientations to the study of attitudes and their change. S. Himmelfarb, A.H. Eagly (Eds.). *Readings in Attitude Change*. New York; 1974.
14. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach*. New York–Hove; 2011.
15. Ganser C., Riordan P. Vote expectations at the next level. Trying to predict vote shares in the 2013 German Federal Election by polling expectations. *Electoral Studies*. 2015; 40.
16. Gayo-Avello D. A meta-analysis of state-of-the-art electoral prediction from Twitter data. *Social Science Computer Review*. 2013; 31.
17. Graefe A. Accuracy of vote expectation surveys in forecasting elections. *Public Opinion Quarterly*. 2014; 78.
18. Graefe A. *Political Markets*. Sage Handbook of Electoral Behavior; 2016.

19. Green D.Ph. On the dimensionality of public sentiment toward partisan and ideological groups. *American Journal of Political Science*. 1988; 32 (3).
20. Greenwald A.G., Poehlman T.A., Uhlmann E.L., Banaji M.R. Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009; 97 (1).
21. Greenwald A.G., Smith C.T., Sriram N., Bar-Anan Y., Nosek B.A. Implicit race attitudes predicted vote in the 2008 U.S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2009; 9.
22. Jacoby W.G. Feeling thermometers. Candidate Evaluation Conference Proceedings. 1994. URL: http://www.electionstudies.org/conferences/1994Candidate/1994Candidate_Jacoby.pdf.
23. Kennedy C. et al. An Evaluation of 2016 Election Polls in the United States. URL: <https://www.aapor.org/getattachment/Education-Resources/Reports/AAPOR-2016-Election-Polling-Report.pdf.aspx>.
24. Kiesler Ch.A., Collins B.E., Miller N. *Attitude Change. A Critical Analysis of Theoretical Approaches*. New York; 1969.
25. Kou S.G., Sobel M.E. Forecasting the vote: A theoretical comparison of election markets and public opinion polls. *Political Analysis*. 2004; 12.
26. Leigh A., Wolfers J. Competing Approaches to Forecasting Elections: Economic Models, Opinion Polling and Prediction Markets. IZA Discussion Papers. No. 1972. Bonn; 2006.
27. Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic models of voting. *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Ed. by J. Dalton, H.–D. Klingemann. Oxford University Press; 2007.
28. Lupton R.N., Jacoby W.G. The Reliability of the Anes Feeling Thermometers: An optimistic assessment. Presentation at the 2016 Annual Meetings of the Southern Political Science Association. San Juan–Puerto Rico; 2016.
29. Lüscher M. *The Luscher Color Test*. New York; 1990.
30. Mamonov M.V., Gavrilov I.V., Vyadro M.A. Imitational features of the 2018 presidential elections and their impact on the next electoral cycle: Results of public opinion polls. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 4. (In Russ.).
31. Markert C. *Test Your Emotions*. Wellingborough; 1980.
32. Mercer A., Deane C., McGeeney K. Why 2016 election polls missed their mark? URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/11/09/why-2016-election-polls-missed-their-mark>.
33. Metaxas P.T., Mustafaraj E., Gayo-Avello D. How (not) to predict elections: Privacy, security, risk and trust. *2011 IEEE Third International Conference on Social Computing*. Boston; 2011.
34. Murr A.E. The wisdom of crowd: Applying Condorcet's jury theorem to forecasting US presidential elections. *International Journal of Forecasting*. 2015; 31.
35. O'Keefe D.J. *Persuasion: Theory and Research*. Sage; 1990.
36. Perugini M. Predictive models of implicit and explicit attitudes. *British Journal of Social Psychology*. 2005; 44.
37. Rocco M., Zogmaister C. Predicting the vote through implicit and explicit attitudes: A field research. *Political Psychology*. 2010; 31.
38. Rogers T., Aida M. Why Bother Asking? The Limited Value of Self-Reported Vote Intention. Harvard Kennedy School of Government. Faculty Research Working Paper Series. 2012. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:hrv:hksfac:7779639>.
39. Rothschild D., Wolfers J. Forecasting Elections: Voter Intentions versus Expectations. 2012. URL: <https://ssrn.com/abstract=1884644>.
40. Sturgis P., Baker N., Callegaro M. et al. *Report of the Inquiry into the 2015 British General Election Opinion Polls*. London; 2016.
41. Tumasjan A., Sprenger T.O., Sandner P.G., Welpe I.M. Predicting elections with Twitter: What 140 characters reveal about political sentiment. *Proceedings of the 4th International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. AAAI Press; 2010.
42. Vandenberghe F. On the coming end of sociology. *Canadian Review of Sociology = Revue Canadienne de Sociologie*. 2019; February. <https://doi.org/10.1111/cars.12238>.

43. Whiteley P. Four reasons why the polls got the U.S. election result so wrong. URL: <http://www.newsweek.com/polls-2016-us-elections-trump-potus-hillary-clinton-520291>.
44. Wilcox C., Sigelman L., Cook E. Some like it hot: Individual differences in responses to group feeling thermometers. *Public Opinion Quarterly*. 1989; 53 (2).
45. Yarygin G., Yarygin O. Modeling of electoral process: From conceptual model to computer simulation. *Azimuth of Science and Research*. 2016; (1). (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-122-141

Графический ассоциативный тест отношения как удобный инструмент имплицитного измерения в массовых опросах*

О.Л. Чернозуб

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: 9166908616@mail.ru)

Аннотация. Несколько последних выборов и референдумов ознаменовались очевидными провалами предвыборных прогнозов, основанных на массовых опросах избирателей. В ответ на недовольство общественности и политиков стали появляться альтернативные подходы, такие как «рынки прогнозирования», тест неявного отношения (ИАТ), прогнозы, основанные на ожиданиях, и т.д. ИАТ представляется одним из наиболее эффективных способов обогащения моделей прогнозирования и повышения их точности. Однако проблема в том, что первоначальная форма ИАТ устанавливает жесткие методические ограничения, вписаться в которые традиционные массовые опросы просто не могут. Являясь тщательным лабораторным измерением нервных реакций на раздражители, ИАТ требует создания особой среды, например, ничто не должно беспокоить или отвлекать респондента во время выполнения экспериментальных заданий. Такую среду трудно обеспечить во время массового опроса, и обычно исследователи используют ИАТ в лабораторных условиях на малых выборках. В статье графический ассоциативный тест отношения (GATA) представлен в качестве способа измерения имплицитной компоненты социальной установки, пригодного для использования в массовых опросах. Насколько можно судить по накопленным данным, это функциональный аналог ИАТ, протестированный в широком спектре предвыборных массовых опросов в России. Его легко реализовать даже с неопытной сетью интервьюеров, поскольку простые и интуитивно понятные задачи не создают дополнительных барьеров для респондентов и не влияют на уровень отказов. В практическом плане GATA достаточно надежно выявляет имплицитные факторы поведения и помогает повысить точность его прогноза. В теоретическом плане представленные в статье данные подтверждают концепцию «двойственных моделей» структурной теории установки.

Ключевые слова: прогнозирование поведения; факторы поведения; двойственный процесс; двухкомпонентная модель факторов поведения; установка; структурная теория установки; эксплицитная компонента установки; имплицитная компонента установки; тест неявного отношения (ИАТ); графический ассоциативный тест отношения (GATA)

*© Чернозуб О.Л., 2023

Статья поступила 30.03.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-142-155

Корпоративная культура организации: управление социальным капиталом в условиях вызовов и рисков*

Ф.И. Шарков^{1,2}, В.И. Гостенина³, И.М. Лоскутова^{4,5}, Е.Ю. Сычева³

¹Московский государственный институт международных отношений,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 84, Москва, 119606, Россия

³Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
ул. Бежицкая, 14, к. 2, Брянск, 241036, Россия

⁴Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова,
ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, Москва, 117997, Россия

⁵Московский педагогический государственный университет,
ул. Островитянова, 1, Москва, 119991, Россия

(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; v.gostenina@yandex.ru;
im.loskutova@mpgu.su; lupenkova@yandex.ru)

Аннотация. Критерии анализа эмоционально-психологических состояний персонала организации предполагают изучение капитализации культурных ценностей и отображение результатов в виде математических показателей проективной ситуации. В статье корпоративная культура рассматривается с позиций капитализации культурных ценностей коллектива и деловой репутации компании. Базу исследования составили метрические данные (параметры) капитализации культурных ценностей в контексте их применения для оценки поведения и культурного этоса коллектива организации. Объектом прикладного исследования выступил трудовой коллектив частного предприятия по предоставлению услуг в топливно-энергетической сфере с точки зрения социальных факторов формирования корпоративной культуры (был проведен опрос персонала и менеджеров организации о социально-психологическом климате в коллективе; выборка квотная; опрошено 16 менеджеров и 100 человек персонала). Результаты исследования позволяют разработать технологию эффективного управления корпоративной культурой в условиях новых вызовов и рисков. На основе анализа работ классиков социологии обоснованы традиции сотрудничества, доверия и взаимности. В качестве критериев (параметров) оценки социального капитала выделены раскрывающие способности персонала социальные нормы, сформированные организацией за определенный период. Исследование показало разночтения в оценке параметров корпоративной культуры со стороны менеджеров и персонала. Так, руководители отводят большую роль такому параметру, как эмоционально-психологическое состояние коллектива, а персонал невысоко оценивает взаимопонимание микрогрупп и проявляет меньшую эмоциональную вовлеченность. Такое положение дел подтверждает наличие проблем в управлении корпоративной культурой как социальным капиталом.

*© Шарков Ф.И., Гостенина В.И., Лоскутова И.М., Сычева Е.Ю., 2023

Статья поступила 05.05.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

Ключевые слова: эмоционально-психологическое состояние; корпоративная культура; персонал организации; социальный капитал; социально-психологический климат; технология управления корпоративной культурой

Предлагаемая многими исследователями универсальная технология формирования корпоративной культуры породила в социологии управления множество трактовок. Проблемы развития корпоративной культуры в современных условиях предопределили необходимость ее изучения в зависимости от стратегических целей организации, типа лидерства и имеющихся рисков [15]. В теоретико-прикладном аспекте не менее важен вектор формирования корпоративной культуры в контексте капитализации культурных ценностей, ориентированных на прибыль и оптимизацию корпоративно-управленческого взаимодействия в гибкой организации производства; социокультурная капитализация базируется на управлении социальным капиталом.

В трудах российских ученых корпоративная культура редко анализируется с позиций управления социальным капиталом — он в основном рассматривается как статусная характеристика субъектов [16]. Социально-технологический ракурс управления социальным капиталом в цифровом пространстве обычно представлен процессом цифровизации и визуализации, развитием социальных сетей и интернет-платформ [29]. Развитие искусственного интеллекта и агентное моделирование социальной реальности внесли определенный хаос, рассинхронизацию в привычные модели функционирования организаций, которые сегодня «функционируют на стыке повседневных темпоральностей» [27]. Нивелирование «технологического контроля над биологическим временем» [17; 18] существенно преобразовало социальные темпоральности в образовании социального капитала, причем общесоциологические категории (статус, мобильность, стратификация и др.) обрели исключительно прагматический характер, а категория «ценность» трансформировалась в инструментальную функцию корпоративной культуры. Одним словом, под вопрос поставлена привычная механика капитализации, функционирующая на стыках темпоральностей: императив капитализации производительного труда трансформируется в социальный статус и отражается в социальном поведении и знаках социальной принадлежности [11].

Процесс капитализации труда [17] подводит привычную форму обмена к символической: обмен приобретает функцию интеграции людей в социальную систему, т.е. удовлетворяет общественную потребность в социальной солидарности. Нарботанный таким способом социальный капитал оказывает влияние на способность людей перейти от механической солидарности к органической [9]. Современное звучание теории Э. Дюркгейма предполагает способность устанавливать прочные связи и создавать групповую коллективность на основе консенсуса или сходства позиций. Статусное позиционирование в обществе и в конкретной трудовой организации порождает новое значе-

ние накопленного социального капитала, которое проявляется в сокращении статусной дистанции в категориальной паре «менеджер — персонал».

П. Бурдые рассматривал социальный капитал как основополагающий индикатор статусного позиционирования: значение социального капитала заключается в возможности, которую человек получает благодаря своему происхождению; и это значение может быть символическим, культурным, экономическим, политическим, информационным и юридическим [3]. В середине 1990-х годов Р. Патнем исследовал роль социального капитала в демократизации рыночного пространства на основе массива эмпирических данных: оказалось, что традиции сотрудничества, доверие, социальные нормы взаимности помогают добиваться успеха и могут рассматриваться в качестве индикаторов величины социального капитала [19]. Сравнительно-обобщающая характеристика социального капитала представлена Патнемом по аналогии с человеческим капиталом, инструментами и методами обучения, «которые повышают индивидуальную продуктивность, а “социальный капитал” включает социальные сети, нормы и социальное “доверие”, что соответствуют координации действий и сотрудничеству для взаимной выгоды» [28]. Патнем отводит особую роль формированию социального капитала в общественных ассоциациях, где устанавливается особенно продуктивный и доверительный формат общения.

Объединение членов общества в разные общественные ассоциации (первичные, вторичные и третичные) предполагает активное взаимодействие людей, материальный вклад в виде членских взносов, опосредованную интеракцию, ориентацию на общие символы и идеалы, а также лидеров и другие сообщества, которые зачастую не знают о существовании друг друга. Все эти аспекты размывают границы организации как коллективности, устраняя барьеры для формирования социального капитала. В то же время в сетевых организациях каждая единица устанавливает системы электронного контроля собственных границ, чтобы запретить «обобщенному другому» доступ к своим ресурсам, тем самым «запирая» внутреннюю жизнь организации. В этих случаях можно отслеживать ассоциативные отношения как внутри организации, так и вне ее. В случае возведения барьеров между «своими» и «чужими» идентичность «своих» определяется карточной или электронной системой подтверждения личности. Соответственно, исследование величины социального капитала посредством дискурс-анализа [5; 15; 20] определяют не личные качества индивида, а закодированные организацией их репрезентации, и специальные трансформации входа в доверие рассматриваются с учетом воздействия механизма регуляции взаимодействия на базе традиционных ценностей.

Сегментирование социальной организации очерчивает границы и величину социального капитала каждой личности, функционирующей в ее пространстве. «Социальная связанность» членов организации может

рассматриваться как индикатор социального капитала и как «аттрактор» очерченных организацией норм, способствуя координации сотрудничества для получения синергетического эффекта. Бинарность процесса капитализации культурных ценностей в границах организации приводит к рассогласованию между абстрактной величиной социального капитала и нарастающим количеством пространственных и физических границ, которые поддерживаются организациями. Процесс капитализации культурных ценностей общества, с одной стороны, направлен на достижение желаемого будущего состояния коллектива путем установления комфортного, доверительного межличностного и внутригруппового взаимодействия. С другой стороны, в ходе капитализации определяются критерии и альтернативы моделей поведения, что позволяет выбрать эффективную стратегию действия, формирует образцы взаимодействия персонала и менеджмента, влияет на распределение ресурсов, эмоционально-психологический и деловой настрой коллектива.

Тем не менее, следует признать относительность социальных ролей субъектов управления в условиях дискретности и неравновесности структур корпорации. Применительно к управлению социальным капиталом в условиях возрастания рисков и угроз следует изучать процессы формирования корпоративной культуры, социальных установок и ценностей менеджеров и персонала, а также перспективы повышения социального статуса и влияние эмоционального состояния на корпоративную культуру. Мы провели прикладное исследование, используя в качестве основного метода сбора данных социологический опрос и применяя комплексную методику (ассоциативные задания, неструктурированное интервью, математический расчет проективной ситуации совпадения эмоционально-психологического состояния менеджеров и персонала). Исследование было проведено в компании «Автогазсистема», которая предоставляет топливно-энергетические услуги в Курганской и Тюменской областях. Была использована региональная, целевая, квотная выборка (16 менеджеров и 100 сотрудников). Было использовано 13 параметров оценки культурно-эмоциональных состояний респондентов. Исследование было реализовано в три этапа: во-первых, анализ научно-теоретических источников, посвященных топливно-энергетическому комплексу услуг.

Во-вторых, анализ современных трендов в состоянии корпоративной культуры на примере данных о «вовлеченности и лояльности» персонала в корпоративном центре компании «Ростелеком» (для разработки инструментария эмпирического исследования в компании «Автогазсистема»). Параметры вовлеченности и лояльности в компании «Ростелеком» составляют соответственно 75 % и 80 % [21]. Дифференциация персонала по параметру «вовлеченность» проводилась на основе метрик «знаком-

ство со стратегией и финансовыми результатами компании» и «оценка возможностей внедрения инноваций»: вовлеченность оказалась полной у 23 %. Частичная вовлеченность зафиксирована у 52 % работников корпоративного центра по метрикам: «сотрудники работают усердно, если их хвалят за результаты»; «хорошие отношения в коллективе»; «сотрудники работают продуктивнее, если отношения с руководством построены на принципах взаимного уважения и диалога»; «понимание границ своей ответственности».

Результаты вторичного анализа данных по параметру «лояльность» представлены на Рисунке 1: среди сотрудников сильны пессимистические настроения, зачастую вполне обоснованные: «советская» мебель на рабочих местах пережила всевозможные катаклизмы и непригодна для использования, но ее продолжают эксплуатировать; инфраструктура давно требует хотя бы косметического ремонта; оргтехника не соответствует имиджу ведущей компании в сфере связи, нацеленной на развитие и лидерство в области IT-технологий.

МЕТРИКИ	СУБМЕТРИКИ					
👤 РУК-ЛЬ	Четкость 8,3	Доверие 8,5	Демократичность 7,7	Продуктив-ть 9,0	Совещания 6,5	
🏢 СТРАТЕГИЯ	Знание 8,1	Достижимость 9,0	Актуализация 7,5	Оценка 7,8	Инициат-ть 8,2	
🏆 ПРИЗНАНИЕ	Частота 6,9	Обоснование 7,2	Своевремен-ть 6,9	Культура 6,7	Искренность 8,1	
🗨️ ОБР.СВЯЗЬ	Частота 8,5	Структура 7,3	Результат 7,2	Диалог 8,3	Конструктив 8,1	
⚙️ ПРОЦЕССЫ	Ресурсы 7,2	Клиенты 7,5	Продуктив-ть 7,9	Диалог 8,9	Инициат-ть 8,0	
📡 ИЗМЕНЕНИЯ	Информация 7,8	Барьеры 9,4	Планирование 8,6	Ресурсы 7,7	Оценка 8,6	
👥 КОЛЛЕГИ	Отношения 8,3	Взаимопон-е 9,0	Коммуникации 8,4	Правила 8,4	Взаимод-ие 8,2	
⚖️ БАЛАНС	Питание 6,0	Счастье 7,6	Стресс 5,0	Фитнес 6,6	Баланс 6,8	
📈 КАРЬЕРА	Понятность 7,0	Автономность 8,0	Обучение 7,3	Реализация 7,8	Наставничество 7,4	
👉 ОПЛАТА	Льготы 5,2	Удовл-сть 6,2	Понятность 9,2	Гибкость 3,3	Эффективность 5,2	

Рис. 1. Лояльность и удовлетворенность

Вторичный анализ эмпирических данных подтверждает современное развитие корпоративной культуры на базе метрик «удовлетворенность работой» и «спокойное эмоционально-психологическое состояние коллектива». Субъект корпоративной культуры соотносит включенность в дела компании и лояльность с представлениями об ответственности за свои действия, обеспеченностью производственного процесса инновационными технологиями в сочетании с наличными или доступными ресурсами. Характер связи ряда метрик совокупного жизненного ресурса компании обусловлен как степенью удовлетворенности организацией работы, так и эмоционально-психологическим состоянием персонала и менеджмента, вынужденных адаптироваться к инновациям и изменениям, рискам социальной среды.

Декларируемые респондентами стратегии включенности и лояльности были выявлены на третьем, эмпирическом, этапе исследования, реализованном в марте 2020 года. Для апробации математической обработки данных среди опрошенных была отобрана репрезентативная группа (N = 16) по критерию образования респондентов (высшее, среднее специальное, среднее профессиональное и среднее общее). Оценка эмоционально-психологических состояний была проведена по трехбалльной шкале: 3 балла — наблюдается безусловно и всегда; 2 — наблюдается с оговорками; 1 — со значительными оговорками; 0 — не наблюдается. По результатам ответов респондентов на 13 вопросов-параметров, отражающих совпадения и различия в эмоционально-психологическом восприятии этических норм, установленных правил, ценностей и ценностных практик, была проведена кодировка и обработка данных. Ответы на вопросы-параметры менеджеров и персонала рассматривались по отдельности, хотя были собраны посредством одинакового инструментария, чтобы определить среднюю вероятность оценки отношения по каждому параметру для каждой группы.

Итак, рассмотрим представление менеджеров об эмоциональных состояниях коллектива. Ответы менеджеров на первый параметр («Преобладание бодрого, жизнерадостного настроения») распределились следующим образом: 3 балла — 8 человек, 2 балла — 5, 1 балл — 2, 0 баллов — 1. На основе общего количества ответов по формуле была рассчитана совместимость параметра в оценках менеджеров и персонала — сложением среднего количества ответов (отдельно менеджеров и персонала) по каждому параметру и по каждой категории баллов. $P = m/n$, где P — вероятность наступления события по каждому параметру, m — количество конкретных ответов по каждому вопросу, n — количество ответивших.

Результаты опроса менеджеров приведены в Таблице 1: по большинству параметров управленцы отмечают удовлетворительное эмоционально-психологическое состояние членов коллектива. Параметр № 13 «Сотрудники испытывают чувство гордости за компанию» набрал наибольший балл у 69 %, параметр № 10 «Коллективу компании свойственны активность и полнота энергии» — у 50 %, параметр № 3 «Понимание между микрогруппировками компании» — 44 %; по трем параметрам (№ 4 «Сотрудникам компании нравится проводить свободное время вместе», № 11 «На просьбы менеджера сделать какое-либо полезное дело коллектив быстро откликается» и № 12 «Доминирует справедливое отношение менеджеров к персоналу») респонденты высказали наибольшее несогласие (0 баллов поставили по 19 %).

Судя по результатам опроса по параметрам № 7 «Уважительность отношений в коллективе» и № 2 «Наличие взаимных симпатий и доброжелательности между членами компании», можно говорить о положительной оценке менеджерами эмоционального состояния коллектива (высший балл поставили по 63 %).

Оценки менеджеров

Параметры	Вероятность наступления события по каждому баллу			
	3	2	1	0
1. Преобладание бодрого, жизнерадостного настроения	0,5	0,3125	0,125	0,0625
2. Наличие взаимных симпатий и доброжелательности между членами компании	0,625	0,25	0,0625	0,0625
3. Понимание между микрогруппировками компании	0,4375	0,4375	0,0625	0,0625
4. Сотрудникам компании нравится проводить свободное время вместе	0,4375	0,1875	0,1875	0,1875
5. Члены компании не равнодушны к успехам или просчетам	0,5625	0,125	0,3125	0
6. Взаимоотношения между менеджерами и персоналом строятся на одобрении и поддержке	0,5625	0,125	0,1875	0,125
7. Уважительность отношений в коллективе	0,625	0,125	0,0625	0,1875
8. Мнение менеджеров одобряется персоналом	0,5	0,3125	0,125	0,0625
9. Коллектив разделяет достижения и неудачи компании, считает их своими	0,4375	0,375	0,125	0,0625
10. Коллективу компании свойственны активность и полнота энергии	0,5	0,3125	0,0625	0,125
11. На просьбы менеджера сделать какое-либо полезное дело коллектив быстро откликается	0,5625	0,1875	0,0625	0,1875
12. Доминирует справедливое отношение менеджеров к персоналу	0,4375	0,3125	0,0625	0,1875
13. Сотрудники испытывают чувство гордости за компанию	0,6875	0,125	0,0625	0,125

Интересен сравнительный анализ ответов менеджеров и персонала на параметр № 6 «Взаимоотношения между менеджерами и персоналом строятся на одобрении и поддержке». Здесь наблюдается наибольшее приближение эмоциональных состояний менеджеров и персонала в районе двух баллов (Рис. 2), но в целом графическое отображение совпадения и расхождения по ряду параметров подтверждает предположение о различных субкультурах двух групп: индивидуалистской у менеджеров и коллективистской у персонала. Рассогласование в оценке состояния корпоративной культуры у руководства и персонала позволяет говорить о феномене «социального закрытия» статусных и элитных групп [26], который отражает различие в возможностях доступа и продвижения по карьерной лестнице внутри компании, повышения профессиональной квалификации, получения морального и материального вознаграждения. Как правило, «социальное закрытие» обеспечивается механизмом «этического кода» группы как социального фильтра: если члены

компании следуют установленному коду, то компания гарантирует защиту сотрудникам. Этический код группы формирует у членов компании ее понимание как социальной общности и предполагает лояльность персонала (признает легитимных лидеров и топ-менеджеров, а они, в свою очередь, адекватно представляют интересы персонала перед более высоким руководством).

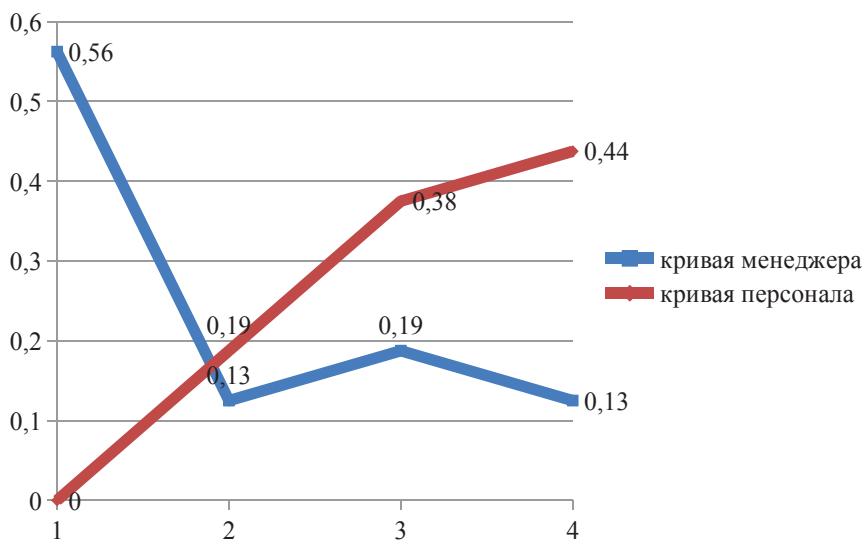

Рис. 2. Вероятности по параметру «Взаимоотношения между менеджерами и персоналом строятся на одобрении и поддержке»

В целом по итогам систематического наблюдения транзакций в категориальной паре «менеджер — персонал» и по данным математического расчета проективной ситуации совпадения эмоционально-психологического состояния менеджеров и персонала было установлено наличие позитивного микроклимата, особенно со стороны менеджеров-управленцев. Так, по первому критерию позитивность составила соответственно 50 %, 31 % и 13 %, а по параметру № 5 «Члены компании равнодушны к успехам или просчетам компании» — 56 %, 13 % и 31 %. Видимо, уверенные действия руководства компании основаны на жесткой централизации власти в организации, ориентированной на указания из центра от формальных лидеров, устанавливающих нормы культуры внутри компании. Также результаты исследования позволяют заключить, что корпоративная культура на первоначальном этапе формировалась в рамках рационально-прагматического подхода (доминирует клубная корпоративная культура). Однако результаты оценки эмоциональных состояний категориальной пары «менеджер—персонал» по параметрам сплоченности, делового оптимизма и доброжелательности говорят о наличии элементов других корпоративных культур. Тем не менее, наиболее важными признаются властные линии из центра системы, продуцируемые высшим руководством.

Клубная культура как интегративное явление в культуре корпоративной подчеркивает ее влияние на всех присутствующих не только в организации — ее влияние распространяется и на внешнюю среду бизнеса, поэтому часто ее определяют как культуру «паутины». Она косвенно опосредует трудовую деятельность человека, влияет на социально-психологический климат в коллективе и творческую деятельность, «свидетельствует о степени преобразующей силы человеческого разума» [24]. Это подтверждают оценки респондентов по критерию № 7 «Уважительность отношений в коллективе»: 75 % оценили уважение менеджеров самыми высокими баллами — 2 и 3, но четверть полагает, что это состояние либо наблюдается со значительными оговорками, либо не наблюдается вовсе. В то же время оценки персоналом параметра № 11 «На просьбы менеджера сделать какое-либо полезное дело коллектив быстро откликается» таковы: 56 % — наблюдается безусловно и всегда, 25 % не разделяют такую уверенность, 19 % полагают, что никогда, что подтверждает достаточно жесткую централизацию системы управления в исследуемой компании.

Клубная культура ориентирована на скорость принятия решений, поэтому обеспечивает быстрое продвижение информации внутри коммуникационной системы организации. Такие коммуникации опираются на подражание и эмпатию, строятся на признанном авторитете руководства и его особых взаимоотношениях с подчиненными. Подчиненный своими действиями воспроизводит стиль руководителя, применяя его методы, так как иные стили руководства кажутся ему не подходящими и не приводящими к успеху. Устоявшаяся клубная культура не требует искусства принятия решений от сотрудников, так как руководителем все решения уже приняты, а сотрудникам необходимо ориентироваться на них и на действия руководителя. При столь высокой зависимости от высшего руководства важно выбрать руководителя, исходя из его успешности и организаторских качеств. Клубная культура характеризуется лояльностью, преданностью и сработанностью сотрудников, командной работой, стабильными и безопасными условиями работы, высокой оценкой возраста сотрудников, опыта работы и должностных достижений.

Безусловно, современные кросскультурные изменения повлекли смену системных подходов на нелинейное развитие: отношения производств» и распределения ценностей интеллектуальной и материальной деятельности становятся принципиально иными и практически соответствуют открытому рынку; мораль плюрализируется, культура становится открытой, развитие коллектива все больше подвержено нелинейной динамике. Но главное — приходит осознание, что социальный контекст реализации услуг частной компании, с одной стороны, определяет стабильность социальных институтов, а, с другой, подвержен тенденциям изменения профессиональной деятельности под влиянием новых медиа и коммуникативных технологий, растущего уровня жизни и расширения удовлетворения

потребностей, которые несут в себе несогласие с системой и угрожают ее спокойному развитию. В частности, сегодня на корпоративную культуру в нефтегазовой сфере влияет ряд социальных факторов. Прежде всего, бизнес-пространство топливно-энергетической отрасли неоднородно и состоит из нескольких рынков: отчетливая тенденция внедрения матрицы аутсорсинга разбивает бизнес-пространство на три условных рынка, каждый из которых формирует особую корпоративную культуру, специфика которой во многом детерминирована сложившейся в отрасли стратегией управления бизнесом. Кроме того, развитие корпоративной культуры отрасли в течение длительного времени находилось в определенной изоляции от общемировых тенденций вследствие существования плановой экономики; современное развитие определило необходимость внутренних реформ, цель которых — структурная перестройка и гибкая адаптация к мировому рынку, организация бизнеса в соответствии со стандартами партнерских отношений, принятых в глобальном социуме.

Принадлежность отрасли к глобальной экономике ускоряет развитие нового типа корпоративной культуры, мировая динамика отрасли воздействует на межорганизационные отношения, конкурентные и партнерские контракты — в итоге наблюдается интенсивный процесс становления новой корпоративной культуры, каждая компания с собственным культурным кодом, правилами и нормами разрабатывает корпоративный кодекс, превращая его в культурный этос организации.

Основой клубной корпоративной культуры является командная работа сотрудников, при этом угроза увольнения за недостаточную активность в проявлении индивидуальности не висит над сотрудниками. В компании царит уютная атмосфера, здоровый эмоционально-психологический климат, что стимулирует преданность, вовлеченность и лояльность. Исходя из этого частной организации необходима высокоцентрализованная, жесткая формальная власть, поскольку сотрудник в такой корпоративной культуре ориентирован на действия, поддерживаемые центральным руководством [6]. Компании с клубной культурой отличаются наименьшими расходами на организационный контроль, поскольку значительная часть взаимоотношений базируется на доверии, но по мере удаления от центра сила и влияние руководящих линий ослабляется. Активно-деятельностная стратегия клубной культуры связана со следующими детерминантами: наличие опыта работы, работоспособный возраст, высокая адаптивность к окружающей среде, эмоционально-психологическая устойчивость, ответственность за исполнение принятых решений, хорошее здоровье, удовлетворенность жизнью в целом. По отдельным детерминантам вклад в дифференциацию стратегий вносят: наличие жизненных целей и желание их добиваться, способность к адаптации, достижение высокого эмоционально-психологического статуса, целедостижение, удовлетворенность жизнью.

Библиографический список

1. *Бажин А.С., Овчинников А.С., Светайло Р.В.* Взаимосвязь социального капитала и корпоративной культуры предпринимательских организаций // *Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 3.
2. *Белоусова Л.А.* Корпоративная солидарность в качестве социального капитала сообщества // *Проблемы современной науки и образования*. 2015. № 10.
3. *Бурдые П.* Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5.
4. *Воронцов П.Г.* Современные проблемы корпоративного управления в Российской Федерации // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 47.
5. *Гостенина В.И.* Социолингвистические коды субъекта власти в политических контекстах и в масс-медиа // *Коммуникология*. 2013. Т. 2. № 2.
6. *Гостенина В.И., Качалков А.Ю., Шилина С.А.* Управленческий дискурс как технология социального взаимодействия субъекта власти и социума // *Власть*. 2015. № 8.
7. Государственный контракт № 1 от 05.11.2020 «Мониторинг и моделирование потребностей персонала предприятий Брянской области в профессиональном обучении как инструменты регулирования локального рынка труда».
8. Государственный контракт № 34/21 от 20.10.2021 «Корпоративная культура как инструмент мотивации персонала предприятий на рынке труда Брянской области».
9. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
10. *Землянухина Н.С., Павлова И.Д.* Социальное партнерство как элемент корпоративного управления // *Человеческий и производственный потенциал российской экономики перед глобальными и локальными вызовами*. Саратов, 2017.
11. *Зотов В.В., Преликова Е.А.* Капитализация как процесс обобществления социальных ресурсов индивида // *Коммуникология*. 2019. Т. 7. № 4.
12. *Игумнов О.А.* Корпоративная культура как фактор формирования социального капитала организации // *Социология*. 2019. № 2.
13. Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования «Российская повседневность в условиях кризиса: Как живем и что чувствуем?». ИС РАН. Проект № 14-28-00218.
14. *Колмыкова М.А.* Доверие как элемент культуры организации и социального капитала // *Вестник Самарского муниципального института управления*. 2020. № 2.
15. *Кравченко С.А.* Сосуществование рискофобии и рискофилии — проявление «нормальной аномии» // *Социологические исследования*. 2017. № 2.
16. *Лищук Е.Н., Капелюк С.Д.* Трансформация требований к человеческому капиталу в условиях пандемии // *Экономика труда*. 2021. Т. 8. № 2.
17. *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры. М.—СПб., 2015.
18. *Палеева О.Л.* Социокультурные основания обмена // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 9.
19. *Патнем Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии М., 1996.
20. *Попов В.Д., Федоров Е.С.* Коммуникативные коды имиджа власти. М., 2004.
21. Результаты исследования вовлеченности персонала в работу компании «Ростелеком». 2018 // URL: <https://ar2018.rostelecom.ru/ru/20/90/90>.
22. *Серебрякова Г.В.* Капитализация отношений в условиях ценностного управления // *Вестник университета*. 2016. № 9.
23. *Управление — это наука и искусство / Сост. Г.Л. Подвойский*. М., 1992.
24. *Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко*. М., 2009.
25. *Троцук И.В., Суховерова Д.В.* Корпоративная культура как инструмент повышения конкурентоспособности вуза // *Высшее образование в России*. 2018. № 11.
26. *Шарков Ф.И.* Конвергенция элементов политического медиапространства // *Политические исследования*. 2017. № 3.

27. Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А. О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4.
28. Шевченко С.Ю., Давыдик О.И., Ильюшенко Н.С., Петров К.А. Рассинхронизация публичного и частного: трансформации биокапитализма в контексте пандемии // Человек. 2020. Т. 31. № 6.
29. Putnam R. The prosperous community. Social capital and public life // American Prospect. 1993. Vol. 4. No. 1.
30. Kravchenko S.A. Increasing complex techno-digital realities in the dynamics of scientific discourse // Montenegrin Journal of Economics. 2019. Vol. 15. No. 4.
31. Tyazhlov Ya., Kozhemyakin E. Teun van Dijk: About trends in discursive oppression. European nationalism and humanitarian nuclear bomb // Современный дискурс-анализ. 2013. № 2.
32. Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-142-155

Corporate culture of organization: Social capital management under challenges and risks*

F.I. Sharkov^{1,2}, V.I. Gostenina³, I.M. Loskutova^{4,5}, E.Yu. Sycheva³

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, 119454, Russia

³Ivan Petrovsky Bryansk State University,
Bezhitskaya St., 14–2, Bryansk, 241036, Russia

⁴Pirogov Russian National Research Medical University,
Malaya Pirogovskaya St., 1–1, Moscow, 117997, Russia

⁵Moscow State Pedagogical University,
Ostrovityanova St., 1, Moscow, 119991, Russia

(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; v.gostenina@yandex.ru;
im.loskutova@mpgu.su; lupenkova@yandex.ru)

Abstract. The criteria for the analysis of the emotional-psychological state of the organization's personnel imply the study of the capitalization of cultural values and the presentations of results in the form of mathematical indicators of the projective situation. In the article, corporate culture is considered through the capitalization of its team's cultural values and its business reputation. The study is based on the metric data (parameters) of the capitalization of cultural values in the context of their application to assess the behavior and cultural ethos of the organization's team. The object of the applied research was the collective of the private enterprise providing services in the fuel-energy sector; the authors examined the social factors in the formation of its corporate culture (the survey focused on the personnel and managers' assessment of the social-psychological climate and was based on the quota sample consisting of 16 managers and 100 staff members). The results of the study allow to develop a technology for the effective management of corporate culture under

*© F.I. Sharkov, V.I. Gostenina, I.M. Loskutova, E.Yu. Sycheva, 2023

The article was submitted on 05.05.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

new challenges and risks. Traditions of cooperation, trust and reciprocity were considered on the basis of the works of the classics of sociology. The authors suggested the criteria (parameters) for assessing social capital and social norms which reveal the personnel's abilities and are developed by the organization in a certain period. The study showed discrepancies in the assessment of the parameters of corporate culture by managers and staff. Thus, managers attach great importance to such a parameter as the emotional-psychological state of the team, while the staff does not appreciate the mutual understanding of micro-groups and shows less emotional involvement. Such results confirm the problems in the management of corporate culture as social capital.

Key words: emotional-psychological state; corporate culture; organization personnel; social capital; social-psychological climate; corporate culture management technology

References

1. Bazhin A.S., Ovchinnikov A.S., Svetaylo R.V. Vzaimosvyaz sotsialnogo kapitala i korporativnoy kultury predprinimatelskih organizatsiy [Relationship between social capital and corporate culture in entrepreneurial organizations]. *Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki*. 2015; 3. (In Russ.).
2. Belousova L.A. Korporativnaya solidarnost v kachestve sotsialnogo kapitala soobshchestva [Corporate solidarity as the community's social capital]. *Problemy Sovremennoy Nauki i Obrazovaniya*. 2015; 10. (In Russ.).
3. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Economic Sociology*. 2002; 3 (5). (In Russ.).
4. Vorontsov P.G. Sovremennye problemy korporativnogo upravleniya v Rossiyskoy Federatsii [Contemporary issues of corporate governance in the Russian Federation]. *Ekonomicheskyy Analiz: Teoriya i Praktika*. 2015; 47. (In Russ.).
5. Gostenina V.I. Sotsiolingvisticheskie kody sub'ekta vlasti v politicheskikh kontentakh i v mass-media [Sociolinguistic codes of the subject of power in political contents and mass media]. *Communicology*. 2013; 2 (2). (In Russ.).
6. Gostenina V.I., Kachalkov A.Yu., Shilina S.A. Upravlenchesky diskurs kak tekhnologiya sotsialnogo vzaimodeystviya sub'ekta vlasti i sotsiuma [Management discourse as a technology of social interaction between the subject of power and society]. *Vlast*. 2015; 8. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy kontrakt No. 1 ot 05.11.2020 "Monitoring i modelirovanie potrebnostey personala predpriyatii Bryanskoy oblasti v professionalnom obuchenii kak instrumenty regulirovaniya lokalnogo rynka truda" [State Contract No. 1 of November 5, 2020 "Monitoring and modeling the needs of enterprises' personnel in the Bryansk Region in the vocational training as tools for regulating the local labor market"]. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy kontrakt No. 34/21 ot 20.10.2021 "Korporativnaya kultura kak instrument motivatsii personala predpriyatii na rynke truda Bryanskoy oblasti" [State contract No. 34/21 of October 20, 2021 "Corporate culture as a tool for motivating enterprises' personnel in the labor market of the Bryansk Region"]. (In Russ.).
9. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1996. (In Russ.).
10. Zemlyanukhina N.S., Pavlova I.D. Sotsialnoe partnerstvo kak element korporativnogo upravleniya [Social partnership as an element of corporate management]. *Chelovechesky i proizvodstvennyy potentsial rossiyskoy ekonomiki pered globalnymi i lokalnymi vyzovami*. Saratov; 2017. (In Russ.).
11. Zotov V.V., Prelikova E.A. Kapitalizatsiya kak protsess obobshchestvleniya sotsialnykh resursov individa [Capitalization as socialization of the individual social resources]. *Communicology*. 2019; 7 (4). (In Russ.).
12. Igumnov O.A. Korporativnaya kultura kak faktor formirovaniya sotsialnogo kapitala organizatsii [Corporate culture as a factor in the formation of the organization's social capital]. *Sotsiologiya*. 2019; 2. (In Russ.).

13. Informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obshchenatsionalnogo issledovaniya “Rossiyskaya povsednevnost v usloviyah krizisa: Kak zhivem i chto chuvstvuyem?”. IS RAN. Proekt No. 14-28-00218 [Information-analytical summary based on the results of the All-Russian study “Russian everyday life under the crisis: How do we live and what do we feel?”. IS RAS. Project No. 14-28-00218]. (In Russ.).
14. Kolmykova M.A. Doverie kak element kultury organizatsii i sotsialnogo kapitala [Trust as an element of organizational culture and social capital]. *Vestnik Samarskogo Munitsipalnogo Instituta Upravleniya*. 2020; 2. (In Russ.).
15. Kravchenko S.A. Sosushchestvovanie riskofobii i riskofilii — proyavlenie “normalnoy anomii” [The coexistence of risk-phobia and risk-philia is a manifestation of “normal anomie”]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 2. (In Russ.).
16. Lishchuk E.N., Kapelyuk S.D. Transformatsiya trebovaniy k chelovecheskomu kapitalu v usloviyah pandemii [Transformation of requirements for human capital under the pandemic]. *Ekonomika truda*. 2021; 8 (2). (In Russ.).
17. Malinowski B. *Izbrannoe: Dinamika kultury* [The Dynamics of Culture]. Moscow–Saint Petersburg; 2015. (In Russ.).
18. Paleeva O.L. Sotsiokulturnye osnovaniya obmena [Social-cultural foundations of exchange]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2010; 9. (In Russ.).
19. Putnam R. *Chto by demokratiya srabotala: Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow; 1996. (In Russ.).
20. Popov V.D., Fedorov E.S. *Kommunikativnye kody imidzha vlasti* [Communicative Codes in the Image of Power]. Moscow; 2004. (In Russ.).
21. Rezultaty issledovaniya вовлеченности персонала в работу компании “Rostelecom” [Results of the study of personnel engagement in “Rostelecom”. 2018. URL: <https://ar2018.rostelecom.ru/ru/20/90/90>. (In Russ.).
22. Serebryakova G.V. Kapitalizatsiya otnosheniy v usloviyah tsennostnogo upravleniya [Capitalization of relations under the value management]. *Vestnik Universiteta*. 2016; 9. (In Russ.).
23. *Upravlenie — eto nauka i iskusstvo* [Management is a Science and Art]. Sost. G.L. Podvoysky. Moscow; 1992. (In Russ.).
24. Tezaurus sotsiologii. Tematichesky slovar-spravochnik [Thesaurus of Sociology. Thematic Dictionary–Reference Book]. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2009. (In Russ.).
25. Trotsuk I.V., Sukhoverova D.V. Korporativnaya kultura kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti vuza [Corporate culture as a tool for improving university’s competitiveness]. *Higher Education in Russia*. 2018; 11. (In Russ.).
26. Sharkov F.I. Konvergentsiya elementov politicheskogo mediaprostranstva [Convergence of elements of the political media space]. *Political Studies*. 2017; 3. (In Russ.).
27. Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. O problemah sovremennoy rossiyskoy politicheskoy elity i vozmozhnykh napravleniyah ih razresheniya [Challenges for today’s Russian political elite, and ways to address them]. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (4). (In Russ.).
28. Shevchenko S.Yu., Davydik O.I., Ilyushenko N.S., Petrov K.A. Rassinkhronizatsiya publichnogo i chastnogo: transformatsii biokapitalizma v kontekste pandemii [Desynchronization of public and private: Transformations of biocapitalism under the pandemic]. *Chelovek*. 2020; 31 (6). (In Russ.).
29. Putnam R. The prosperous community. Social capital and public life. *American Prospect*. 1993; 4 (1).
30. Kravchenko S.A. Increasing complex techno-digital realities in the dynamics of scientific discourse. *Montenegrin Journal of Economics*. 2019; 15 (4).
31. Tyazhlov Ya., Kozhemyakin E. Teun van Dijk: About trends in discursive oppression. European nationalism and humanitarian nuclear bomb. *Contemporary Discourse Analysis*. 2013; 2.
32. Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin’s fourth term: A SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019; 31 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171

Развитие социального капитала сельской местности на Крымском полуострове (на примере села Новоалексеевка)*

Т.Ю. Гусаков

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Аннотация. Кризис российской сельской местности продолжается уже несколько десятилетий, и ее пространственные различия лишь усложняют задачу выработки комплекса антикризисных мер. Усилия властей по восстановлению депопулирующих населенных пунктов не имеют желаемого эффекта. По заверениям респондентов в разных регионах России власти слишком поздно обратили внимание на развитие сельских территорий — когда значительная доля трудоспособного населения либо уже мигрировала в города, либо сформировала намерения по переезду. Поскольку процесс урбанизации в России еще не завершен, приоритетными для государства должны стать меры по противодействию атомизации сельских сообществ, привлечению сельского населения к решению проблем населенных пунктов, а также по поддержке инициатив «снизу». В случае идеального развития событий можно ожидать формирования сетей взаимоотношений между людьми, живущих и работающих в одном сельском сообществе, что позволит ему сохраняться и эффективно функционировать независимо от внешних, сторонних сил. Ситуация, сложившаяся на Крымском полуострове, является позитивным примером возможностей развития сельского социального капитала. В статье село Новоалексеевка Красновардейского района представлено как значимый успешный «кейс» участия жителей в планировании жизнедеятельности своего населенного пункта. В период с 1995 по 2014 годы на Крымском полуострове работала Программа развития и интеграции Крыма Программы развития ООН, специалисты которой поддержали деградирующую сельскую общину в начале 2000-х годов. Совместное решение жителями проблем обслуживания водопровода и реализации инфраструктурных проектов помогло населению почувствовать важность и результативность общих усилий. После 2014 года объем государственного финансирования сельских проектов многократно возрос, но одновременно увеличилась и дистанция между властями, принимающими решения, и населением, вследствие чего у последнего формируются иждивенческие настроения. Подобная ситуация усиливает атомизацию сельских сообществ, препятствует развитию и ухудшает состояние социального капитала сельских территорий.

Ключевые слова: сельская местность; община; социальный капитал; человеческий капитал; сельская демократия; Крым; самоуправление; государственная поддержка; водный вопрос

*© Гусаков Т.Ю., 2023

Статья поступила 10.09.2022 г. Статья принята к публикации 25.12.2022 г.

В последние годы концепция социального капитала стала популярна среди представителей академического сообщества и укрепилась в политическом дискурсе [19]. Ее основоположником считается Л.Дж. Ханифан, впервые использовавший термин «социальный капитал» для подчеркивания важности социальной сплоченности для успешных сельских школ [27]. Впоследствии в ходе дискуссий [20; 21; 23] трактовка социального капитала была уточнена, были определены его отличия от других видов капитала и значение в общественных отношениях. Современная концептуализация социального капитала акцентирует как важность объединения сообщества в интересах обеспечения всеобщего доверия, так необходимость свободного индивидуального выбора для формирования сплоченного гражданского общества. Эта концептуализация объясняет, почему понятие социального капитала вызвало такой интерес в академическом и политическом мире, став предметом исследования в проектах Всемирного банка [28].

В России также актуальна проблема накопления и использования социального капитала [12]. Атомизация российского общества, неразвитость социальных институтов и апатичность локальных сообществ — неполный набор трудностей, которые необходимо преодолеть исследователям социального капитала. Формирование гражданского общества невозможно без налаживания связей между людьми, роста уровня доверия и развития демократических институтов. Однако распад СССР и вызванные им трансформационные процессы до сих пор усложняют накопление социального капитала в российском обществе, особенно в сельских и депрессивных регионах.

У эмпирических исследователей нередко складывается ощущение, что взаимодействие людей, живущих на одной территории (село, микрорайон, город), уходит в прошлое, и стратегия индивидуализма замещает пропагандируемый прежде коллективизм. Подтверждение этому мы находили в разных регионах России, выезжая в полевые исследования. Например, в одном из поселений Пермского края бывший глава сельсовета рассказал, что они (члены сельсовета) *«пытались создать общественную комиссию для работы с неблагополучными семьями, включили в нее уважаемых, авторитетных жителей, но ничего не вышло. Мы приглашаем неблагополучных на беседы, а они говорят: “Что вы вмешиваетесь?! Кто вы такие, чтобы учить нас как жить»*. От института народных судов и общественного порицания, распространенного в СССР, не осталось и следа. Лишь в консервативных сообществах национальных республик иногда можно встретить советы старейшин. В одной из станиц Кубани жители рассказали, что преимущественно общаются с родными в социальных сетях и не знают своих соседей. И подобных «симптомов» в полевых исследованиях мы встречаем множество — сельское население постепенно теряет мотивацию к близкому общению с соседями по улице и населенному пункту.

Возможно, причина нынешней сельской разобщенности — отток населения и засилие чужаков-дачников, но в советский период наблюдались не менее масштабные переселения, и социальные связи в активно меняющихся локальных сообществах не разрывались — благодаря одному месту занятости (колхоз, завод), ограниченным коммуникациям с родственниками (отсутствие социальных сетей, дефицит личного транспорта) и государственной поддержке коллективистских настроений. Сейчас же появился Интернет, субъективное восприятие расстояний меняет их в сторону «сокращения», а необходимость общения с соседями отпадает. Однако социальные связи все же сохраняются, но в модифицированном виде — группы в социальных сетях, беседы в мессенджерах, сообщества недовольных нерешенными проблемами, соседский общедомовой присмотр и пр., хотя желание безвозмездно делать что-либо для общего блага стало встречаться значительно реже по сравнению с советским периодом.

В Крымском регионе наличие прочных социальных связей в сельской местности — распространенное явление благодаря усилиям властей и неправительственных организаций по развитию местной демократии. С 1995 по 2014 годы на территории Крыма работала Программа развития и интеграции Крыма в рамках Программы развития ООН (ПРИК ПРООН), призванная поддержать сельские районы на пути к устойчивому социально-экономическому развитию с учетом национального и культурного многообразия. Программа была инициирована правительством Украины для снижения этнической и социальной напряженности в Крыму [13], а также для поддержки обустройства и этнокультурного развития репатриантов и «безработных» селян. Специалисты ПРИК ПРООН выезжали в сельские районы полуострова и предлагали способы решения инфраструктурных проблем сельских жителей на условиях взаимодействия. На сельских сходах обсуждались возможные проекты и выбирались активные жители, которые контролировали реализацию проектов «на местах». Большую часть финансирования обеспечивали иностранные компании и украинские власти, но только при условии формирования местным населением общественной организации, в которую входили жители села, сотрудничавшего с ПРИК ПРООН, и минимального вложения сельчанами средств в реализацию проекта. Эти условия были необходимы для социальной мобилизации села — вовлечения жителей в планирование и принятие решений по развитию инфраструктуры своих населенных пунктов в диалоге с местными властями.

С начала работы ПРИК ПРООН в Крыму были определены следующие ее направления [10]: помощь в налаживании диалога между сельскими общинами и местными властями в выявлении и поддержке местных инициатив; снижение уровня бедности посредством развития предпринимательства и сельского хозяйства; улучшение условий накопления и использования социального и человеческого капитала сельских районов; снижение межэтни-

ческой напряженности и привитие толерантности в ходе образовательных, культурных и информационно-технологических проектов; содействие миру и стабильности в регионе путем мониторинга и повышения социальной безопасности. Соответственно, проекты, реализованные в сельской местности, помогли улучшить доступ жителей к базовому набору услуг — к воде, медицине, образованию, культурным мероприятиям в черте своих населенных пунктов. В частности, специалисты программы считали, что для финансовой независимости населения на первоначальном этапе необходимо обеспечить сельских жителей хозяйственной водой, что, в свою очередь, спровоцировало следующие изменения в жизни населенных пунктов: возможность организации полива огородов, а, значит, самообеспечение сельскохозяйственными продуктами и продажа излишков; создание частного бизнеса на базе теплиц; улучшение социально-бытовых условий; рост доходов населения и софинансирование им инфраструктурных проектов; рост стоимости недвижимости и снижение количества пустующих домов в степных селах [9].

Проблема сельской бедности была значительным препятствием для формирования, сохранения и развития социального капитала в сельских районах Крыма. По данным мониторинга ПРИК ПРООН, проведенного в 2009 году, в сельской местности 31 % хозяйств относились к самым бедным, но показатели бедности различались: например, в Советском районе доля самых бедных превысила 4/5 всех хозяйств, а в соседнем Кировском районе составляла менее 1/10 [8]. Высокий уровень бедности усложнял реализацию проектов с участием населения вследствие отсутствия у сельских жителей свободных средств. Тем не менее, за годы работы программы ПРООН оказала поддержку в решении социальных проблем более чем 700 городским и сельским муниципалитетам региона, прежде всего, в налаживании диалога между властями и общественностью [11], благодаря чему были построены фельдшерско-акушерские пункты и водопроводы, реконструированы школы, детские сады, сельские клубы и другие объекты инфраструктуры.

Помощь в строительстве и модернизации инфраструктуры оказывалась не только в интересах улучшения условий жизни репатриантов и других сельских жителей, но и для развития сельской демократии в неурбанизированных районах Крыма. В рамках программы ПРИК ПРООН был разработан специальный компонент «Демократическое управление» — для содействия самоорганизации сельского населения в общественные организации и поддержки «низовых» проектов по развитию сельских населенных пунктов. В восьми районах Крымского полуострова, где реализовывался этот компонент (было подписано соглашение ПРИК с местными властями), было создано более 30 сообществ. Конечно, не все сообщества сохранились после прекращения финансирования со стороны доноров и властей, но часть из них продолжают инициировать и реализовывать проекты благодаря участию местных активистов [9].

Статья основана на эмпирических материалах, собранных в ходе многолетней полевой работы в Красногвардейском районе Республики Крым. На протяжении 2014–2021 годов были проведены интервью с представителями местной власти, предпринимателями, сельскими активистами и рядовыми жителями села Новоалексеевка. Кроме того, велась работа в архивах Амурского сельского поселения, Администрации Красногвардейского района и Республики Крым, с краеведческой литературой — для поиска информации о селе и его жизнедеятельности в различные периоды существования. В статье представлен лишь небольшой фрагмент результатов, полученных в ходе изучения как сельской местности Крыма в целом, так и отдельных его населенных пунктов.

Итак, выбор Красногвардейского района в качестве кейса не случаен — он показателен для Крымского региона в силу своей «медианности»: во-первых, район расположен в полупериферийной зоне относительно регионального центра — города Симферополя, и в некоторых населенных пунктах проживает значительная доля трудовых мигрантов, занятых на предприятиях столицы; во-вторых, район не имеет городского населения, но включает два поселка городского типа, обладающих рядом городских черт (общественный транспорт, оживленное дорожное движение, микрорайоны многоэтажной застройки, централизованная канализация, развитая инфраструктура и сфера услуг); в-третьих, район обладает схожим с общерегиональным этническим составом населения (Рис. 1). Кроме того, район имеет срединное географическое положение — между предгорьями Крымских гор и засушливыми степными территориями Присивашья (Красноперекопский и Джанкойский муниципальные районы).

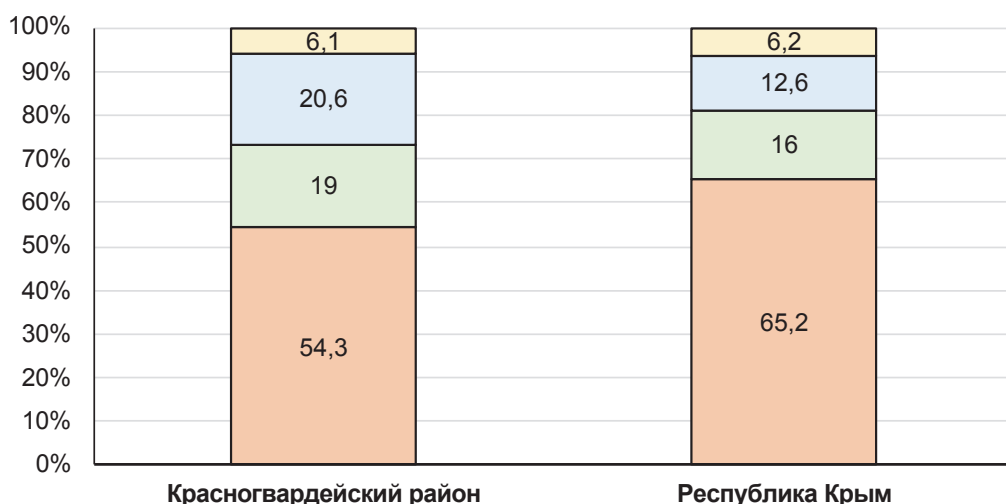

Рис. 1. Национальный состав Красногвардейского района и Республики Крым по данным Переписи населения в Крымском федеральном округе в 2014 году (1)

Население сельского Крыма в постсоветский период не сократилось, несмотря на полное разрушение системы коллективных хозяйств и высокий уровень сельской безработицы. В 1990 году в сельской местности полуострова проживало 746,2 тысяч человек [1], в 2022 году — 999 тысяч [17]. Многолетний дефицит государственного финансирования инфраструктуры и ее деградация привели к отсутствию в ряде населенных пунктов важных условий для жизни в засушливой местности. Например, в 1990-е — 2000-е годы в поселке городского типа Октябрьское Красногвардейского района с населением более 10 тысяч человек отсутствовало постоянное водоснабжение — вода подавалась трижды в день на два часа, но в летний период усиленного водопотребления не поднималась на верхние этажи многоквартирных домов; в селе Вересаево Сакского района отсутствовала питьевая вода, что встречалось повсеместно [13]. Водопроводы в селах без надлежащего технического обслуживания приходили в негодность, а бедность местных бюджетов и жителей не позволяла сельским сообществам решить эти проблемы самостоятельно.

В селе Новоалексеевка нам случилось наблюдать объединение жителей в сообщество: несмотря на этнические противоречия жители организовались в общину для обсуждения и решения проблем населенного пункта. Данное село «репрезентативно» для степных аграрных районов Крыма: в нем прослеживаются социально-экономические изменения, происходившие в разное время как в депопулирующих депрессивных, так и в растущих сельских населенных пунктах полуострова.

Основной причиной объединения жителей послужила общая проблема — обслуживание водопровода. Разобщенное по политическим, идеологическим, религиозным, культурным и иным основаниям население села нашло точку соприкосновения для объединения в общину, или громаду (2), чуть более 600 жителей, проживающих в сельскохозяйственной центральной части Крымского полуострова. Близость к оживленной железнодорожной станции и крупному поселку обусловило демографическую стабильность села, хотя на его территории практически нет возможностей для трудоустройства и основных объектов социальной инфраструктуры (школ, больницы), ликвидированных еще в советское время. В Новоалексеевке около 50% жителей — трудоспособное население (остальные — пенсионеры и дети), причем отсутствует такое явление, как одинокие старики, характерное для российского Нечерноземья. Большинство жителей села заняты за его пределами, поскольку рабочих мест в Новоалексеевке недостаточно: магазин, фельдшерско-акушерский пункт, Красногвардейская государственная сортоопытная станция, несколько фермерских хозяйств. В селе высока доля неформальной занятости — разведение скота и птицы, огородничество и др. [3].

Население Новоалексеевки отличается гражданской активностью: помимо регулярных сельских сходов, где обсуждаются проблемы населенного

пункта, жители выражают и свои политические взгляды, например, по доступным данным о выборах 2006, 2007, 2010 и 2012 годов, явка избирателей села была выше общестрановой (Рис. 2). Также в селе работали агитаторы от разных политических сил из числа жителей, что свидетельствовало об интересе к изменениям в государстве и о попытках повлиять на них.

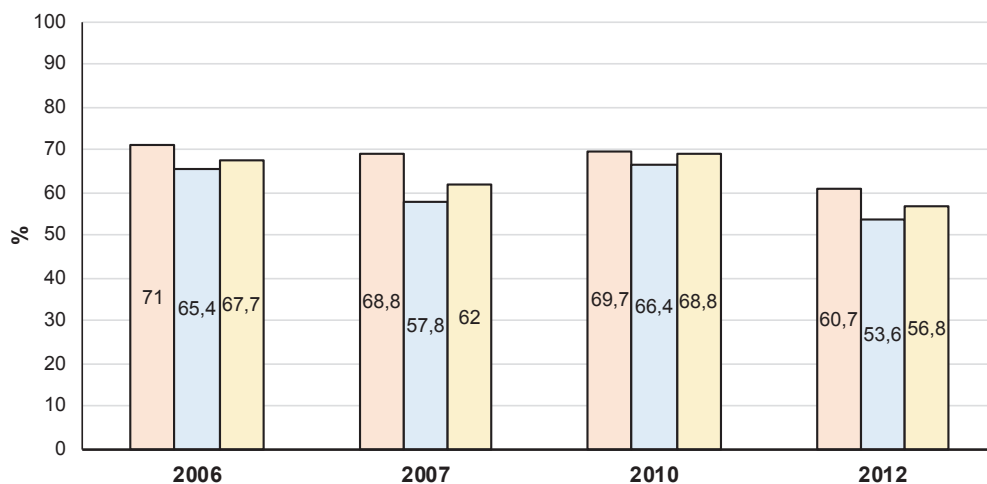

Рис. 2. Явка на президентских и парламентских выборах в Новоалексеевке, в территориальном избирательном округе села и по Украине в целом (4)

Особенности функционирования сообществ, проживающих на одной территории и пользующихся общими благами, — предмет научных дискуссий, нередко обозначаемый исследователями как «трагедия общих ресурсов/общин». Однако единое мнение здесь вряд ли возможно в силу специфики каждого конкретного «кейса». Например, Г. Хардин [24], предложивший термин «трагедии общин», считал, что люди должны отказаться от использования общих ресурсов, поскольку они могут быть исчерпаны при неограниченном использовании. В частности, об этом свидетельствует опустынивание Ногайской степи в Дагестане и Черных земель в Калмыкии, обусловленное нерациональным использованием пастбищ [6]. Не согласны с Хардиным Э. Остром [7] и Б. Кроу [22]: они призывают отказаться от чрезмерной зарегулированности и разрабатывать алгоритмы коллективного природопользования. По их мнению, «живой интерес» общины лучше формализованного менеджмента государства справится с рациональным расходом и восстановлением ресурсов. Впрочем, данный сценарий подходит только развитым, «сытым» обществам, которые практикуют долгосрочное планирование.

В обезвоженных степях свободный доступ к питьевой (и/или технической) воде всегда был одним из ключевых факторов создания и жизнеспособности как населенного пункта, так и всей экономики Крыма. До 1960-х годов сельскохозяйственная специализация региона складывалась с учетом естественных условий среды, но после запуска Северо-Крымского оросительно-об-

воднительного канала удалось расширить спектр производимой продукции (добавилось, например, рисоводство и садоводство в засушливых степных районах, расширились площади злаковых культур) [4]. Сельскохозяйственное производство стало более устойчивым по отношению к периодическим засухам, чьи последствия были минимизированы искусственным орошением. Однако масштабное распаивание целинных земель и разреженная сеть естественных водоемов в степном Крыму обострили дефицит водных ресурсов, в первую очередь на севере и востоке. Рост численности населения и объемов агропроизводства привел к тому, что через канал поставлялось до 85 % необходимой пресной воды Крыма.

Особенно остро водный дефицит проявился после закрытия Северо-Крымского канала в 2014 году. Засуха летом 2018 года породила экологическое бедствие на севере Крыма вследствие пересыхания кислотонакопителя завода «Крымский титан» [1]. Засуха 2020 года и обмеление основных водохранилищ полуострова, что ранее компенсировалось водой из канала, едва не привели к гуманитарной катастрофе. Эта проблема затронула в основном города, снабжаемые водой из водохранилищ. В сельской местности вода из канала использовалась в хозяйственной деятельности населения и сельхозпредприятий [17], а вода для питья обеспечивалась артезианскими скважинами. Исключение составляли поселения северных районов Крыма, где вода из канала закачивалась, когда восполнялись потери обмелевших водоносных пластов.

В Новоалексеевке водоснабжение обеспечивается из артезианской скважины. В советское время основным организатором общественной жизни был колхоз, но в 1995 году он обанкротился и после нескольких лет распродажи фондов исчез, сохранившись лишь на бумаге как сельскохозяйственный производственный кооператив «Восход». Основное бремя обслуживания социальной инфраструктуры легло на местные власти, которые были неспособны даже просто следить за ее сохранностью. Так, в 1990-е годы, в период «безвластия», при попустительстве властей и органов правопорядка и равнодушии местных жителей село лишилось сельского клуба, библиотеки, школы, фельдшерско-акушерского пункта и части молочно-товарной фермы: постройки разбирались на части местными маргиналами, за несколько лет не оставивших от них «камня на камне». 1990-е годы стали периодом наибольшего разобщения села — вследствие крайней бедности одних и относительного благополучия других были разорваны связи, возникшие в колхозе на базе совместной работы и равенства достатка домохозяйств. И даже наличие общего врага в виде организованных преступных групп, которые воровали живность (коров-кормилиц), не стало основой для объединения усилий [3].

Сельское население лишилось доступа к основным благам по причине пауперизации и исчезновения объектов социальной инфраструктуры. Накопленный в советский период социальный капитал утрачивался, и на-

селение было вынуждено самостоятельно заниматься своим духовным, экономическим и культурным развитием, практически не имея для этого сторонних инструментов. Так, после закрытия клуба культурная жизнь свелась к пению народных песен во время застолий, соблюдению украинского народно-обрядового календаря и отмечанию религиозных праздников, проведению сельских конкурсов (например, несколько лет подряд проходил конкурс красоты «Мисс Новоалексеевка» при финансовой поддержке местного малого бизнеса).

Отсутствие средств к существованию, возвращение репатриантов, рост межнациональных противоречий, поиск виновника разрушения сельской инфраструктуры, иждивенческие настроения и повальная безработица привели к социальной фрагментации — село «психологически» превратилось в россыпь автономных хуторов, которые связывали лишь проблемы водопровода. Отсутствие финансовой поддержки со стороны местных властей привело к закрытию скважины с питьевой водой (поломался насос). В водопровод была пущена непитьевая горячая вода, циркулирующая самотеком, но непригодная для полива, что ограничило огородничество, нуждающееся в степной зоне в дополнительном поливе. С этого момента возникли проблемы с доступом к питьевой воде, которую необходимо было привозить из других населенных пунктов, и начались постоянные аварии на водопроводе из-за высоких температур циркулирующей воды.

Возрождение сельской общины началось с приходом в Новоалексеевку специалистов ПРИК ПРООН в 2000-е годы. В фокусе их внимания были локальные инфраструктурные проекты при участии иностранных инвесторов, власти и местных жителей. Ключевыми условиями участия в программе стали: регистрация местной громадой общественной организации («Новоалексеевка–2»), которая будет координировать и реализовывать проекты, и сбор символической суммы со всех жителей села для формирования чувства коллективной ответственности (5). В селе было реализовано три проекта — строительство фельдшерско-акушерского пункта, оросительного водопровода и водопровода питьевого водоснабжения. Были выбраны активисты, которые разъясняли суть проекта и осуществляли сбор средств. В 2003 году появился фельдшерско-акушерский пункт, в 2004 запущен оросительный водовод, в 2007 проложен, но не запущен водопровод для подачи питьевой воды (вода в скважине оказалась непригодной для питья). Конечно, были и те местные активисты, кто использовал проекты для личного обогащения: из-за их недобросовестности оросительный водопровод был проложен недостаточно глубоко, что приводило к его многократному повреждению при распаивании огородов; для питьевого водопровода были закуплены трубы не того диаметра, что сократило подаваемый в систему объем воды.

Реализация проектов привела к формированию сообщества, которое объединяло значительную долю населения села и было способно решать ло-

кальные проблемы. В структуре общины «генератором» инициатив выступали жители с финансовыми ресурсами, заинтересованные в поддержании инфраструктуры села, в первую очередь фермеры — арендаторы земельных паев жителей, частные предприниматели и образованные амбициозные активисты. Они составляют слой сельской элиты (источник финансов) и сельской интеллигенции (источник идей). Периодические сельские сходы по обсуждению общих проблем стали обыденностью. Благодаря общим усилиям в начале 2010-х годов была благоустроена общественный парк, территория бывшего сельского клуба расчищена от бытового мусора, восстановлена ограда кладбища и пр. Но это второстепенные мероприятия, которые не способны долго поддерживать жизнеспособность общины.

Основная причина устойчивого взаимодействия жителей — обслуживание водопровода с хозяйственной водой, который требует постоянного ремонта, поскольку был сооружен в 1970-е годы из подержанных корабельных труб, а потом был подвержен резким перепадам температур. Местное предприятие жилищно-коммунального хозяйства отказалось от водопровода, объяснив свое решение прежним некачественным обслуживанием и большим долгом за услуги. Скважина и водопровод в конце 2000-х годов были переданы сельсоветом в безвозмездное пользование местной сельской общины. С этого момента вода стала бесплатной для жителей, размер ежемесячной платы на ремонтные работы одобрялся общим сходом и учитывал размер домохозяйства, наличие крупного рогатого скота и личного транспорта. Плату собирали и осуществляли ремонт местные жители, которые занимались этой работой за символическое вознаграждение. Функция сбора платы переходила из рук в руки, потому что не все были согласны с решениями общины и конфликтовали со сборщиками: за более чем десятилетний период местного обслуживания сменилось шесть сборщиков оплаты — сначала местные фермеры и предприниматели, потом незанятые жители. Подобная «текучка» сборщиков связана с несогласием ряда жителей на ежемесячные платежи на обслуживание водопровода: *«Некоторые платят не хотят. Ладно бы это бедные были, цыгане, так ведь деньги есть. Зову-зову — никто не выходит, а некоторые и матом обложит могут. И не заставишь платить»*.

За период существования института громады изменилась форма сельской коммуникации: изначально это были объявления в проходных местах (перекрестки, магазин и пр.), а в последние несколько лет в мессенджере была создана «беседа» для обсуждения местных проблем и обмена информацией, в которую включено 120 из 600 жителей села (70 % домовладений). Переход общины в цифровое пространство позволяет увеличить долю участников в принятии решений о сельском развитии. Даже жители, работающие вне населенного пункта, получили возможность участвовать в общественных обсуждениях и доступ к информации о событиях в селе.

Однако в последнее пятилетие наблюдается затухание общественной жизни и распространение апатии. Как это ни парадоксально, но увеличение дотаций в местном бюджете и активное восстановление социальной инфраструктуры (бурение скважины, реконструкция дорожного покрытия, освещение улиц) отодвигает сельских жителей от решения локальных проблем. Роль населения становится второстепенной, основным распорядителем финансовых средств и инициатором проектов выступают местные власти. Например, в 2022 году был введен в эксплуатацию водопровод с питьевой водой, который обслуживает ГУП «Вода Крыма», и горячее водоснабжение было частично закрыто. Сложность обслуживания водопровода с горячей водой и необходимость его модернизации заставило население отказаться от него (появился альтернативный источник воды). Периодические призывы сельских активистов реанимировать проект не встречают одобрения остальных жителей. Государственное финансирование инфраструктурных проектов и неучет мнения граждан постепенно снижает уровень социальной активности населения. *«Как достучаться до власти? Нам дорогу надо сделать, одни ямы. На это денег нет. Вот, газ делали, перерыли полдеревни, потом газовики положили новый асфальт. А другие улицы так и остались все в ямах. Открыли ФАП новый, поставили две площадки, а дорога в Бюк (б) так и стоит без асфальта. Столько лет не могут уладить вопрос — в чьей она собственности. Сельсовет говорит, что не его, район говорит, что не его, надо определять собственника. Пока его нет, деньги никто не выделяет. ФАП, конечно, дело хорошее, но до больницы невозможно в плохую погоду дойти».* Административные барьеры и отсутствие коммуникации между властями и общиной будет и дальше стимулировать апатичность сельского населения.

Таким образом, можно выделить четыре этапа в существовании громады села Новоалексеевка: рождение (объединение жителей по инициативе ПРИК ПРООН); активная фаза (реализация инвестиционных проектов и гражданский активизм, стимулируемые внешними источниками); статичная фаза (завершение проектов, решение социальных проблем по инерции); затухание (снижение активности вследствие разочарования активистов в общественной деятельности, нарастание агрессии со стороны других жителей общины); исчезновение громады (атомизация сообщества и апатичность жителей). Последняя стадия пока не наступила и может не наступить, если в фокусе общественного внимания окажутся острые проблемы, в решении которых заинтересована значительная часть населения, что запустит новый цикл социальной активизации. До 2014 года у сельских сообществ существовало твердое убеждение, что *«если мы это не решим, то никто нам не поможет»*, по причине отсутствия помощи со стороны местных властей. Но затем ситуация изменилась, и сегодня иждивенческие настроения подкрепляются существенным государственным финансированием сельских проектов.

Соотнеся «кейс» Новоалексеевки с идеями авторов «трагедии общин», можно предположить, что возложение в 1990-е годы на сельскую общину бремени распоряжения общими ресурсами не совпал ни с одной из обозначенных ими траекторией. Бедность жителей и отсутствие государственного контроля привели к растаскиванию колхозного имущества, вырубке лесополос и деградации свободных пастбищ, но, с другой стороны, заинтересованность местных жителей и отсутствие помощи со стороны местных властей привели к консолидации и активизации сельского сообщества для решения водного вопроса. Соответственно, нельзя однозначно утверждать, что общие ресурсы оказались «трагедией»: «умное» расходование общих благ и их приумножение в «естественных» условиях были невозможны по причине неразвитости сельской общины и крайней бедности ее членов (люди были заинтересованы в улучшении своего материального положения, а не в планировании «завтрашнего дня»), и для внедрения алгоритмов совместного пользования потребовался соответствующий социальный запрос и готовность.

Безусловно, увеличение финансирования сельской инфраструктуры Крыма в краткосрочной перспективе оказывает позитивное воздействие (доступность для селян образовательных, медицинских, культурных и прочих благ, необходимых для сохранения, реализации и развития социального капитала села). Однако на социальный капитал сельской общины рост государственного финансирования оказывает и определенное негативное влияние: жители не участвуют в планировании и обсуждении проектов, реализуемых на территории сел, что усиливает атомизацию и апатичность громады (совместные усилия не нужны). Соответственно, необходимо налаживание диалога между сельской администрацией и громадой, а также между сельскими жителями и распорядителями бюджетных средств — районными и региональными органами власти.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Примечания

- (1) Составлено автором по материалам переписи населения [5].
- (2) Украинский аналог общины.
- (3) Составлено автором.
- (4) Составлено автором по данным Центральной избирательной комиссии Украины [16].
- (5) Сбор средств менторы Программы аргументировали следующим образом: «Если вы вложите по 2–3 гривны, то не разворуете водопровод, потому что будет чувство ответственности за него».
- (6) Бююк — местное название поселка городского типа Октябрьское (прежнее название поселка — Бююк-Онлар).

Библиографический список

1. Власти крымского Армянска ввели режим ЧС из-за химических выбросов. 15.09.2018 // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b9c53489a7947f9e2dec5ac>.
2. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. Крымская область // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11.
3. *Гусаков Т.Ю.* Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 4.
4. Крымская область // *История городов и сел Украинской ССР*. Киев, 1974. Т. 12.
5. Национальный состав населения. Перепись населения в Республике Крым. 2014 // URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf.
6. Неизвестная Россия: Ногайские степи // URL: <https://www.currenttime.tv/a/unknown-russia/30955065.html>.
7. *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2010.
8. Отчет «Уровень жизни в 14 районах Автономной Республики Крым» // Программа развития и интеграции Крыма Программы развития ООН. Симферополь, 2009.
9. Отчет по оценке эффективности компонента «Демократическое управление с участием граждан» // Программа развития и интеграции Крыма Программы развития ООН. Симферополь, 2009.
10. Представительство и проекты ПРООН в Крыму // URL: <http://www.undp.crimea.ua>.
11. ПРООН в Крыму помогла решить проблемы 700 местных советов // URL: <http://www.kianews.com.ua/news/proon-v-krymu-pomogla-reshit-problemy-700-mestnyh-sovetov>.
12. *Смирнова С.Н.* Проблемы развития социального капитала в России // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2012. № 3.
13. *Твердохлебов Н.И.* Деятельность Программы развития ООН в Автономной Республике Крым // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Экономика*. 2005. Т. 18. № 1.
14. *Троцук И.В.* Новый взгляд на старые проблемы российской периферии // *Крестьяноведение*. 2022. Т. 7. № 1.
15. *Троцук И.В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 3.
16. Центральна виборча комісія України // URL: <https://cvk.gov.ua>.
17. Численность населения по полу по субъектам РФ на 1 января 2022 года (с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 года) // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_RF_01-01-2022_VPN-2020.xls.
18. Эксперты: Крым перестроит экономику после исполнения плана по преодолению дефицита воды. 26.10.2020 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/9814859>.
19. *Arrigoni A.* The rise and fall of social capital: Requiem for a theory? // *Political Studies Review*. 2017. Vol. 15. No. 3.
20. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge University Press, 1972.
21. *Coleman J.* Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94.
22. *Crowe B.L.* The tragedy of the commons revisited // *Science*. 1969. Vol. 166. No. 3909.
23. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. Random House, 1961.
24. *Hardin G.* The tragedy of the commons // *Science*. 1968. Vol. 162. No. 3859.
25. *Nikulin A., Trotsuk I.* Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below” // *Politics and Policies of Rural Authenticity* / Ed. by P. Pospèch, E.M. Fuglestad, E. Figueiredo. Routledge, 2022.
26. *Nikulin A., Trotsuk I.* Teodor Shanin’s scientific legacy: Genres and models for understanding social worlds // *Journal of Peasant Studies*. 2020. Vol. 47.

27. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, 2000.
28. Rose N. Community citizenship and the third way // American Behavioral Scientist. 2000. Vol. 43. No. 9.
29. Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. The fragility of Russia's agricultural production and implications for food security // Eurasian Geography and Economics. 2022. <https://doi.org/10.1080/15387216.2021.2002170>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171

The development of social capital in rural areas of the Crimean Peninsula (on the example of the village of Novoaleseevka)*

T.Yu. Gusakov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Abstract. The crisis in the Russian countryside has been going on for several decades, and its spatial differences only complicate the task of developing a set of anti-crisis measures. The authorities' efforts to revive the depopulating settlements do not have the desired effect. According to the respondents in different regions of Russia, the authorities became concerned with the rural development too late — when a significant share of the able-bodied population either already migrated to cities or decided to do so. Since the Russian urbanization has not yet been completed, measures to counter the atomization of rural communities, to involve the rural population in solving their settlements' problems, and also to support initiatives 'from below' should become a priority for the state. In some ideal development case, we can expect the formation of social networks of people living and working in the same rural community, which would allow it to survive and function effectively, not depending on external actors. The situation on the Crimean Peninsula is a positive example of the opportunities for developing the rural social capital. In the article, the village of Novoalekseevka (Krasnogvardeisky district) is presented as a successful 'case' of the local community's participation in planning the life of the village. From 1995 to 2014, the specialists of the Crimean Development and Integration Program of the United Nations Development Program were supporting the collapsing rural community. The joint maintenance of the water supply and the joint implementation of infrastructure projects helped the population to feel the importance and efficiency of common efforts. After 2014, the state financing of rural projects has increased, but at the same time, the distance between the decision-making authorities and the rural population has also increased, which contributes to the rural population's dependent mood. This situation exacerbates the atomization of rural communities, hinders the development and worsens the state of the social capital of rural areas.

Key words: countryside; community; social capital; human capital; rural democracy; Crimea; self-government; state support; water problem

*© T.Yu. Gusakov, 2023

The article was submitted on 10.09.2022. The article was accepted on 25.12.2022.

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

References

1. Vlasti krymskogo Armyanskaya vveli rezhim ChS iz-za himicheskikh vybrosov [The authorities of the Crimean Armyansk declared a state of emergency due to chemical emissions]. September 15, 2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b9c53489a7947f9e2dec5ac>. (In Russ.).
2. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i selskogo naseleniya oblastey respublik SSSR po polu i natsionalnosti. Krymskaya oblast [All-Union Population Census of 1989. Distribution of the urban and rural population in the regions of the USSR republics by sex and nationality. Crimean Region]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11. (In Russ.).
3. Gusakov T.Yu. Selskaya neformalnaya ekonomika krymskogo sela Novoalekseevka [Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
4. Krymskaya oblast [Crimean Region]. *Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR*. Kiev; 1974. Vol. 12. (In Russ.).
5. Natsionalny sostav naseleniya. Perepis naseleniya v Respublike Krym 2014. Itogi [National Composition. Population Census in the Republic of Crimea 2014. Results]. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf. (In Russ.).
6. Neizvestnaya Rossiya: Nogayskie stepi [Unknown Russia: Nogai Steppes]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/unknown-russia/30955065.html>. (In Russ.).
7. Ostrom E. *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatel'nosti* [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action]. Moscow; 2010. (In Russ.).
8. Otchet "Uroven zhizni v 14 rayonah Avtonomnoy Respubliki Krym" [Report "Living standard in 14 districts of the Autonomous Republic of Crimea"]. *Crimean Development and Integration Program of the UN Development Program*. Simferopol; 2009. (In Russ.).
9. Otchet po otsenke effektivnosti komponenta "Demokraticheskoe upravlenie s uchastiem grazhdan" [Evaluation Report for the Participatory Democratic Governance Component]. *Crimean Development and Integration Program of the UN Development Program*. Simferopol; 2009. (In Russ.).
10. Predstavitel'stvo i proekty PROON v Krymu [The UNDP representation and projects in Crimea]. URL: <http://www.undp.crimea.ua>. (In Russ.).
11. PROON v Krymu pomogla reshit problemy 700 mestnyh sovetov [In Crimea, the UNDP helped to solve the problems of 700 local councils]. URL: <http://www.kianews.com.ua/news/proon-v-krymu-pomogla-reshit-problemy-700-mestnyh-sovetov>. (In Russ.).
12. Smirnova S.N. Problemy razvitiya sotsialnogo kapitala v Rossii [Issues of the development of social capital in Russia]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i Yuridicheskie Nauki*. 2012; 3 (1). (In Russ.).
13. Tverdokhlebov N.I. Deyatel'nost' Programmy razvitiya OON v Avtonomnoy Respublike Krym [Activities of the UN Development Program in the Autonomous Republic of Crimea]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Ekonomika*. 2005; 18 (1). (In Russ.).
14. Trotsuk I.V. Novy vzglyad na starые problemy rossiyskoy periferii [A new look at the old problems of the Russian hinterland]. *Russian Peasant Studies*. 2022; 7 (1). (In Russ.).
15. Trotsuk I.V. Putevoditel po postsovet'skoy agrarnoy reforme v Rossii: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe izmerenie selskoy zhizni [A guide to the post-Soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (3). (In Russ.).

16. Tsentralna vyborcha komisiya Ukraini [Central Election Commission of Ukraine]. URL: <https://cvk.gov.ua>. (In Ukr.).
17. Chislennost naseleniya po polu po sub`ektam RF na 1 yanvarya 2022 goda (s uchyotom itogov Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020 g.) [The number of population by sex by the constituent entities of the Russian Federation as of January 1, 2022 (with the results of the 2020 All-Russian Population Census)]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_RF_01-01-2022_VPN-2020.xls. (In Russ.).
18. Eksperty: Krym perestroit ekonomiku posle ispolneniya plana po preodoleniyu defitsita vody [Experts: Crimea will rebuild the economy after the implementation of the plan to overcome the water shortage]. October 26, 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9814859>. (In Russ.).
19. Arrighi A. The rise and fall of social capital: Requiem for a theory? *Political Studies Review*. 2017; 15 (3).
20. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge University Press; 1972.
21. Coleman J. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 1988; 94.
22. Crowe B.L. The tragedy of the commons revisited. *Science*. 1969; 166 (3909).
23. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. Random House; 1961.
24. Hardin G. The tragedy of the commons. *Science*. 1968; 162 (3859).
25. Nikulin A., Trotsuk I. Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below”. *Politics and Policies of Rural Authenticity*. Ed. by P. Pospěch, E.M. Fuglestad, E. Figueiredo. Routledge; 2022.
26. Nikulin A, Trotsuk I. Teodor Shanin’s scientific legacy: Genres and models for understanding social worlds. *Journal of Peasant Studies*. 2020; 47.
27. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York; 2000.
28. Rose N. Community citizenship and the third way. *American Behavioral Scientist*. 2000; 43 (9).
29. Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. The fragility of Russia’s agricultural production and implications for food security. *Eurasian Geography and Economics*. 2022. <https://doi.org/10.1080/15387216.2021.2002170>.

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

ESSAYS AND REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-172-179

Наше травмированное общество: причины, следствия, пути преодоления *

Л.Н. Доброхотов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия
(e-mail: dobrokhotoza@yahoo.com)

Аннотация. Статья представляет собой размышления над монографией Ж.Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)». (Москва: «Весь Мир», 2020. 352 с.). В книге проанализирована та грандиозная травма, которая была нанесена российскому государству и народу крушением СССР. Одновременно рассматриваются те травмы прошлого и настоящего, которые переживают другими странами вследствие политических, экономических, социальных, а нередко и военных катаклизмов.

Ключевые слова: травма; общество травмы; развитие общества; революция; эволюция; Тощенко

Изначально термин «травма» был заимствован из медицинской практики рядом англосаксонских социологов, однако Ж.Т. Тощенко значительно расширил масштаб и углубил анализ этого феномена, присущего современной политико-экономической и социокультурной реальности, прежде всего за счет тематики, касающейся судьбы нашей страны. По мнению автора, можно говорить о третьей модальности в развитии общества, которая существует наряду с традиционными модальностями — революцией и эволюцией. В то же время автор убежден, что сами по себе, без серьезнейших причин, такие исторические процессы не происходят.

На основании своих изысканий Тощенко приходит к выводу, что состояние современной России не может быть описано устоявшимися определениями эволюции или революции — к ней, как и ко многим другим странам,

*© Доброхотов Л.Н., 2023

Статья поступила 20.11.2022 г. Статья принята к публикации 25.12.2022 г.

применим термин «общество травмы». В отличие от эволюций и революций, способных при благоприятных условиях привести общество к позитивным социальным изменениям, травма обрекает государство на тяжелейшие катаклизмы, в лучшем случае на длительную историческую депрессию, резкий откат от ранее достигнутых рубежей, нередко на подлинный социальный обвал. Впрочем, не подвергая сомнению теорию Тощенко и даже считая ее новым словом в социальной науке, я в то же время полагаю, что начатые М.С. Горбачевым и его окружением («прорабами перестройки»), продолженные Б.Н. Ельциным и «клеветами» угробившие страну «реформы» были классической контрреволюцией, которую можно сравнить с реставрацией династии Стюартов после революции в Англии, с захватом власти Наполеоном после Великой французской революции и затем восстановлением династии Бурбонов, не говоря уже о безуспешной попытке белой контрреволюции во время Гражданской войны в России, которая все-таки удалась 70 лет спустя.

Обосновывая показатели общества, Тощенко приводит противоположные по смыслу и последствиям идеи выхода из этого состояния, предлагаемые как либералами-западниками, так и носителями социалистических взглядов, призывающих к преодолению кризиса, не повторяя ошибок СССР. Я полагаю, что в истории нашей страны есть позитивный опыт преодоления травмирующих ситуаций в результате модернизации 1920-х — начала 1950-х годов. О возможности выхода из кризиса говорит успех социалистических Китая и Вьетнама, а также достижения Кубы, добившейся высоких социальных показателей, особенно в области бесплатного образования и здравоохранения. Однако Тощенко считает, что в нынешней попытке преодоления социальной травмы нашей стране присуще нечто особенное — половинчатая и непоследовательная реставрация некоторых советских традиций и норм в сочетании с упорным сохранением рыночного фундаментализма и либерализма «европейской цивилизации», которые модифицируются на «евразийский» лад. Это подтверждается описанием реальных общественных деформаций в странах, под влиянием нанесенной им тяжелой политической травмы длительное время стагнирующих и/или деградирующих, включая самые развитые в составе СССР — России и Украины. Цитируются и западные социологи Дж. Александер и П. Штомпка: они считают травму состоянием, которое переживает социальная группа или общество в результате разрушительных событий, наносящих болезненный ущерб гражданскому обществу (по сути, главному фактору, обеспечивавшему смысл и существование советского государства).

К причинам травмы Тощенко относит длительное отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи, игнорирование национальных интересов или чрезмерную их абсолютизацию. Все эти критические

для существования государства опасности в свое время были проанализированы В.И. Лениным, но десятилетия были спустя забыты или проигнорированы, чтобы наступить на те же грабли, что и при Временном правительстве, в период белогвардейской смуты и Гражданской войны. Что касается травмирующего эффекта социально-экономических реформ в перестроечные и постсоветские времена, то Тощенко справедливо отмечает: реформы начали проводить силы, не имеющие ни ясной стратегической цели, ни четкой программы действий — только намерение непременно сломать все, что было до них, и построить что-то такое, чего никто прежде не знал, или в крайнем случае механически повторить то, что зарекомендовало себя в других странах (с совершенно иными, чем у России, условиями). Кроме того, за образец была взята та финансово-спекулятивная неолиберальная модель экономики, которая, в отличие от социалистической модели Китая и Вьетнама (сочетание плановых и рыночных механизмов), госкапитализма Индии и других бурно развивающихся стран, давно уже демонстрировала на Западе кризисную, затухающую, малопродуктивную и социально ущербную форму.

В результате, по оценке Тощенко, длительное пребывание России в турбулентном состоянии (1990-е — 2000-е) привело к тому, что она может быть отнесена к обществу травмы, так как более тридцати лет не может достичь многих важнейших показателей экономического и социального развития. Отметим, что с 2012 года «рост» ВВП колеблется в нашей стране около нуля (в 2022 году он составил 2,5%). Вспоминается Л. Кэрролл с сагой об Алисе: по словам одного героя этой философской сказки, бывают такие времена, когда, чтобы удержаться на прежнем месте, требуется быстро идти вперед, а чтобы оказаться впереди, надо нестись туда во всю прыть. Мы же стоим на месте, в то время как во Вьетнаме в 2022 году рост ВВП превысил 8%, в Индии — 6,8%. Россия по показателю темпов роста ВВП находится примерно на 100 месте в мире.

По мнению А.Г. Аганбегяна, российские банкиры имеют гигантские личные сбережения, из которых лишь 1% вкладывают в национальную экономику, храня в западных банках средства, многократно превышающие бюджет страны. В годы гайдаровских неолиберальных реформ народное хозяйство страны потеряло больше, чем в Великую Отечественную войну. Где же мы находимся сегодня? На этот вопрос на Московском экономическом форуме в декабре 2022 года ответил Р.И. Нигматулин: и после 2013 года ВВП на душу населения у нас в стране по-прежнему меньше, чем в таких средних по развитию государствах, как Португалия и Турция, в бывших соцстранах Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и Румыния) и даже бывших союзных республиках (Литва и Эстония). Вопрос в том, как мы намерены побеждать в нынешнем тотальном противоборстве с Западом, насчитывающим свыше 1 млрд человек, имея 150-миллионное население и долю ВВП на раз-

витие человека (образование, здравоохранение, науку) на протяжении последних 30 лет в 9 %, в то время как на Западе эта доля составляет 20 %?

К травме общества можно отнести и то, что за постсоветские годы число научных сотрудников в России сократилось в три раза, и по этому показателю мы оказались на 29 месте в мире (только 10 человек из 100, заканчивающих аспирантуру, защищают кандидатские диссертации). По показателям здоровья в России самая высокая смертность в Европе (мужчин — в три раза, женщин — в два раза), и в мире мы находимся по этому показателю на 119 месте.

Помимо других причин Тощенко видит корень травматического состояния нынешней России в отсутствии у правящей элиты понятных и разделяемых народом идей, созидательной идеологии, способной вывести государство и общество из угрожающей ситуации. В результате даже ВЦИОМ в годовом отчете за 2022 год был вынужден констатировать значительное снижение социального оптимизма у половины населения страны. А самый очевидный индикатор общества травмы, по Тощенко, — результаты деятельности групп, по недоразумению называемых элитой и отличающихся патологическим неприятием и даже ненавистью ко всему советскому, в том числе к несомненным достижениям этого периода отечественной истории.

Вопрос о том, кто виноват в сложившейся в стране ситуации, Тощенко подробно и убедительно прорабатывает в разделах «Основные проявления травмы в российском обществе» и «Социальный и человеческий капитал в обществе травмы». Так, сегодня Россия тратит на образование только 4 % ВВП, тогда как в 1950-е — 37,8 %, занимая тогда 3 место в мире по уровню образования, а сейчас скатившись на 88. Нельзя не согласиться с тем, что образование — сфера достижения блага общества, обеспечения творчества и раскрытия интеллектуального потенциала человека, а не инструмент извлечения прибыли из (в значительной мере платной) системы обучения, где вузы включены в систему квазирыночных отношений с далеко идущими негативными последствиями.

Расслоение в российском обществе наблюдается не только по уровню доходов, но и по доступу к системе образования — работает не принцип отбора талантливых и трудолюбивых, а финансовые возможности и амбиции семьи. Отмечу, что введение ЕГЭ в целях облегчения доступа к высшему образованию молодежи из провинции не только не решило проблему, а усугубило ее, как и замена классического принципа отечественной школы «знания, умения, навыки» западным понятием «компетенции», главной из которых считается способность учащихся прорываться через тесты, проверки и т.п. А забытый и до сих пор не восстановленный в высшей школе принцип воспитания достойного члена общества и патриота привел к постоянно увеличивающемуся числу молодых людей, индифферентных к задачам и проблемам

социума, озабоченных лишь личным преуспеванием, что делает образование бессмысленным.

С аналогичных гражданских позиций Тощенко оценивает состояние отечественной науки: ее забвение — один из показателей травмированного общества, ведь очевидно отставание тех стран, которые уделяют минимум внимания науке и уповают на использование чужого (в нашем случае западного) опыта. Что и произошло за последние тридцать лет в нашем государстве, в советские годы величайшем в мире по уровню развития, прежде всего естественных, наук. В этом разделе Тощенко затрагивает значимый для меня вопрос. Так получилось, что многие годы я, работая в Октябрьском районе Москвы, где были расположены более ста отраслевых и академических НИИ и Президиум АН СССР, имел привилегию и великое счастье повседневно общаться с научными коллективами ведущих институтов и возглавлявшими их великими учеными — все они были убежденными патриотами.

Тощенко цитирует выдающегося ученого — президента АН СССР, а в последние годы деятельности — директора Института общей и неорганической химии А.Н. Несмеянова: «академия — теоретический вождь в науке». В 1989 году затраты на науку в бюджете СССР составляли 6,6 %, а численность научных работников — около 5 млн; сегодня по показателю удельных затрат на науку (1,1 %) мы резко отстаем от ведущих стран мира, оказавшись на 31 месте, а число занятых в науке в 2017 году упало до 707 тысяч, число научных организаций сократилось на 22 %. В результате такой бюджетной политики доля России на рынке современных технологий составляет 0,3 % (США — 39 %). В лучшие советские годы по этому и другим показателям развития науки мы были равны США или же превосходили их (что признавали в публичных выступлениях даже президенты Дж. Кеннеди и Р. Никсон): американцы буквально гонялись за нашими научно-техническими достижениями, переводя на английский язык большинство наших журналов, тысячи монографий и диссертаций.

С 2013 года, по мнению Тощенко, проводится целенаправленная дискредитация Российской академии наук — для уменьшения ее роли в экономике и обществе, фактически превращения в клуб ученых без законодательно обеспеченной и практически реализуемой значимой функции. В книге цитируется выступление В.А. Садовниченко на Совете по науке и образованию при Президенте РФ: в США в 2015 году работало 18 тысяч эмигрировавших из России докторов наук, а в России их осталось 28 тысяч, т.е. каждый третий ученый, выучившийся и получивший докторскую степень в России, трудится на благо государства, являющегося открытым противником нашей страны. Если бы в России были созданы условия для жизни и работы, сопоставимые с американскими, большая часть таких эмигрантов вернулась бы на Родину (как в 1934 году П.Л. Капица). Но пока Россия переживает вторжение неолиберальных идей в управление наукой, причем с результатом, противополо-

ложным тем странам, где эти идеи родились: там никто не навязывает университетам и научным институтам тематику исследований, не диктует, как их проводить, не терроризирует бесчисленными бюрократическими проверками и отчетностью, включая обязательные публикации в «рейтинговых» журналах. Кроме того, в советское время зарплата доктора наук была сопоставима и даже превосходила оклады большинства хозяйственных руководителей самого высокого ранга. Я помню, что в то время, согласно опросам, каждый третий старшеклассник хотел стать ученым — так высок был престиж науки. Тощенко приводит социологические данные о том, что сегодня этот престиж упал до 3 % (самый конец перечня из 22 профессий).

Я хорошо помню мое общение в 1970-е годы с одним из легендарных изобретателей лазера, содиректором Физического института АН СССР А.М. Прохоровым, который потом в 1990-е годы в интервью газете «Известия» задастся вопросом «Нужен ли я своей стране?». В эти годы я побывал в ФИАНе на собрании ученых — меня поразили дух бедности, социальной заброшенности, профессиональной не востребоваемости этих людей, совсем недавно составлявших цвет советской и мировой науки.

В аналогичном положении оказалось здравоохранение: в настоящее время на него тратится 4 % ВВП — в сравнении с 10 % в развитых странах Европы и 17 % в США (в СССР — 10 %, и страна занимала первое место в мире по обеспеченности врачами на душу населения). По мнению Тощенко, проходившая на наших глазах и за наш счет «оптимизация» здравоохранения только усилила травматическое состояние российского общества. По данным Фонда «Общественное мнение», в 2019 году 53 % считали, что в российском здравоохранении дела обстоят плохо (к моменту выхода книги в 2020 году — уже 74 %). Ради объективности заметим, что, по данным Росстата на 2022 год, средняя зарплата врачей увеличилась до 93 тысяч рублей, причем в 19 регионах она оказалась выше этого показателя, в остальных — ниже. Особую проблему в большинстве регионов, включая Москву, представляет запись на прием к специалистам узкого профиля (кардиологам, невропатологам и т.д.), т.е. людей вынуждают прибегать к платным услугам, на которые у большинства просто нет средств. Не отсюда ли, помимо других социальных последствий травмы, катастрофическая и до сих пор непреодоленная демографическая проблема? В последние годы мы теряем примерно по миллиону человек год (в 2022 году — 600 тысяч), и это один из худших показателей в мире.

Одну из причин травмированности российского общества Тощенко видит в появлении на исторической сцене в качестве лжелидеров бездушных и несостоятельных группы лиц, похоронивших великое государство и полностью проваливших свои громко заявленные в ходе деконструкции СССР цели создания чего-то несравненно лучшего. Тощенко приводит высказывание В.В. Путина на «Прямой линии» 2019 года, где он отказался назвать «бандой» этих оказавшихся в руководстве страны людей, но признал, что «за

это время у нас полностью развалились социальная сфера, промышленность, оборонка.., мы практически развалили Вооруженные силы, довели страну до гражданской войны, до кровопролития на Кавказе и поставили страну на грань утраты суверенитета и развала». В России возникло государство, функционировавшее как бы само по себе, без руля и ветрил, с непонятными политическими и социальными целями, и народу был не ясен вектор его развития.

Но понятен ли этот вектор сейчас? Кстати, прекрасно понимая, как негативно большинство граждан относится к капитализму, ни Горбачев, ни Ельцин, ни Путин так и не решились назвать строй, воцарившийся вместо социализма и советской власти. Только в 1920-е годы Путин признал капитализм зашедшим в исторический тупик и допустил, что социализм может быть лучшей альтернативой в случае встраивания в него рыночных экономических механизмов. Впрочем, никаких практических шагов в этом направлении не последовало, несмотря на опыт Китая, который прервал свой долгий и опасный период травмы, найдя стратегически безошибочный путь развития в сочетании социалистической плановой системы с рыночными отношениями.

В 1990-е годы и позже советскому и российскому руководству не хватило сил и ответственности, чтобы воспользоваться китайским опытом, хотя истоки такого подхода просматриваются еще в ленинском НЭПе и в сталинской модели экономики, сочетающей ведущую роль государства в стратегических областях с массовым негосударственным, но подчиняющимся единому плану, артельным производством (выпускало по ряду направлений до 80 % продукции ширпотреба и сельхозпродукции).

Таким образом, читатель монографии получает четкое представление о том, кто виноват и в чем причина того, что произошло с нашей страной. Остается ответить на другой классический вопрос: что делать? Вечно ли это травмированное общество? Тощенко уверен, что общество травмы не вечно: на основе многочисленных опросов он делает вывод, что наш народ желает социальной справедливости, социальной стабильности и гарантированного будущего, хочет знать, какое общество строится в России. Это подтверждают и опубликованные уже после выхода книги данные Фонда «Общественное мнение» за январь 2023 года — более 80 % граждан России всех возрастов позитивно оценивают социальные достижения советского периода и, прежде всего, обеспечение принципа социальной справедливости.

Тощенко совершенно справедливо недоумевает, почему до сих пор не был проведен коренной пересмотр экономической и социальной политики, начатой в 1990-е годы и провалившейся. Складывается впечатление, что руководство страны это понимает, судя по ряду политических решений и акций публичной политики, например, по отмене в январе 2023 года очередного Гайдаровского форума с традиционным участием руководства правитель-

ства, присягнувшего тогда на верность неолиберальному курсу. Однако экономическая и социальная политика «а ля Гайдар» сохраняется: широко представленные во власти и в медиа сторонники и апологеты либерализма не хотят признать поражение проводимых ими реформ, саботируя даже указания главы государства. Но это уже вопрос к кадровой политике президента — ведь в стране активно заявляют о себе теоретики и практики левых взглядов, которых поддерживает большинство населения. Вместе с автором книги я уверен — будущее за ними!

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-172-179

Our traumatized society: Causes, consequences, and solutions*

L.N. Dobrokhotov

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia
(e-mail: dobrokhotoza@yahoo.com)

Abstract. The article is a reflection on the monograph by Zh.T. Toshchenko *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (Theoretical-Empirical Analysis)* (Moscow: Ves Mir, 2020. 352 p.). The book analyzes the huge trauma of the Russian state and people after the collapse of the USSR. At the same time, the book identifies those traumas of the past and present that other countries experience under political, economic, social, and often military cataclysms.

Key words: trauma; trauma society; development of society; revolution; evolution; Toshchenko

*© L.N. Dobrokhotov, 2023

The article was submitted on 20.11.2022. The article was accepted on 25.12.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-180-187

Олигархия и лидер — близнецы-братья *

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Газетный пер., 3–5, стр. 1, Москва, 125009, Россия
(e-mail: harmina@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на знаменитую книгу классика политической социологии Роберта Михельса (1876–1936), опубликованную еще в 1911 году, но вышедшую в России совсем недавно, — «Социология политической партии в условиях современной демократии: исследование олигархических тенденций в совместной жизнедеятельности» (М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 448 с.). Книга впервые переведена с немецкого языка на русский И. Ивакиной под научной редакцией Д. Карасева. В статье на основе анализа основных положений книги, связанных с понятиями «лидер», «партия», «демократия» и «массы», рассматривается феномен власти олигархии не только в традиционных и консервативных, но и в современных радикальных, демократических и социалистических системах. В итоге признается, что так называемый «железный закон олигархии» Р. Михельса остается злободневно актуальным.

Ключевые слова: лидер; олигархия; железный закон олигархии; организация; демократия; бюрократия; социалистическая партия; Михельс

*«Социалисты начала двадцатого века
слишком поздно обнаружили приход олигархии...
Когда же они спохватились,
олигархия была уже налицо»
Джек Лондон «Железная пята»*

111 лет спустя после выхода в свет в России опубликован перевод знаменитой книги Роберта Михельса о повсеместной неистребимости и мощи олигархии даже в демократических, ориентированных на социализм партиях и политических системах. Суть этой всепобеждающей олигархической тенденции Михельс выразил в своей знаменитой метафоре железного закона олигархии, которую знают все социологи, при этом редко вспоминают подробности жизни и мировоззрения барда классической политологической теории олигархии. В этой связи А.Н. Малинкин

*© Никулин А.М., 2023

Статья поступила 10.10.2022 г. Статья принята к публикации 25.12.2022 г.

верно подметил: «Роберта Михельса трудно понять, исходя только из его сочинений. Он не был кабинетным мыслителем. Статьи и книги Михельса — естественное продолжение его участия в общественно-политической жизни Германии и Италии» (С. 80). Поэтому, прежде чем обратиться к знаменитому труду Михельса, кратко охарактеризуем его жизнь и мировоззрение.

Роберт Михельс, выходец из богатой торговой католической семьи Кельна, укорененной в традициях предпринимательства Германии, Франции и Италии, оказался органично связан с перекрестками важнейших социальных, политических и культурных событий Европы конца XIX — начала XX века. Получив прекрасное образование, свободно владея немецким, французским и итальянским языками, учившись и стажировавшись в ведущих университетах европейского континента, буржуа по наследственному статусу становится социалистом по сознательному выбору. В молодости он с сочувствием относился к радикальному синдикалистскому рабочему движению Франции и Италии, писал об этом публицистические статьи, критически размышляя о теории и практике синдикализма в связи с другими влиятельными направлениями социалистической мысли, прежде всего марксизмом и анархизмом.

В середине жизни Михельс начинает основательно специализироваться в сумрачном лесу новейших академических течений политической социологии начала XX века, обращаясь, прежде всего к работам Г. Моски, В. Парето и М. Вебера. Свои теоретические изыскания он постоянно проверяет эмпирическим социологическим анализом повседневной жизни левых политических партий и движений и особенности жизнедеятельности самой мощной рабочей партии того времени — социал-демократической партии Германии. В 1911 году он публикует, как оказалось, свой самый знаменитый и главный труд жизни «Социология политической партии в условиях современной демократии», в котором сформулировал «проклятые вопросы» взаимоотношений внутри социальной пирамиды (массы–партии–лидер), чьи внутренние противоречия и потрясения разрешаются перманентной олигархической организацией управления.

И после 1911 года Михельс плодотворно работал, но по политическим убеждениям неуклонно смещался вправо, во второй половине жизни окончательно поселившись в Италии и связав свою академическую и политическую карьеру с идеологическим обоснованием значения фашистского режима Бенито Муссолини [6].

Имя и труды Михельса были известны его влиятельным современникам, вызывая у них порой неоднозначные оценки. Так, В.И. Ленин в своей грубоватой, но пронизательной манере охарактеризовал Михельса как болтливую автору, в работах которого содержится ценный материал [3. С. 12]. Вероятно, ленинский ярлык «болтливости» можно интерпретировать в том смысле, что

Михельс красноречиво «выбалтывает» сокровенные тайны «реал политик», о которых лучше не ведать непосвященным.

В длинном названии книги Михельса имеется некоторое противоречие: ключевыми словами являются часто употребляемые «партия», «демократия», «олигархические тенденции», но все же не упомянуто фактически ее главное слово «лидер». В книге, состоящей из шести частей, первые пять посвящены междисциплинарному анализу феномена лидера: I. Этиология лидерства; II. Подлинные авторитарные устремления лидеров; III. Управление массами и его психологическое воздействие на лидеров; IV. Социальный анализ лидерства; V. Попытки превентивного ограничения власти лидеров. Многие названия глав в этих пяти частях также включают в себя слово «лидер» (или «руководитель», «руководство», «бонапартизм»).

Пожалуй, трактат Михельса должен был бы называться «Лидер», подобно названию трактата Макиавелли «Государь». В отличие от Макиавелли, анализировавшего логику захвата и удержания власти герцогами эпохи осени феодализма, Михельс рассматривает стремление к авторитарному лидерству председателей рабочих партий периода весны демократий. Книга пронизана позитивными упоминаниями роста вглубь и вширь различных форм демократического организованного рабочего движения в виде не только политических партий, но и профсоюзов, кооперативов, синдикатов и ассоциаций трудящихся. Разделяя в целом постулат К. Маркса, что вместе с развитием капитализма неуклонно возрастает численность рабочего класса, его самосознание и организация, которые в скорой перспективе должны привести к победе социалистической революции, Михельс все же отмечает, что почти повсеместно лидеры и руководство социалистических организаций больше озабочены тем, как им подольше удержаться на вершинах социалистической партийной власти. При этом и рабочие массы как будто способствуют формированию нового слоя социал-демократической олигархии.

Конечно, к этому времени уже было очевидно, что в условиях буржуазной демократии либерально-демократические силы (в Англии, например) продемонстрировали, как мало они отличаются по своему моральному облику от сил реакционно-консервативных. О чем свидетельствовал, например, такой английский сатирический стих 1870-х годов: «Вы, темные приспешники Короны Британской, что правите в пороке, среди карт и шампанского! Прочь, демократии грядет авангард, чтоб править среди роскоши шампанского и карт» [7. С. 129]. Хотя казалось, что для партийного руководства социалистов такое буржуазное перерождение не может быть характерным именно вследствие массово открытой демократической организации рабочих партий, члены которых — искренние товарищи среди равноправных отношений трудовой солидарности. Но Михельс неоднократно подчеркивает, что все это лишь абстрактные социалистические теоретические мечты, а в повседневных политических отношениях и среди партий социалистов

усиливается устойчивая традиция олигархического руководства, пусть пока в скромных, а не роскошно-развращенных формах, характерных для олигархата буржуазных партий.

В этой связи Михельс формулирует важнейшие тезисы своего сочинения: «Возникновение олигархизации в лоне революционных партий — весьма убедительное доказательство существования глубинных олигархических тенденций в любом человеческом сообществе. Социал-революционные и демократические партии провозглашают своей главной целью свержение олигархии во всех ее формах. Возникает вопрос: как объяснить, что те же самые тенденции, против которых они ведут борьбу, развиваются и внутри этих партий? Поиск беспристрастного аналитического ответа на этот вопрос составляет одну из ключевых задач этой книги» (С. 31).

Далее Михельс размышляет над этическим приукрашиванием социальной борьбы: например, и руководства социалистов касается проблема передачи политической власти по наследству, конечно, если не по праву родства, то по крайней мере по преемственности политического лидерства. При этом Михельс все время повторяет, что совершенная демократия остается несбыточным идеалом. Да, революции случались, но демократии не получались, потому что демократия требует определенной организации. Однако «организация — источник, в котором берут начало потоки консерватизма, чтобы впоследствии стать причиной разрушительных наводнений в долине демократии» (С. 42). То есть сами по себе технико-административные основы любой организации содержат неистребимый потенциал для ее олигархизации. По Михельсу, механически и технически не осуществимо прямое правление народных масс: «Организация всегда подразумевает тенденцию к олигархизации. В сути любой организации (будь то партии, профсоюзы и т.д.) таится склонность к аристократии... Организация окончательно разделяет любую партию или профсоюз на ведущее меньшинство и ведомое большинство» (С. 52–53). В результате мы видим, как даже на рабочих конгрессах, представляющих собой во много раз уменьшенную копию социалистической партии, все ключевые вопросы обсуждаются и решаются в кабинетах и кулуарах. Определенно с ростом организации возрастает количество задач ее руководства и сокращается прозрачность его работы: «чем больше растет организация, тем иллюзорнее становится контроль» (С. 54).

Наблюдая за ростом численности социалистических партий и организаций, Михельс приходит к пессимистическим выводам: «Возникает сложная постройка с запутанной планировкой... В этом случае движение политической партии к олигархической бюрократии практически и технически необходимо... Даже радикальное крыло социал-демократической партии не может ничего поделать с этим вырождением» (С. 55).

Важным фактором олигархизации партии является ее установка на политическую борьбу, т.е. партия должна находиться в состоянии постоянной

боеготовности. А для этого необходима система централизованной отдачи и исполнения приказов. Михельс отмечает, что лидеры немецкой социал-демократии А. Бебель и Ф. Энгельс сделали многое для теории и практики организации социал-демократии именно с точки зрения применения принципов военного дела в партийной жизни.

Помимо технической стороны партийного дела есть еще и социально-психологическая: процедуры выбора и делегирования полномочий лидера содержат в себе значительную психологическую составляющую, но главное — неистребимая потребность масс в лидере, благоговении перед ним. Михельс приводит разнообразные примеры того, как трудящиеся восторгаются своими национальными и региональными вождями — от знаменитых оргий радости немецких рабочих перед явлениями Ф. Лассалья и ряда других лидеров германской социал-демократии до почти религиозного экстаза и почитания итальянскими крестьянами лидеров своих сельскохозяйственных кооперативов. Конечно, есть и интеллектуальные причины олигархизации политической жизни социалистов, которые коренятся в культурном превосходстве профессиональных руководителей над реально некомпетентными и малообразованными рабочими массами.

Наконец, имеются собственные цели и устремления лидеров, которые подлинно авторитарны, потому что лидерам необходима устойчивость в деятельности, которая обеспечивается установлением финансовой власти партии и партийного руководства, взаимоотношений с прессой, выстраиванием повседневных взаимодействий между руководителями и партийными массами. Лидерам приходится быть авторитарными еще и потому, что между ними идет борьба за руководство партией, а в такой борьбе авторитарские методы достаточно эффективны, хотя и недостаточно демократичны.

Постоянное управление массами также оказывает психологическое воздействие на лидеров — с ними происходят метаморфозы превращения в авторитарных вождей партии и масс. Лидерам становится присуща бонапартистская идеология прямого взаимодействия между руководителем и народом, стоящая выше формальных демократических процедур. Однажды придя к власти на волне поддержки народных масс, лидер постоянно утверждает, что именно этим демократическим актом он утвержден в своем несменяемом состоянии руководителя. Именно так формируется тождество партии и личности. За 13 лет до рождения поэтического слогана В.В. Маяковского «Партия и Ленин — близнецы-братья» Михельс в прозаической форме убедительно обосновывает, как лидер и партия превращаются в близнецов-братьев: когда говорят лидер, подразумевают партию, говорят партия, подразумевают лидера. И уж тем более являются близнецами-братьями лидер и олигархия — олигархия делает лидера, как короля делает свита.

Особый раздел книги составляет модная и актуальная в начале XX века тема социального анализа лидерства в связи с буржуазным и пролетарским

происхождением, а также поведением в ходе классовой борьбы. Михельс достаточно подробно, часто обращаясь к примерам, анализирует характер буржуазных элементов в социалистическом руководстве партий, неоднородность рабочего класса и процессы дифференциации в нем. Завершает эту тему Михельс размышлениями о значении так называемого «академического вопроса», или значимости интеллигенции в рабочей партии.

Возможно ли превентивно ограничить власть лидеров и распространяющейся вместе с ними неизбежной олигархической ауры? Михельс рассматривает разнообразные практики и рецепты антиолигархических ограничений, но полагает, что все они не являются панацеей. Например, проведение демократических референдумов никогда не приносит действительно демократического результата. Отречение лидера от власти, как правило, в большинстве случаев искусно подстраивается самим лидером, чтобы в результате массы обратились к нему с просьбой о непременном продолжении исполнения им своих властных полномочий. Конечно, наиболее антиавторитарными и антиолигархическими представляются теории и практики синдикализма, особенно анархизма. Но, как показывает Михельс, даже в синдикалистских организациях, а также в кооперативах и профсоюзах, особенно чем больше они в размерах, неизбежно проступают олигархические черты управления. Пожалуй, признает Михельс, лишь анархизм в теории и практике своих знаменитых представителей, таких как П.Ж. Прудон и Э. Малатеста, М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин, является искренним, пронизательным и непримиримым оппонентом олигархии. Однако в результате своего антииерархического пуризма анархизм оказался на обочине реальной власти. По мнению Михельса, анархизм слишком принципиален и наивен в вопросах реальной социологии организации, а потому обречен быть вечным благородным аутсайдером в мире циничной политики.

В итоге Михельс приходит к пессимистическому описанию синтеза олигархических тенденций в партийной организации, основанного на воспроизводстве консервативного баланса, при котором демократия по форме детерминируется железным законом олигархии по существу. Закон утверждает принцип формирования и смены властных элит, согласно которому при любой форме социальной организации, даже демократической, они неуклонно стремятся выродиться в олигархию.

Прошедшие после публикации книги десятилетия подтвердили верность политических прогнозов Михельса об устойчивости феномена олигархизации власти в любых политических системах [1]. Более того, тоталитарные режимы, пришедшие к власти от имени революционных демократий трудящихся масс, в конечном счете породили и самые гнетущие формы правящей олигархии [2]. Как тут не вспомнить оруэлловские описания внешней и внутренней организации (олигархической) партии в утопии 1984 года, где железный закон олигархии Михельса доведен до стального садистского абсур-

да в утверждениях партийного олигарха О’Брайена: «Мы знаем, что делаем, и в этом наше отличие от всех олигархий прошлого. Все остальные, даже те, кто напоминал нас, были трусы и лицемеры. Германские нацисты и русские коммунисты были уже очень близки к нам по методам, но у них не хватило мужества разобраться в собственных мотивах. Они делали вид и, вероятно, даже верили, что захватили власть вынужденно, на ограниченное время, а впереди, рукой подать, уже виден рай, где люди будут свободны и равны. Мы не такие. Мы знаем, что власть никогда не захватывают для того, чтобы от нее отказаться. Власть – не средство; она цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий – репрессии. Цель пытки – пытка. Цель власти – власть» [5. С. 330–131].

Впрочем, можно вспомнить и другую утопию — не с бесконечно ужасным, а с относительно счастливым олигархическим концом (увы, не сбывшимся) — представленную А.В. Чаяновым в описании сельской утопической Москвы 1984 года. Здесь тоже есть представитель элиты — интеллигент-олигарх, который в ответ на упрек в изоцидном олигархизме объясняет, как в результате развития культуры может победить настоящая демократия и самоупражняться коварная олигархия: «Не волнуйтесь..., во-первых, каждая сильная личность не ощутит даже намека нашей тирании, а во-вторых, вы были правы лет тридцать назад – тогда наш строй был олигархией одаренных энтузиастов. Теперь мы можем сказать: “Ныне отпускаешь раба твоего!”. Крестьянские массы доросли до активного участия в определении общественного мнения страны. Попробуй самая сильная организация пойти вразрез мнению тех, кто живёт и думает в избах Яропольца, Муринова и тысяч других поселений, – сразу же потеряет она свое влияние и духовную власть. Поверьте, что духовная культура народа, раз достигнув определенного, очень высокого духовного уровня, далее удерживается автоматически и приобретает внутреннюю устойчивость. Наша задача заключается в том, чтобы каждая волость жила своей творческой культурной жизнью... и, достигнув этого, мы, энтузиасты возрождения села... можем спокойно сходить в могилу» [9. С. 187–188]. Утопия культурной самоликвидации олигархии посреди демократической сельской местности не осуществилась, а ее автор был казнен, обвиненный в противостоянии сталинским олигархам [8].

Несомненно, со времени публикации работы Михельса обоснованное им роковое значение олигархии неоднократно находило подтверждение в самых разных политических системах мира, по-прежнему сохраняя свою тревожную злободневность.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Барков С.А., Дорохина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А. Династии и фамилии-бренды в политической сфере постиндустриального общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
2. Кронрод Я.А. Очерки социально-экономического развития XX века. М., 1992.
3. Ленин В.И. Империализм и социализм в Италии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1963. Т. 27.
4. Малинкин А.Н. Теория политической элиты Р. Михельса // Социологический журнал. 1994. № 3.
5. Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. М., 1989.
6. Парето В. Трансформация демократий. М., 2013.
7. Хобсбаум Э. Век империй. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999.
8. Чайнов А.В. Письмо А.В. Чайнова В.М. Молотову о представлении записки о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с его довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран от 6 октября 1927 года // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3.
9. Чайнов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Венецианское зеркало. М., 1989.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-180-187

Oligarchy and leader are twin brothers*

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia
Moscow School of Social and Economic Sciences,
Gazetny Per., 3–5, 1, Moscow, 125009, Russia
(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the famous book by Robert Michels (1876–1936) published in 1911 but only recently translated into Russian, *Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy* (Moscow: Publishing House “Delo”, 2022. 448 p.). This is its first translation from German into Russian by I. Ivakina under the scientific editorship of D. Karasev. Based on the analysis of the main ideas of the book related to the concepts of ‘leader’, ‘party’, ‘democracy’ and ‘masses’, the author considers the phenomenon of the power of oligarchy not only in traditional and conservative systems but also in the modern radical, democratic and socialist ones. Thus, the so-called “iron law of oligarchy” formulated by R. Michels remains topical.

Key words: leader; oligarchy; iron law of the oligarchy; organization; democracy; bureaucracy; socialist party; Michels

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program..

*© А.М. Nikulin, 2023

The article was submitted on 10.10.2022. The article was accepted on 25.12.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195

Социокультурные особенности современного тувинского общества*

У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; sinyachkin-vp@rudn.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию «Очерки современной тувинской культуры» известного тувиноведа Ч.К. Ламажаа (СПб.: Нестор-История, 2021. 192 с.). Основная цель книги — проанализировать новейшие социокультурные процессы в тувинском обществе и тенденции развития тувиноведения. Девять разделов монографии, каждый из которых посвящен отдельной особенности социальной и культурной жизни современных этнических тувинцев — коренных жителей Республики Тыва, логически и содержательно объединены. В целом исследование представляет собой осмысление и описание взаимовлияния и сосуществования, своеобразного сплетения прошлого и настоящего в социокультурном опыте тувинского народа. В совокупности очерки демонстрируют уверенность автора в необходимости изучения внутренних дифференциаций любого социума с целью продуцирования новых знаний, релевантных актуальной действительности, поскольку из них складывается адекватное представление о политической и социокультурной жизни многонационального общества. Преодоление застоя, некоторой инерционной заданности в тувиноведении автор книги видит в разнообразии исследовательских позиций и обновлении теоретико-методологического базиса. Ламажаа предлагает подход, который опирается на принципы тезаурусного подхода Вал.А. и Вл.А. Луковых, коррелирующего с *indigenous methodology*, и актуализирует субъектность индигенных исследователей.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; тувинское время; тувиноведение; индигенный подход

«Очерки современной тувинской культуры» Чимизы Кудер-ооловны Ламажаа представляют собой анализ современной культуры тувинцев — коренного населения Республики Тыва — как своеобразного симбиоза, взаимовлияния и сосуществования «реликтов вековой истории, трансформационных последствий XX века с советским наследием, этнических деклараций возрожденческого пафоса конца XX века, веяний глобализации и вестернизации» (С. 4–5). Книга включает в себя вводную часть, девять очерков, заключение, библиографию и резюме на английском языке. Основной материал по социокультурной жизни современной Тувы изложен в очерках, которые посвящены осмыслению современных социальных и культурных процессов

*© Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П., 2023

Статья поступила 22.10.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

тувинского социума в историческом контексте и авторскому анализу тенденций развития тувиноведения.

Монография была опубликована в рамках работы автора над проектом «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)», поддержанным Российским научным фондом. В проекте реализуется методологический подход к изучению тувинской культуры, учитывающий субъективность исследователя, его эпистемологическую позицию. Поскольку автор монографии является исследователем родом из Тувы, этнической тувинкой, много лет проживающей в столице России, ее взгляд интересен личной включенностью в две культурные модели мира — тувинскую и русскую. Двойной взгляд — изнутри и извне — на объект и предмет исследования, несомненно, обусловил расширение исследовательского горизонта. Ч.К. Ламажаа анализирует интересующие ее вопросы более стереоскопичным взглядом, чем это сделал бы инациональный ученый — аутсайдер, живущий за пределами Тувы, или тувинский исследователь, проживающий в своей республике (инсайдер). Эта эвристическая позиция позволила автору сформировать представление о современной тувинской культуре, релевантное сегодняшней действительности.

Описание нынешней жизни тувинского народа автор начинает с анализа категорий времени и пространства в первом очерке «День позади завтрашнего дня». Иллюстрируя свою аргументацию яркими примерами, она развертывает понятие *тыва үе* — тувинское время — одну из разновидностей так называемого «степного времени», присущего культуре кочевников Центральной Азии, «которое удивляет, даже раздражает приезжих в Туве, в том числе ученых — представителей других культур» (С. 23). Гости Тувы, преимущественно западноевропейские, пребывают в растерянности и дискомфорте от *тыва үе*, в то время как сами местные жители «в приезжих видят весьма странных людей — торопливых, суетящихся» (С. 9).

Особенности пространственно-временного восприятия кочевников исследовали многие ученые (М.И. Майский, Н.Л. Жуковская, Т.Г. Бортникова, А.Н. Кононов, Л.П. Потапов, В.В. Цыбульский и др.), но феномен *тыва үе* остается устойчивым свойством тувинской культуры, своего рода его диахронным идентификатором. Рассматривая *тыва үе* в контексте трудовой деятельности и экономической культуры республики, Ламажаа проводит идею неотъемлемости тувинского времени от плоти и крови тувинского народа. Опираясь на исследования авторитетных ученых, в частности В.Ю. Сузукей [1], она пишет о соотносительности времени и пространства в сознании тувинцев с движением Солнца и планет солнечной системы (С. 12–17). Эта часть очерка, несомненно, представляет интерес для сравнительных исследований. Логика понимания прошлого и будущего тувинцем отражается средствами языка, в котором «названия дней в прошедшем времени обозначены как дни, ушедшие *вперед*. События будущего времени ‘надвигаются’ на человека *сзади*,

и он еще не знает, какие события будут происходить в будущем, поскольку они находятся у него ‘за спиной’» (С. 19).

Современные тувинцы — потомки охотников и собирателей, по сию пору сохраняющие кочевой способ хозяйствования, по сути, народ творческий, не приветствующий рутинную работу, ограниченную хронометражными рамками. И «если понимать тувинское время как базисную характеристику культуры» (С. 23), то его не стоит расценивать как препятствие для будущего. Тувинское время как уникальная «особенность пока не изжита людьми этой культуры, не сменяется на понимание времени как самоценности и как абстрактного хронометра, в который мы — люди XXI века — обязаны вписаться. Не изжита и вряд ли будет изжита, пока жива сама культура и ее язык» (С. 162). Такое положение дел требует от зарубежных гостей адаптации к *тува үе*, а от выезжающих из республики тувинцев — приспособления к временным традициям иных социумов.

«Новое пространство старых связей: выйдем, зайдем, соберемся ... в телефонах» – второй очерк, посвященный взаимодействию и взаимовлиянию архаических традиций и современных реакций тувинцев, передаваемых информационными средствами. Эта тема раскрывается Ламажаа посредством анализа современных коммуникационных технологий, изменивших жизнь людей и ставших «проводниками архаизации — процесса возвращения к архаическим социальным и культурным связям и смыслам» (С. 25). С опорой на данные опроса, проведенного в январе 2021 года с 205 респондентами, автор анализирует особенности родственных отношений тувинцев. Изучая влияние социальных сетей и мессенджеров на людей, Ламажаа делает акцент на позитивной стороне новых видов коммуникации для тувинцев, которые, как и остальной мир, успешно ими овладели. Для тувинцев «наиболее важным стало то, что онлайн-пространство позволяет им поддерживать значимые известные связи — со своими родственниками, земляками. Если в целом методы пользования интернет-коммуникациями людей подобны общемировым тенденциям, то этническое измерение выражается именно в этносоциальной солидарности и самоорганизации» (С. 41). Несмотря на то, что возврат к прошлым традициям родственных отношений полностью невозможен, формирование особой виртуальной формы этничности едва ли можно подвергнуть сомнению, хотя этот вопрос требует дальнейших исследований по мнению автора.

В третьем очерке «За поддержкой духов» Ламажаа рассматривает обряды *дагылга*, которые в тувиноведении изучались и ранее. Можно упомянуть одну из ее работ — «Тувинские обряды дагылга в XXI веке», в которой анализируются обряды *дагылга* и их культурная значимость для современных тувинцев, а также дается сравнительная характеристика нынешних ипостасей обрядов с теми формами, которые зафиксированы в этнографических данных XIX–XX веков [2].

В этом разделе монографии особенно ценным представляется изучение одной из неизвестных вариаций обрядов — *турлаг дагылгазы*, в котором автор приняла участие в 2019 году. Склоняясь к определению традиции *дагылга* как календарного обряда, она отмечает, что в современном виде он может содержать традиционные элементы и моления, и праздника, который не обходится без участия шаманов. В силу разрыва традиционных устоев в советское время, уничтожения шаманов и политики седентаризации в настоящее время в городах и сельской местности «*дагылга* у каждой родственной группы тувинцев проводятся на основе разрозненных знаний оставшихся представителей старших поколений» (С. 54). Однако и по сию пору этот реконструирующийся в Туве обряд является диалогом с пространством конкретной местности и — шире — всей природой при помощи шаманов (иногда лам или старейшин родов). В коллективном сознании тувинцев присутствует понимание необходимости быть благодарным природе, отсюда желание возродить с ней более тесную связь. Осуществление этого желания достигается на собрании родственников — «люди вернулись к представлениям о прочных причинно-следственных связях, которые установлены между их действиями (прежде всего по отношению к окружающей природе) и последствиями, наступающими после неправильных действий» (С. 163). Не подвергаются сомнению и силы тувинских шаманов, которые могут наказывать за неблагодарные по отношению к природе поступки.

Четвертый очерк «За верой и глобальными идеалами» автор посвящает особенностям второй религии — буддизма, укрепившегося на территории Тувы в особой «тувинской» форме (С. 65). Несмотря на то, что шаманизм в республике постоянно доказывает свою «витальность (жизнеспособность)», «сегодня не стоит забывать о том, что религиозная жизнь тувинцев обогащена и развитием мировой религии — буддизма» [3. С. 271]. Мирно соседствуя с шаманизмом, буддизм стал маркером конфессиональной идентичности тувинцев: «тувинцы — значит буддисты». Быть буддистами для тувинцев означает быть «людьми одной из мировых культур, практически глобалистами» (С. 163). Размышляя о тувинском «двоеверии», Ламажаа приходит к выводу, что «вторая» религия продолжает обогащать локальную, региональную культуру тувинского народа, а «также подкрепляет чувство общности буддийских республик» России (Бурятия, Калмыкия, Тува), т.е. общность религиозную (С. 75–76).

Представляется, что знакомство с этим очерком укрепит читателей в идее о необходимости внимательного изучения тувинского буддизма — «второй» религии, которая, как и «первичная» — шаманизм с его «табу-темами для инсайдеров», нуждается в пере-осмыслении. Разные грани обеих религий тувинцев, «представляя собой локальный вариант онтологических противоречий индигенных исследований» [3. С. 272–273], чрезвычайно перспективны

не только для внутреннего тувиноведения, но и для тувиноведения в целом, как отрасли знания.

Следующий очерк «От установления семейных связей до социальной презентации» посвящен социокультурным функциям свадебной обрядности (С. 77). Новаторский подход исследователя состоит в анализе современных форм свадебного обряда — с трансформациями, новациями, изменением функционала и смыслов. Как отмечает Ламажаа, научное изучение этого обряда, начатое с конца XIX века, продолжалось в советское и постсоветское время, но практически не затрагивало современное положение дел. Эту культурологическую лакуну и восполняет автор, описывая значительные изменения на примере анализа полного цикла свадебной обрядности тувинцев в 2019 году и сравнивая его с описаниями других исследователей. Отмечая утрату прежних функций, Ламажаа пишет, что в последние годы эта обрядность превратилась «из семейного праздника по установленным веками правилам в театрализованное действие» (С. 96), презентующее богатство, состоятельность и «силу» рода. Праздники, собиравшие в прошлом семьи и родственников, сегодня зачастую превращаются в самопрезентации, «некие акции семей» (С. 164) с большим количеством гостей даже вопреки пандемийным социальным ограничениям. Одновременно наблюдаются и попытки молодежи уйти из-под диктата соревновательных стремлений родителей и старших родственников путем отказа от «пышных и дорогостоящих церемоний» и введением порой «своих новшеств явно вестернизированного характера» (С. 164).

Шестой раздел «Старые и новые ракурсы делений этноса» посвящен дифференциации тувинских семей по родам и по административному признаку. Родовое деление и родовая идентификация — черты, присущие тувинскому народу. Через все перипетии истории (завоевания, вхождения в состав разных ханств, Маньчжурской империи, присоединения к СССР) тувинские роды, проживая на одной территории, сохраняют родовые отличия. Эта дифференциация отражена в тувинском фольклоре и продолжает обростать новыми нюансами, связанными с современностью (С. 98–112). Анализ этой особенности тувинского социума способствуют более глубокому пониманию негомогенности, динамичного состояния этого народа, включая микрогруппы тувинцев, проживающих за пределами Тувы. Как справедливо полагает Ламажаа, не следует замалчивать вопросы внутренней дифференциации любого социума, поскольку ответы на них способствуют лучшему пониманию особенностей его политической и социокультурной жизни.

Седьмой очерк «Идеалы засаянских тувинцев» посвящен мало изученной проблеме миграции тувинцев, ранее практически не характерной для этого народа. Один из самых бедных регионов России с низким уровнем

жизни вынуждает часть тувинцев покидать свою родину в поисках лучшей жизни. Анализ этой проблемы основан на результатах интернет-опроса «Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы», который автор провела в 2014 году (эта часть книги богата таблицами и цифрами). Один из важных выводов, к которым приходит ученый в ходе исследования, — свойственная тувинцам-мигрантам глубокая эмоциональная связь с землей предков: «Куда бы тувинец ни уехал, насколько бы долго ни был оторван от малой родины, где родился и вырос, он всегда будет не просто помнить о Туве, но и живо интересоваться тувинскими новостями» (С. 116). Не все мигрировавшие тувинцы пытаются передать знание родного языка своим детям, но практически все стараются придерживаться обычаев и традиций (семейные праздники, обряды). И эту сильную эмоциональную связь тувинцев с родной землей Ламажаа расценивает как важный инструмент научных изысканий и практической деятельности.

Раздел «Ученые о Туве и тувинцах» логически продолжает предыдущие очерки, посвященные культурным явлениям и социокультурным процессам. Здесь анализируется научный опыт советских и российских этносоциологов и антропологов, в том числе тувинских, изучавших тувинскую этничность в XX веке. Ламажаа считает, что прошлый исследовательский опыт, начавшийся с описания процессов вживания тувинского народа в новую действительность, обретения советской идентичности, осмысления советских «перегибов», особенностей адаптации тувинского населения к социальным реформам, должен обогатиться новыми исследовательскими задачами, решение которых требует поиска новых и сочетания разных методологических подходов.

В заключительном очерке «Чужие среди своих, или как совершить познавательный разворот» автор анализирует тувиноведение, научным центром которого с середины XX века по праву считается Тува. Накопленный с того времени опыт мало подвергался научной рефлексии, и этот пробел восполняет Ламажаа, отмечая как бурный рост тувиноведения в середине XX века, так и наметившийся в последние годы застой. Ученый считает возможным его преодоление при условии обновления теоретико-методологических подходов и поиска новых, более релевантных действительно исследовательских позиций. В качестве одного из возможных подходов она предлагает разработку концепции тувинской культуры с опорой на принципы тезаурусного подхода Вал.А. и Вл.А. Луковых [см. подробнее в: 4. С. 2021]. Тезаурусная концепция коррелирует с *indigenous methodology* и представляется Ламажаа эвристической в силу актуализации субъектности исследователя, который освоил объект и предмет исследования и творчески переработал в ходе социализации. Некоторые сильные и слабые стороны исследований «внутренних» (инсайдеров) и «внешних» (аутсайдеров) тувиноведов изучался автором монографии ранее [5]. По мнению Ламажаа,

использовать тезаурусный подход к изучению культуры автохтонного народа следует его представителю — инсайдеру.

Многоплановость рецензируемой книги представляется нам очевидной. Каждый ее раздел являет собой «соль соли» исследований, посвященных социокультурной проблематике тувинского социума; каждый очерк включает в себя основные результаты и выводы, полученные в ходе многолетнего пристального изучения и апробированные в разных изданиях. Следует особо отметить подход автора к структурированию книги, позволяющий начать чтение с того очерка, который отвечает поискам и предпочтениям конкретного читателя. Не вызывает сомнений, что научное исследование «Очерки современной тувинской культуры» будет интересно не только представителям таких отраслей знания, как этнология, социология, филология, культурология и философия, но и широкому кругу читателей, интересующихся тувинской культурой.

Библиографический список

1. Сузукей В.Ю. Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2.
2. Ламажаа Ч.К. Тувинские обряды дагылга в XXI в // Этнографическое обозрение. 2021. № 2.
3. Ламажаа Ч.К., Бахтикиреева У.М. «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. 2022. № 1.
4. Ламажаа Ч.К., Бичелдей У.П., Монгуш А.В., Сувандии Н.Д., Майны Ш.Б., Кужугет Ш.Ю. Тезаурусный подход Вал. и Вл. Луковых и новый проект исследования современной тувинской этнической культуры // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 4.
5. Lamazhaa C. Indigenous methodology and research of Tuvan culture // *Sibirica*. 2018. Т. 17. № 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195

Social-cultural features of the contemporary Tuvan society*

U.M. Bakhtikireeva, V.P. Sinyachkin

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; sinyachkin-vp@rudn.ru)

Abstract. The article is a review of the monograph *Essays on the Contemporary Tuvan Culture* by the famous Tuvian scholar C.K. Lamazhaa (Saint Petersburg: Nestor-History, 2021. 192 p.). The reviewed book considers the latest social-cultural processes in the Tuvan society and

*© U.M. Bakhtikireeva, V.P. Sinyachkin, 2023

The article was submitted on 22.10.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

trends in the development of the Tuvinian studies. Each of the nine sections focuses on a separate feature of the social and cultural life of the contemporary ethnic Tuvans — the indigenous people of the Republic of Tuva, and all sections are logically and meaningfully related. In general, the study is a comprehensive description of the mutual influence and coexistence, of a kind of intertwining past and present in the social-cultural life of the Tuvan people. As a collection, the essays show the author's confidence in the need to study internal differentiations of any society to produce new knowledge relevant to the reality and providing an adequate understanding of the political and social-cultural life of the multinational society. Lamazhaa believes that to overcome some stagnation, inertia in the Tuvinian studies, we need to combine various research positions and to update the theoretical-methodological basis. Lamazhaa suggests an approach which is based on the principles of the thesaurus approach developed by Val.A. and Vl.A. Lukovs (correlates with the indigenous methodology) and actualizes the subjectivity of indigenous researchers.

Key words: Tuva; Tuvans; Tuvan time; Tuvinian studies; indigenous approach

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-196-206

Самоубийства фермеров как индикатор аграрной трансформации в сельской Индии*

Л.А. Овчинцева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: ovchintseva-la@ranepa.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу доцента Центра политических исследований Института социальных наук университета имени Джавахарлала Неру (Дели, Индия) Судхира Кумара Сутара «Dilapidation of the Rural: Development, Politics and Farmer Suicides in India» («Распад сельской жизни: Развитие, политика и самоубийства фермеров в Индии»). Издательство «Palgrave Macmillan», 2022). В книге обозначены проблемы, с которыми столкнулись индийские крестьяне в процессе стимулированного государством перехода от традиционной общинной деревни к аграрному капитализму. Книга сочетает философский, социологический и политологический анализ причин и факторов высокого числа самоубийств среди мелких и средних фермеров в последние десятилетия. Самоубийства стали ярким проявлением социальных последствий развития капиталистических отношений в традиционной крестьянской деревне. В качестве других последствий в книге рассмотрены расслоение крестьян, рост индивидуализма и разобщенности, разрушение общинных институтов социального контроля и взаимной поддержки, политические протесты вплоть до бунтов, алкоголизация, наркомания и рост преступности. Неизбежные экономические реформы, очевидно, требуют компенсирующих мер социальной политики.

Ключевые слова: индийские фермеры; аграрная трансформация; самоубийства; разложение сельского сообщества

Основную идею рецензируемой книги можно сформулировать следующим образом: доказательством того, что в процессе сельскохозяйственной трансформации индийские крестьяне столкнулись с непреодолимыми проблемами, является высокое число самоубийств среди мелких фермеров. По данным Национального статистического бюро Индии, ежегодно кончают жизнь самоубийством от 11 до 15 тысяч человек, в начале 2000-х годов эта цифра достигала 18 тысяч, а всего с 1995 года таким образом погибли более 270 тысяч фермеров (С. 2). Органы национальной статистики Индии даже изменили классификацию сельских жителей, расширив число категорий и выделив из фермеров сельскохозяйственных рабочих, чтобы хотя бы формально

*© Овчинцева Л.А., 2023

Статья поступила 20.10.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

уменьшить число самоубийств среди фермеров, но, естественно, число самоубийств среди сельскохозяйственных рабочих выросло.

В отличие от ряда исследователей этой темы [см., напр.: 10], С.К. Сутар подчеркивает, что самоубийство не считается в Индии традиционным или достойным способом ухода от проблем. Сознательный отказ от жизни — это поступок наивысшего отчаяния, и Сутар пытается понять экономические, социальные и психологические причины, толкающие фермеров к суициду. Высокий уровень самоубийств среди фермеров ставит под сомнение успешность аграрной политики, несмотря на то, что в целом наблюдается рост производительности труда и выпуска продукции сельского хозяйства.

Автор отмечает, что среди фермеров самоубийства чаще всего совершаются в крестьянских семьях, владеющих небольшими участками земли, обремененных кредитами и специализирующихся на выращивании тех товарных культур, которые наиболее подвержены ущербу в случае засухи. Эти выводы коррелируют с утверждениями других исследователей [см., напр.: 9], считавших, что в группе наивысшего риска самоубийств находятся главы фермерских хозяйств, обрабатывающих земельные участки площадью менее одного гектара, имевших долги более 300 рупий и выращивавших хлопок и кофе.

Однако экономические причины не дают исчерпывающего объяснения феномена самоубийств среди фермеров. Ведение крестьянского хозяйства не входит в число самых доходных видов деятельности, но мелкие крестьяне составляют около 70 % аграрного населения Индии. Расходы на ведение хозяйства постоянно растут, а диверсификация источников доходов и выбор альтернативных форм занятости повсеместно ограничен, но все эти сложности существовали в сельском хозяйстве в Индии на протяжении веков [см., напр.: 8]. Сторонники чисто экономического подхода и количественных исследований называют в качестве основных причин самоубийства фермеров неурожай, долги и кредиты, рост цен, проблемы в семье, нехватку средств для организации свадеб, хронические болезни и т.д. [см., напр.: 15]. Автор же задается справедливым вопросом: что же изменилось за последние несколько десятилетий и привело к тому, что фермерам становится все труднее психологически справляться с долгами, неурожаями и отсутствием дождей?

Чтобы ответить на этот вопрос, автор провел сравнительный анализ обширной литературы и статистических данных, дополнив их собственным исследованием — опросил членов семей, пострадавших от самоубийства родственников: он провел 150 интервью в трех штатах — Пенджаб, Махараштра и Уттар Прадеш. Выводы исследования носят междисциплинарный характер, относясь к предметному полю и социальной психологии, и культурологии, и экономики, и социологии, и политики сельского развития.

Первый важный вывод автора состоит в том, что, хотя «великая трансформация» (в трактовке К. Поланьи [4]) в Индии еще не завершена, индийская

деревня уже теряет свои сущностные основания и идентичность. Деревня воспринимается как хозяйственная сфера, отстающая в развитии от города, что и формирует почву для кризиса идентичности. Фундаментальные прежде понятия семьи, сельского сообщества и роли мужчины в семье и социуме постепенно меняются. В глубоко традиционном индийском сельском обществе роль мужчины как хранителя семьи, его статус, участие в защите традиционных ценностей и в коллективных делах сельской общины постепенно ослабевает. Разложение индийской деревни как социально-экономического пространства обусловлено постепенным распадом связей между сельской общиной, сельской семьей и фермером, что и ведет к снижению ценности самой идеи сельского сообщества. Процесс разрушения основ сельской жизни оказывает разнообразное воздействие на социокультурные группы деревенского социума, и история самоубийств фермеров — это история тех, кто не в состоянии справиться с этими изменениями и принять распад прежней сельской жизни. Деревня не только меняется экономически и социально, но и трансформируется в физическом, пространственном и концептуальном смысле.

Исследование Сутара фокусируется на том, как люди, живущие в районах, где наблюдалось большое число самоубийств, воспринимают себя и изменяющуюся деревню. Постепенное распад прежней сельской жизни носит структурный характер и имеет серьезные последствия для поведения и самооценки в сельском обществе. Феномен самоубийства фермеров автор объясняет, показывая связь структурных изменений в сельской местности с трансформацией самоидентификации ее жителей. Для понимания реального положения индийских крестьян автор исследует их взаимоотношения с чиновниками, друг с другом, в семьях и кругах общения, складывающихся на основе пола, возраста и родства, с государством и на рынках товаров и рабочей силы.

Большинство людей, живущих в сельской местности, включая фермеров, приняли переход к аграрному капитализму и включились в процесс перемен. Одни семьи переехали в близлежащие города или крупные городские агломерации, другие семьи отправили молодежь за пределы деревни, третьи остались и открыли небольшой бизнес. Но есть те, чьи надежды, планы и мечты все еще связаны с деревней, ее общиной и традициями, и для них переход к аграрному капитализму оказался предельно сложным. По сути, они застряли в этом переходе — им трудно идти вперед, но и назад они вернуться уже не могут. Для таких крестьян Сутар вводит особую категорию — «каста (и/или класс) крестьян в состоянии перехода» (*intermediary caste-class “peasant in transition”* — С. 31), в качестве которых могут выступать как семьи, так и отдельные лица, — они и находятся в фокусе исследования.

Автор внимательно изучает истории тех, кто не в состоянии смириться с трансформацией не только по экономическим причинам (отсутствие прибыли или долги). Переход подразумевает особое самоощущение людей в рам-

ках социальной реальности, которой, по сути, больше не существует. Тысячи фермеров, совершивших за последние два десятилетия самоубийства в сельских районах Индии, являют собой наиболее трагическое проявление этой непрерывной психологической борьбы с переходным периодом. Есть фермеры, которые чувствуют, что в меняющейся среде они теряют все, но пытаются найти свой путь в деревне, в ее общественной жизни или в кругу привычных дружеских связей. Для них трансформировавшаяся деревня связана с чувством ностальгии, с тоской по жизни, которая когда-то была, но теперь ее больше нет. В беседах с семьями фермеров, покончивших с собой, автор смог ощутить это горькое чувство перемен, связанное с потерями и страданиями в процессе социально-экономического перехода.

Другим важным фактором переходного периода автор считает политику — и государственный курс по отношению к деревне, и вовлечение крестьян в орбиту деятельности различных политических партий, ведущих борьбу за голоса сельских избирателей, что порой нарушает сложившиеся традиционные круги общения односельчан. Сутар понимает под политикой и социальную активность, и процесс разрушения или создания социальных пространств, которые, соответственно, нарушают или формируют чувство включенности (изолированности) индивидуума в сельском сообществе. Этот процесс не является механическим, работающим по известным правилам — можно наблюдать влияние государства и взаимодействие крестьян с местной бюрократией, банковскими чиновниками, членами партий или местными представителями партий. Возникающие взаимоотношения влияют на характер доступа к ресурсам, социальные пособия правительства и их распределение, а также имеют глубокие психологические последствия.

Некоторые западные исследователи утверждают, что большее включение в политические процессы помогает уменьшить психологический стресс, поскольку ощущение собственной эффективности способствует пониманию последствий политических процессов: люди участвуют в политике, чувствуют себя эффективными, и формируется гражданское общество — все это положительные перемены [см., напр.: 7]. Однако политика по развитию сельских районов нацелена на достижение более высоких показателей экономического роста, что меняет традиционные механизмы взаимной поддержки внутри сельских общин. Изменения, связанные с понятием развития и экономической трактовкой фермерства, избирательной политикой и новыми политическими институтами, меняют прежнее содержание крестьянского «габитуса», но не предлагают альтернативы, чтобы заполнить вакуум, возникающий вследствие изменений в социальных слоях деревни. Политические меры обуславливают разные поведенческие реакции в разных слоях сельского общества, что порождает и психологические последствия, которые упускают из виду большинство исследований трансформации в сельской местности.

Благодаря вовлечению жителей села в политику в Индии было обеспечено представительство в органах управления большинства слоев сельского общества, но это также привело к маргинализации тех групп, которые не смогли стать активными участниками перемен. Политические веяния сформировали новые общественные образы, к которым каждый как бы должен стремиться. А у тех, кто «не в тренде», эти веяния привели к снижению самоуважения, кризису самоидентификации и возникновению чувства стыда. Такой поведенческий сдвиг происходит вследствие ощущения крестьянами своей неспособности выполнять новые обязанности и роли, которые сложились в новых социально-экономических условиях.

Из бесед с членами крестьянских семей, потерявших близкого человека, и с другими членами деревенской общины автор делает вывод, что прежде существовало нечто такое, что постепенно исчезает, — выраженное чувство ностальгии было заметно на лицах членов скорбящих семей. Постепенное изменение характера деревенских общественных практик вызывает ощущение утраты, это чувство порождает психологический вакуум, делая членов сельской общины беспомощными, отчаявшимися и одинокими. Общественные сельские практики играли определяющую роль в формировании чувства принадлежности и даже дружбы у членов деревенского социума, создавали ощущение поддержки в случае чрезвычайных ситуаций. Исчезновение таких практик приводит к постепенному исчезновению чувства коллективности, оставляет индивидов наедине с самим собой. Иными словами, сдвиг в сторону индивидуализации сельской социальной жизни стал одной из основных причин изменения поведения отдельных групп в селах Индии.

Ощущение безнадежности и краха по причине неспособности психологически справиться со структурными переменами испытывают не только индийские фермеры. Сутар приводит пример из сравнительного индийско-австралийского исследования: «Когда фермер сталкивается с необходимостью лишиться фермы или отказаться от профессии, которой он занимался всю жизнь, это имеет для него разрушительные последствия — он теряет свою идентичность» — это взволнованно сказала супруга одного фермера, стоя на крыльце своего дома в Симпсоне, небольшом городке в Австралии, штате Виктория, где многие традиционно занимались производством молока [11]. В России и других странах [см., напр.: 14] наблюдались схожие реакции среди сельских жителей, оказавшихся на обочине перехода от колхозно-совхозного строя к аграрному капитализму. Часть российского сельского населения отреагировала на перемены 1990-х годов не как на открывающиеся возможности, а как на разрушительные обстоятельства непреодолимой силы, справиться с которыми они не могут, что вызвало фрустрацию, способствовало обеднению и алкоголизации жителей села [см., напр.: 3].

Кризис маскулинности у индийских сельских фермеров проявляется в том, что их социальный статус снижается. Большинство фермеров, ушед-

ших из жизни под воздействием перемен, характеризовались родными и близкими как ответственные мужчины, семья воспринимала их как опору и защиту, как хранителей семейных ценностей. Но возникла ситуация, в которой мужчины почувствовали, что не могут больше соответствовать этой роли и оправдывать ожидания близких, — человек впадал в депрессию и в конце концов накладывал на себя руки.

Самоуважение для крестьянина — результат упорной борьбы за уважение и признание членов семьи и сообщества. Повышение статуса на основе сельской традиционной системы ценностей в структуре сообщества — цель и способ формирования самоуважения, с которым связана и идентичность крестьян. Но в процессе развития начинается поиск новых смыслов и идентичностей в рамках коллективных структур. Представим, что некий фермер пытается перенять новые способы ведения сельского хозяйства, как это делают другие, чтобы стать частью круга фермеров, которые уже изменили свою жизнь. Он также принимает новый образ жизни, перенимает новый стиль одежды, строит иначе свой дом, покупает телевизор и т.д. Важно и участие в политически окрашенных мероприятиях сообщества, которые составляют основу процесса перемен. Развитие предполагает множество способов, с помощью которых фермер пытается стать активным, влиятельным членом общины и деревенского сообщества в целом. Те, кто по той или иной причине не могут догнать других членов сообщества, чувствуют потерю возможности участвовать в делах сообщества наравне с другими. Неспособность пересмотреть свою роль в рамках новой парадигмы развития и потеря социального престижа приводят к чувству личной потери, вызывающему стресс. Как утверждает Дж. Скотт, «в каждой общине существуют ритуалы, и они указывают на положение человека и его семьи. Для свадеб, похорон, совершеннолетия, ежегодных религиозных церемоний существуют минимальные стандарты культурно приемлемого поведения. Не дотянуть до этого минимума значит не просто показать свою бедность; это значит опуститься ниже минимального положения в обществе. Это в некотором смысле потеря лица и полноправного членства в сообществе» [12].

Достижение материального достатка и демонстрация его на людях — один из традиционных способов утверждения мужественности. Большинство семей, где произошло самоубийство, имели чуть более высокий достаток, чем соседи, владели небольшим участком земли и пытались вести современное рыночное сельское хозяйство. В большинстве случаев (около 70 %) в этих семьях были дочери, т.е. стресс от экономического перехода и адаптации к новым формам хозяйствования здесь сочетается с традиционно высокой ответственностью за родственников. В сельской местности Индии дочери считаются самой большой личной ответственностью фермера: дочь, состоящая в счастливом браке, — достижение фермера, а противоположное — жизненный провал, поэтому подготовка к браку начинается с самого рождения

девочки. В последние несколько десятилетий двумя необходимыми условиями для счастливой семейной жизни стали постоянная работа жениха, желательно на государственной службе, и хорошее приданое (а это многолетняя семейная забота). Однако фермер может и не получить активной поддержки от родственников в поиске подходящей пары для подросшей дочери, и большинство семей, в которых произошло самоубийство, столкнулись с этой проблемой (С. 77).

В процессе перемен меняются сельские сообщества, а идентичность фермеров складывается из личного и общинного самосознания, в частности, на значение коллективной идентичности для экономической, политической и социальной динамики неоднократно указывал Т. Шанин [см., напр.: 13]. Изменения сельских сообществ носят как внешний, так и внутренний характер: развитие капитализма ведет к тому, что категория «крестьяне» уходит из аграрного дискурса, и крестьяне воспринимаются теперь как «работники сельского хозяйства», зависящие от землевладельца, торговца и даже, возможно, работодателя, потому что у менее зажиточных крестьян недостаточно земли как средства производства, они нуждаются в сбыте продукции, а если их доходы недостаточны, то работают по найму. Таким образом, крестьяне оказываются во все более подчиненном положении, и сельская община дифференцируется на все более контрастные слои по уровню дохода. На смену общинным дискуссиям приходят политические дебаты, поскольку партии в погоне за голосами избирателей все более втягивают жителей села в свои орбиты. Те, кто не хочет участвовать в политической жизни, также остаются за бортом, потому что при распределении субсидий или при обращении в органы власти по другой причине партийная принадлежность может сыграть свою роль. Те, кто «остались позади», все более подвержены изменениям в поведении: они не могут выразить свое чувство исключенности из сообщества, не видят перспектив для продвижения по социальной или экономической лестнице, часто находятся на грани эмоционального срыва.

В традиционной сельской общине Индии существовал институт *чаупал* — это общественное пространство, как правило, в центре деревни, доступное для всех слоев и каст. Более того, специальный этический кодекс обеспечивал участие в общественных мероприятиях представителей различных слоев и каст. В пространстве *чаупала* проходили традиционные ритуалы (свадьбы, похороны, религиозные празднества), которые всегда составляли ядро общественной жизни деревни, здесь же выполнялись общие сельскохозяйственные или ремесленные работы. Не было ничего необычного в том, что мужчины из разных семей или каст собираются и спорят по какому-то вопросу, может быть, даже слегка дерутся, а позже воссоединяются за чашкой чая. В последнее время вследствие оформления прав собственности на землю приходится нередко наблюдать, как физическое пространство *чаупалов* сужается, поскольку обычно оно находилось

в местах проживания высоких каст, например, под издревле растущим деревом вблизи дома самого зажиточного крестьянина в деревне. Свадьбы теперь проходят более обособленно, в своих группах, хотя раньше это был праздник всей деревни. Теперь же на *чаупалах* располагаются торговцы или проходят избирательные собрания: из пространства для обмена мнениями в кругу знакомых и относительно дружелюбных соседей *чаупал* превратился в шумное место, которого многие сторонятся, как, например, покончившие собой фермеры, которых все характеризовали как «хороших людей, поскольку они не ходили на все эти собрания». Сельские жители, особенно пожилые, стали расценивать общественные пространства как места, которых следует избегать (С. 66).

Сельские сообщества стали разобщенными: люди озлоблены и не хотят сотрудничать, повсеместно происходят повседневные конфликты из-за мелких проблем. Выборы фундаментальным образом раскололи сельское общество: люди, связанные с одной политической партией, не хотят взаимодействовать с другими группами, и партийная риторика строится вокруг традиционно преобладающих кастовых и родственных отношений, т.е. политика превращается в механизм, обеспечивающий доступ к развитию сельских районов и сельскохозяйственным услугам для нескольких групп или семей, исключая других и делая разные группы, по сути, врагами.

Члены тех домохозяйств, где случились самоубийства, считают, что в деревнях утрачено чувство общности и братства. Например, в Пенджабе респондент сообщил, что в прежние времена «фермеры брали займы у членов семьи и родственников, а теперь никто не хочет помогать другим». Вырисовывается картина, из которой ясно, что погибшие были лишены привычного социального общения, им было просто не с кем обсудить свои проблемы.

Характеризуя политический контекст происходящего, автор обозначает тренды индийской политики сельского развития с начала 1950-х годов, выделяя в ней несколько этапов (С. 111): с образования независимого индийского государства в 1950-е годы политика была направлена на развитие сельских общин, носила сбалансированный характер, поддержка институтов села носила планомерный характер; с 1960-х годов акцент сместился в сферу экономики — на повышение производительности труда, т.е. увеличились субсидии и кредиты, ставка была сделана на крупных фермеров; в 1970-е — 1980-е годы в фокусе политиков оказались не только экономические, но и социальные аспекты сельской жизни — борьба с бедностью, кастовое лидерство (некоторые политические партии носят откровенно кастовый характер); с 1985 года государство постепенно снижало свою регулирующую роль на селе, сосредоточившись на развитии городов, при этом Индия вступает в ВТО — сельское предпринимательство окрепло, но одновременно возросла роль неформаль-

ной экономики и гражданского общества; период с 2000 года по настоящее время — это вынужденный возврат государства к проблемам сельского развития (средства вкладываются в развитие инфраструктуры, образования и медицины), сельская местность рассматривается как потенциальный рынок сбыта товаров, растет число участников рынка, укрепляются сельские элиты и средний класс, развиваются модели частно-государственного партнерства. Приведенные этапы показывают, как постепенно развивались экономические и политические условия, повлекшие те изменения сельского социума, что привели к социальной изоляции определенных групп жителей села. Партнерами фермеров стали не сельские сообщества и сети социальной поддержки, а государство, рынок и банки.

В целом индийская государственная политика сельского развития перешла от вопросов строительства ирригационных сооружений, перераспределения земель и создания кооперативов к проблемам изменения климата и устойчивого развития, но фермеры на местах оказались под еще большим гнетом: институты взаимопомощи и натурального обмена отмирают, все сферы, в том числе водоснабжение и использование техники, переходят на товарно-денежную основу, но цены на продукцию сельского хозяйства остаются очень низкими. Фермерам приходится обращаться в банки за кредитами, а если не удастся отдать кредит в срок, то и к местным ростовщикам, т.е. фактически фермеры находятся под двойным долговым бременем. Сельское общество все больше становится обществом потребления: молодые люди, даже не имея средств, занимают их и тратят на развлечения, а бремя возврата долгов ложится на родителей-фермеров. В 2008 году в рамках Программы облегчения долгового бремени правительство Индии списало фермерам долги в размере 8,2 млрд американских долларов, что облегчило жизнь 36 млн фермеров. Но эта мера, по мнению Сутара, имела и негативные последствия: некоторые фермеры берут займы и не возвращают их, рассчитывая на повторное списание.

Реакция мелких фермеров на происходящие перемены носит острый характер. Самоубийства фермеров становятся катализатором массовых протестов и даже аграрных бунтов. В 2015–2016 годы ежегодно фиксировалось более 60 тысяч массовых беспорядков в сельских районах Индии. Эти протесты выражают горечь мелких фермеров от несбывшихся надежд — они хотят улучшения условий жизни на селе так же, как это происходит в городах. Проявлением стресса, связанного с проблемами перехода, является также рост потребления алкоголя и наркотиков, насилия. Все эти негативные явления имеют кумулятивный эффект и в некоторых индийских штатах обрели характер бедствия. Опрошенные фермеры указывают на разобщенность как одну из причин ухудшения социальной атмосферы: «Раньше в сельской местности люди заботились друг о друге. Они сочувствовали и сопереживали ближним в трудные времена. Сейчас все

изменилось. С появлением новых технологий и развлечений людей не интересует, кто чем занимается. Никто не приходит на помощь другим, даже если они этого просят».

Главным выводом автора книги является необходимость сделать центром аграрной политики повышение благосостояния конкретного человека: у успешного фермера, получающего доход от своего хозяйства, гораздо меньше шансов впасть в депрессию. Не менее важны возможности для общения: создание новых сельских общественных пространств, психологическое консультирование и телефоны доверия. От себя добавим, что необходимо и сельскохозяйственное консультирование, которое может подсказать фермеру пути повышения эффективности хозяйства в конкретных рыночных условиях.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Бернштейн Г. Политическая экономия аграрных изменений // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1.
2. Никулин А.М., Троцук И.В. Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. 2014. № 3.
3. Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // URL: <https://polit.ru/article/2004/04/07/poverty>.
4. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
5. Троцук И.В. Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.
6. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
7. Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control. Worth Publishers, 1997.
8. Bhattacharya N. The Great Agrarian Conquest: The Colonial Reshaping of the Rural World. Albany, 2019.
9. Kennedy J., King L. The political economy of farmers' suicides in India: Indebted cash-crop farmers with marginal landholdings explain state-level variation in suicide rates // Global Health. 2014. Vol. 10. No. 16.
10. Patel V. et al. Suicide mortality in India: A nationally representative survey // Lancet. 2012. Vol. 379. No. 9834.
11. Ramadas S., Praveenlal K. Farmers' suicides and mental disorders perspective in research approaches — comparison between India and Australia // International Journal of Community Medicine and Public Health. 2017. Vol. 4. No. 2.
12. Scott J.C. Decoding Subaltern Politics. Ideology, Disguise and Resistance in Agrarian Politics. Routledge, 2013.
13. Shanin, T. Peasants and Peasant Societies. London, 1971.
14. Šljukić S., Šljukić M. Sociological aspects of the transformation of agrarian structure of Serbia in 1990–2018 // RUDN Journal of Sociology. 2019. Vol. 19. No. 2.
15. Vishal S. Farmer suicides: Points to consider // Issues in Agriculture. Punjab, 2016.

Farmers' suicides as an indicator of the agrarian transformation in rural India*

L.A. Ovchintseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: ovchintseva-la@ranepa.ru)

Abstract. The article is a review of the book by the Associate Professor of the Center for Political Studies of the Institute of Social Sciences of the Jawaharlal Nehru University (Delhi, India) Sudhir Kumar Sutar *Dilapidation of the Rural: Development, Politics and Farmer Suicides in India* (Palgrave Macmillan, 2022). The book considers the problems which the Indian peasants face under the state-driven transition from traditional rural community to agrarian capitalism. The book combines philosophical, sociological and political analysis of the causes and factors of the high number of suicides among medium-sized and small Indian farmers in recent decades. Suicides are the most striking manifestation of the social consequences of the capitalist development in the traditional communal peasant village. Among other consequences, the author considers rural social differentiation, growth of individualism and disunity, destruction of community institutions of support and social control, political protests up to riots, alcoholism, drug addiction, and rising crime rate. Thus, the inevitable economic reforms require compensatory measures of social policy.

Key words: Indian farmers; agrarian transformation; suicides; dilapidation of the rural community

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program

*© L.A. Ovchintseva, 2023

The article was submitted on 20.10.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-207-216

VIII Международный конгресс исследований Америки «200-летие Латинской Америки — глобализация, политические и социальные процессы во время пандемии»*

С.В. Рязанцев^{1,2}, М.Н. Храмова²

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия
(e-mail: riazan@mail.ru; kh-mari08@yandex.ru)

Аннотация. С 22 по 26 августа 2022 года в Рио-де-Жанейро прошел VIII Международный конгресс исследований Америки, посвященный актуальным вопросам современной латиноамериканской повестки дня — глобализации и регионализации, экономического развития и влияния пандемии covid-19 на социальные, политические, экономические и демографические процессы. В рамках конгресса состоялся круглый стол «Миграция, мигранты, миграционная политика в эпоху covid-19: тенденции, последствия, выводы». В нем приняли участие не только латиноамериканские исследователи, но и ученые и преподаватели ведущих российских, европейских, азиатских вузов и научных институтов. Обсуждались трансформации международной миграции и миграционной политики в период пандемии, обеспечение прав мигрантов и беженцев, меры государственной политики, направленные на восстановление внутренней и международной мобильности, межгосударственное сотрудничество и роль международных институтов в обеспечении безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Ключевые слова: Латинская Америка; Российская Федерация; Евразия; международная миграция; миграционная политика; последствия пандемии covid-19; социально-демографическое развитие; диаспора

Международный конгресс исследований Америки (NUCLEAS) является наиболее масштабным и знаковым событием для ведущих ученых Северной и Южной Америки, а также латиноамериканистов из дру-

*© Рязанцев С.В., Храмова М.Н., 2023

Статья поступила 05.11.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

гих стран. Этот крупный международный конгресс проводится на базе Университета штата Рио-де-Жанейро (UERJ) один раз в два года. В этом году конгресс проходил с 22 по 26 августа и охватывал вопросы, связанные с пандемией коронавирусной инфекции и ее воздействием на различные сферы жизни: экономику и политику, социальную сферу и демографическое развитие. За два года, прошедших с момента ее начала, пандемия четко показала, в какой степени наше общество уязвимо перед глобальной эпидемиологической угрозой. Приобрели особую важность такие вопросы, как использование иностранной рабочей силы в условиях ограниченной мобильности, обеспечение прав беженцев и внутренне перемещенных лиц. Вопросы международной миграции в контексте пандемии тесно переплелись с проблемами социального и медицинского обслуживания и эффективности национальных систем здравоохранения, а признание вакцин разных стран-производителей приобрело выраженную политическую окраску и стало предметом спекуляций по вопросам въезда иностранного населения в ту или иную страну.

В течение трех дней работы конгресса проходил круглый стол «Миграция, мигранты, миграционная политика в эпоху covid-19: тенденции, последствия, выводы», организованный учеными из Университета штата Рио-де-Жанейро, Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) и Российского университета дружбы народов (РУДН). В общей сложности за три дня работы круглого стола тридцать исследователей из Бразилии, России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Турции, Китая, Таиланда, Японии и Венгрии представили свои научные доклады.

В рамках круглого стола прошло несколько секций. Рабочими языками были английский, португальский и испанский. На открытии с приветственными словами к участникам обратились сопредседатель организационного комитета конгресса, профессор Университета штата Рио-де-Жанейро А. Торибио Дантас и директор ИДИ ФНИСЦ РАН, профессор РУДН, приглашенный профессор Университета Сан-Карлос (Бразилия), член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев. Оба ученых отметили актуальность и значимость миграционной повестки в период ковидных ограничений, выделили новые тренды, возникшие в 2020–2021 годы в направлениях международной миграции, определили ключевую роль Бразилии как страны-реципиента мигрантов в странах Южной Америки.

Первая секция «Новые миграционные тренды в Америке» включала доклады российских и бразильских ученых. В частности, с докладом на тему «Мобильность и внутренняя миграция в Бразилии в период covid-19: теоретико-методологические размышления» выступил председатель Бразильской ассоциации исследователей народонаселения, профессор Университета Кампинас Р. до Кармо. В докладе он представил исчерпыва-

ющий обзор мер государственной политики, направленных на поддержку мобильности бразильцев в пандемию. Профессор до Кармо провел ситуационный анализ тенденций внутренней миграции, связал постепенное снятие ковидных ограничений с введением массовой вакцинации, выделил наиболее сложные проблемы в регулировании перемещений в период пандемии. Он отметил, что сложная ситуация с заболеваемостью сохраняется среди наиболее бедных слоев населения, например, в фавелах. Бразилия в полной мере еще не справилась с последствиями пандемии, что отражается в макроэкономических показателях, однако наблюдается значительное восстановление мобильности внутри страны, внутреннего и международного авиасообщения.

Совместный доклад профессоров Университета Кампинас Б. де Конти и П. Виллен «Влияние политики нулевого распространения covid-19 на китайских иммигрантов в Бразилии» осветил особенности китайской миграции в Бразилию, расселение и занятость. С начала пандемии Китай ввел жесткие ограничения в отношении внутренней и международной мобильности. До сих пор в стране сохраняется карантин для въезжающих иностранных граждан и китайцев, прибывающих из зарубежных стран, поэтому масштабы международной миграции из Китая в последние два года значительно сократились, что нашло отражение и в бразильской статистике прибытий из Китая. По разным оценкам общая численность мигрантов из Китая в Бразилии может достигать в настоящее время до 300 тысяч человек. Китайские иммигранты заняты в разных секторах экономики, преимущественно являются предпринимателями, имеют небольшой бизнес. Опросы таких предпринимателей показали, что в течение пандемии они были озабочены не только тем, что их бизнес несет убытки из-за ограничений, но и сохранением собственного здоровья.

Сообщение научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН Д. Алексева «Общины латиноамериканских и мусульманских иммигрантов в Испании» перенесло участников круглого стола на европейский континент. Он рассказал об особенностях иммиграции в Испанию из ряда стран Латинской Америки и Африки, масштабах и структуре иммиграции. В частности, в докладе была приведена статистика по числу выданных Испанией разрешений на работу иностранным гражданам по видам экономической деятельности. Миграционная привлекательность Испании для выходцев из стран Латинской Америки в ряде секторов экономики значительно возросла за последнее десятилетие. Например, это касается специалистов в области науки, образования и искусства, квалифицированных специалистов в сельском хозяйстве. Автор связал эти тенденции с общностью языка, ведь значительная часть Латинской Америки — испаноговорящие страны. Для сравнения была приведена статистика о занятости и уровне безработицы выходцев из ряда стран Африки: по структуре африканская

миграция в Испанию имеет значимые отличия от латиноамериканской, что отражается и в уровне образования иммигрантов, и в их занятости в секторах экономики.

Профессор Бразильского института развития и исследований в области преподавания, председатель Координационного совета российских соотечественников в Бразилии В. Герс Димитров в докладе «Политическая организация и участие иммигрантов и беженцев в Бразилии в законодательных и нормативных изменениях» охарактеризовала особенности включения различных категорий мигрантов в общественную и политическую жизнь. Она привела конкретные примеры инструментов, которые позволяют мигрантам принимать участие в жизни бразильского общества, влиять на принятие законов, касающихся многих групп населения. Современная Бразилия сформировалась как страна иммигрантов, и значительная часть населения имеет миграционные корни, поэтому мигранты традиционно включены в общественную жизнь.

Во второй секции круглого стола «Новые миграционные тренды в Евразии» было представлено пять докладов. Профессор Института народонаселения и социальных исследований Университета Махидол (Таиланд) С. Пунпуинг представила доклад «Переходный этап в жизни беженцев в Бангкоке в период пандемии covid-19». Ее исследование базировалось на более чем трех десятках интервью с представителями международных и некоммерческих организаций помощи беженцам, сотрудниками миграционных служб и беженцами, находившимися в Бангкоке в период коронавирусных ограничений. Автор объяснила особенности миграционного законодательства Таиланда в вопросах принятия, размещения и помощи беженцам. В период пандемии многие беженцы столкнулись с трудностями, в основном связанными с существенным падением заработков, которые не покрывали даже минимальных затрат на питание, лечение и плату за жилье. Некоторые беженцы столкнулись с коррупцией — им приходилось платить полицейским, чтобы избежать задержания. Это привело к серьезным психологическим и физическим проблемам, чувству одиночества и изоляции. Тем не менее, Пунпуинг отметила и значительную помощь, которую беженцам оказывали Управление верховного комиссара по делам беженцев ООН (финансовая поддержка, оформление документов, переселение в третьи страны) и тайское правительство, взявшее на себя обязательства по лечению и вакцинации беженцев.

Профессор Стамбульского университета коммерции А.Б. Карачай в докладе «От временной защиты к добровольному возвращению: сирийцы и изменение миграционной политики Турции» охарактеризовала положение сирийских беженцев на территории Турции, проблемы, связанные с урегулированием их статуса, меры поддержки со стороны

турецкого правительства и международных организаций. Карачай отметила, что благодаря усилиям турецких властей около одного миллиона сирийцев добровольно вернулись в безопасные районы Сирии.

Ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН З. Вазиров в докладе «Женская миграция из Центральной Азии в Турцию» осветил еще один важный аспект современных миграционных процессов — феминизацию, поскольку миграция из стран Центральной Азии все отчетливее приобретает «женское лицо», представил социально-демографический портрет женщин-мигрантов, причины миграции в Турцию и другие страны. Масштабы женской миграции из Центральной Азии в Турцию растут с каждым годом, и в основном женщины-мигранты живут в крупных городах (Стамбул, Анкара, Анталия, Бурса, Измир). Одной из устойчивых форм миграции для центральноазиатских женщин остается брачная миграция. В целом женщины-мигранты относительно легко адаптируются и интегрируются в турецкое общество, но среди проблем были отмечены случаи насилия и сексуального рабства.

Младший научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН Н. Кузнецов представил результаты исследования на тему «Миграционный потенциал молодежи в странах Юго-Восточной Азии». Регион обладает значительным демографическим потенциалом, и доля молодежи здесь вплоть до 2050 года будет превышать среднемировой уровень, а миграционный потенциал определяют относительно невысокое качество образования и нехватка мест в вузах. Опираясь на результаты социологического опроса вьетнамской молодежи в ноябре 2021 — феврале 2022 года, автор пришел к выводу, что вьетнамская молодежь предъявляет все более высокие требования к качеству получаемого за рубежом образования, а возможности трудоустройства важны для 60 % молодых вьетнамцев. В исследовании был выявлен и высокий интерес к получению образования в России.

Аспирантка РУДН В. Ючжи в докладе «Образовательная миграция между Китаем и Россией: тренды, экономические эффекты и регулирование» рассказала о масштабах образовательной миграции китайских граждан в Россию, отметила востребованность российского образования у китайской молодежи, выделила основные направления подготовки, по которым китайские студенты едут учиться в Россию, отметила проблемы, с которыми столкнулись китайские студенты в период коронавирусных ограничений. Для российской молодежи обучение в китайских вузах также становится актуальным, что связано, с одной стороны, с интересом к изучению китайского языка и культуры, с другой стороны, с бурным ростом китайской экономики и привлечением в страну молодых талантов.

Третья секция круглого стола была посвящена новым миграционным трендам в странах Центральной Азии и России. Первый доклад

«Производство сои и рабочие-мигранты во время пандемии covid-19 в России» профессора Университета Тоямы Н. Хорие обозначил особенности трудовой миграции на российском Дальнем Востоке. Автор отметил, что для производства сои в некоторых регионах Дальнего Востока традиционно привлекаются трудовые мигранты, но в период пандемии работодатели столкнулись со сложностями в оформлении въезда иностранных граждан, в частности, из КНР.

В докладе доцента Казахского национального университета имени аль-Фараби Л. Деловаровой «Тенденции международной миграции в Казахстане в постковидный период» были приведены статистические данные о численности и структуре миграционных потоков в Казахстан в 2020–2021 годы. Казахстан в последние годы стал не только донором, но и одним из важнейших реципиентов мигрантов на постсоветском пространстве. Деловарова отметила несколько прогнозных сценариев развития миграционной ситуации в Казахстане, которая, в частности, будет зависеть от социально-экономической и политической ситуации на всем пространстве СНГ в постковидный период, и высказала предположение, что в будущем изменится этнический состав мигрантов (например, будет снижаться число этнических казахов-кандасов, желающих приехать на постоянное место жительства в Казахстан).

Совместный доклад профессора А. Кочербоевой и молодых исследователей Ч. Кошоева и Б. Сыдыгалиевой из Кыргызско-Российского Славянского университета «Миграция в Кыргызстане во время пандемии covid-19» дал представление о масштабах международной миграции в Кыргызстане, сложностях, с которыми в первые месяцы пандемии столкнулись мигранты, роли денежных переводов трудовых мигрантов в структуре доходов кыргызских домохозяйств. Особый акцент авторы сделали на миграции между Кыргызстаном и Россией в контексте интеграции в ЕАЭС.

Доклад ведущего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН В. Безвербного «Геополитика населения: как демографические процессы формируют национальную мощь» был посвящен динамике численности стран мира в контексте взаимосвязи демографического и военного потенциала. Автор отметил, что Россия переживает вторую волну депопуляции, обусловленную, с одной стороны, вступлением в репродуктивный возраст немногочисленной когорты женщин, родившихся в начале 1990-х годов, с другой стороны, процессами демографического старения, что создает риски национальной безопасности в регионах, где естественная убыль сопровождается миграционным оттоком.

Четвертая секция объединила доклады о новой миграционной политике в период пандемии. Ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН М. Афзали в докладе «Иранские диаспоры во время пандемии covid-19» отметил, что наблюдалось снижение согласованности действий иранского

правительства и диаспор, например, диаспорам было отказано в предоставлении вакцин. С другой стороны, широкое распространение в период ковидных ограничений получили онлайн-технологии, поэтому благодаря социальным сетям более тесными стали связи между иранскими диаспорами.

Докторант Университета мировой экономики и дипломатии М. Рахимова рассказала о мерах по поддержке населения в Узбекистане в период пандемии. Так, она привела конкретные указы Президента, направленные на поддержку секторов национальной экономики и наиболее уязвимых групп населения, сохранение мобильности в условиях коронавирусных ограничений, и дала оценку эффективности этих мер.

Аспирант МГИМО Б. Нуров в докладе «Трансформация миграционной политики Республики Таджикистан» обозначил тенденции трудовой эмиграции из Таджикистана в Россию и третьи страны, показал, что таджикская экономика зависима от денежных переводов трудовых мигрантов, работающих за рубежом. На государственном уровне в период пандемии был принят ряд документов, которые помогли сохранить занятость в секторах национальной экономики. По мере снятия коронавирусных ограничений таджикские трудовые мигранты вновь стали активно выезжать в традиционные страны-реципиенты, но до начала 2022 года эти потоки не восстановились до уровня 2019 года.

В докладе младшего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН Г. Очировой «Международная образовательная миграция в условиях пандемии covid-19» были охарактеризованы масштабы образовательной миграции в зарубежные страны. Вплоть до начала пандемии образовательная миграция год от года наращивала объемы, ключевые страны-реципиенты активно привлекали молодые таланты, основными драйверами международной образовательной миграции на макроуровне были причины экономического характера, на микроуровне — качество образования, возможности найти работу и легализоваться в стране приема. В пандемию многие ведущие университеты вынуждены были изменить правила приема, в частности стали принимать документы и проводить собеседования онлайн. Статистика наборов 2020 и 2021 годов показала, что во многих странах численность иностранных студентов на ряде образовательных программ снизилась.

Доклад младшего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН Н. Рязанцева «Новая миграционная политика Японии в условиях демографического кризиса» раскрыл ключевые изменения японской государственной политики в отношении приема иностранных граждан. Так, в условиях депопуляции и чрезвычайно низкого уровня рождаемости вырос спрос на иностранную рабочую силу, вследствие чего японское государство пошло на послабления миграционного законодательства. Официально предпочтение отдается высококвали-

фицированным иностранным работникам, но малый бизнес активно привлекает и мигрантов с низкой квалификацией из Китая, Индонезии, Филиппин, Вьетнама и Таиланда.

Лейтмотивом пятой, финальной, секции круглого стола «Эмиграция, диаспоры и вклад в развитие» стали особенности и факторы формирования русскоговорящих сообществ за рубежом. Так, доклад А. Брагина, младшего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН, «Новые тренды эмиграции из России» был основан на анализе официальных статистических данных о численности и структуре эмиграционных потоков из России за нескольких лет, а также на экспертных оценках масштабов эмиграции в первом полугодии 2022 года. Автор охарактеризовал структуру эмиграционных потоков, выделив трудовую, образовательную, брачную и миграцию с целью воссоединения семьи. Среди негативных последствий эмиграции россиян он отметил тот факт, что уезжают люди трудоспособного возраста, часто с достаточно высоким уровнем образования, а замещающая миграция характеризуется более низким образовательным уровнем, что приводит к снижению демографического и интеллектуального потенциала населения России.

Совместный доклад члена-корреспондента РАН С. Рязанцева и профессора Финансового университета при Правительстве РФ Е. Письменной «Русскоговорящие сообщества за рубежом: социально-демографическая структура» был основан на данных исследования, поддержанного РФФИ. Авторы выделили основные страны эмиграции россиян, рассказали о масштабах и тенденциях эмиграции из России, особенностях расселения в странах приема. Одним из факторов консолидации русскоговорящих сообществ является использование в ежедневных практиках русского языка, и общение поддерживается посредством социальных сетей и мессенджеров. Среди российских эмигрантов в целом сохраняется достаточно позитивное восприятие России, прослеживается интерес к культурным событиям на исторической родине. В заключение авторы представили комплекс рекомендаций в целях более активного использования российским государством потенциала своих эмигрантов, проживающих за рубежом.

В докладе ведущего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН М. Храмовой «Русскоговорящие мигранты в странах Юго-Восточной Азии в период пандемии covid-19» были представлены результаты исследования, проведенного в рамках гранта РФФИ. Автор рассказала о визовых режимах между отдельными странами Юго-Восточной Азии и Россией и тех ограничениях, которые действовали в отношении въезда иностранных граждан в период пандемии. Страны ЮВА являются относительно новым, но востребованным направлением эмиграции россиян. В российской статистике существенная часть эмиграционного потока

не отражается, но о масштабах этого направления эмиграции можно судить по данным пограничного учета стран въезда и косвенным данным, например, по масштабам покупки недвижимости россиянами, численности российских специалистов, работающих в компаниях и организациях стран ЮВА, численности российских студентов в вузах стран ЮВА, состоянию русскоязычного сектора экономики, ориентированного на туристов из России.

Совместный доклад профессоров Университета Сан-Карлос С. Русеишвили, О. Труцци и С. Рязанцева «Новая волна русскоязычной миграции в Бразилию: факторы и проблемы» был посвящен различным аспектам формирования русскоязычных сообществ в Бразилии: историческим предпосылкам, расселению по штатам, особенностям взаимодействия и роли в социально-политической жизни бразильского общества. Авторы исследовали несколько волн эмиграции русскоязычного населения в Бразилию, описали этнический состав эмигрантов и социально-демографический портрет каждой волны. Бразилия в силу достаточно лояльного миграционного законодательства и возможностей получения профессионального образования стала потенциально востребованным направлением эмиграции россиян.

Профессор Центрального Европейского университета И. Молодикова выступила с докладом «Беженцы в Венгрии: история и современные тренды». В исторической ретроспективе были отмечены несколько волн вынужденной миграции в Венгрию, а также ряд ключевых документов ЕС по вопросам принятия и защиты беженцев. Особый акцент в докладе был сделан на ситуации с беженцами в течение миграционного кризиса 2015–2016 годов, когда Венгрия стала одной из транзитных стран, через которую прошло множество беженцев. Молодикова отметила роль некоммерческих организаций и гражданского общества в приеме и помощи беженцам, выделила наиболее уязвимые категории беженцев в Венгрии и других странах ЕС (пожилые люди, матери с малолетними детьми), которым требуется дополнительная поддержка, и обозначила комплекс проблем, связанных с оформлением и продлением документов и поиском работы в стране приема в период пандемии.

Доклады, представленные на круглом столе, вызвали большой интерес у участников Конгресса. В качестве слушателей участие в круглом столе принимали молодые ученые и аспиранты ведущих российских и бразильских вузов: МГУ, МГИМО, РУДН, Университетов Кампинас, штата Рио-де-Жанейро и Сан-Карлос.

Информация о финансировании

Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-174 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

VIII International American Studies Congress “200th Anniversary of Latin America — Globalization, Political and Social Processes during the Pandemic”*

S.V. Ryazantsev^{1,2}, M.N. Khramova²

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Institute for Demographic Research FCTAS RAS,

Fotievoy St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

(e-mail: riazan@mail.ru; kh-mari08@yandex.ru)

Abstract. From August 22 to 26, 2022, the VIII International Congress of American Studies was held in Rio de Janeiro. This congress focused on the most pressing issues in the contemporary Latin American agenda — globalization and regionalization, economic development, impact of the covid-19 pandemic on social, political, economic, and demographic processes. As a part of the congress, the round table “Migration, Migrants, Migration Policy in the Era of the covid-19: Trends, Consequences, Conclusions” was held. Not only Latin-American researchers, but also scientists from the leading Russian, European, Asian universities and research institutes participated in the round table. They discussed transformations of the international migration and migration policy under the pandemic, ways to ensure the rights of migrants and refugees, state policy measures aimed at restoring internal and international mobility, interstate cooperation and the role of international institutions in ensuring safe, ordered and legal migration.

Key words: Latin America; Russian Federation; Eurasia; international migration; migration policy; consequences of the covid-19 pandemic; social-demographic development; diasporas

Funding

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 060120-2-174.

НАШИ АВТОРЫ

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (e-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru).

Белоконев Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Гостенина Валентина Ивановна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (e-mail: v.gostenina@yandex.ru).

Гусаков Тимур Юрьевич — научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru).

Доброхотов Леонид Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры социологии международных отношений Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: dobrokhotoza@yahoo.com).

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: OAMahova@yandex.ru).

Иванов Владимир Геннадьевич — доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов; профессор кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Кильдюшов Олег Васильевич — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: okildyushov@hse.ru).

Куропятник Марина Степановна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: kuropjatnik@bk.ru).

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kuchmaeva@yandex.ru).

Левина Елена Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук; доцент департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: elena.v.levina@gmail.com).

Лоскутова Ирина Мироновна — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова; профессор кафедры теоретической и специальной социологии имени М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета (e-mail: im.loskutova@mpgu.su).

Мартинovich Владимир Александрович — кандидат социологических наук, доктор теологии Венского университета, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии имени святителя Кирилла Туровского (e-mail: nrmsect@yandex.ru).

Нижников Сергей Анатольевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (e-mail: nizhnikov-sa@rudn.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; проректор по научной работе Московской высшей школы социальных и экономических наук (e-mail: harmina@yandex.ru).

Овчинцева Любовь Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: lovchintseva@gmail.com).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: riazan@mail.ru).

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (e-mail: sinyachkin-vp@rudn.ru).

Сычева Екатерина Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (e-mail: lupenkova@yandex.ru).

Фам Тиен Бак — аспирант кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042215020@rudn.run).

Храмова Марина Николаевна — кандидат физико-математических наук, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kh-mari08@yandex.ru).

Чернозуб Олег Леонидович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: 9166908616@mail.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики и заместитель декана факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна — доктор философских наук, директор Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина (e-mail: yarskayasmirnovavn@sstu.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.